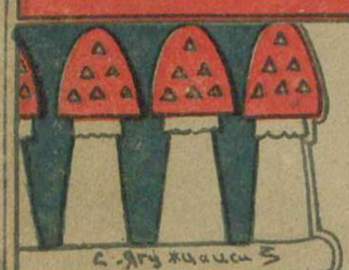
М 30
150

Н. В. Тулуповъ

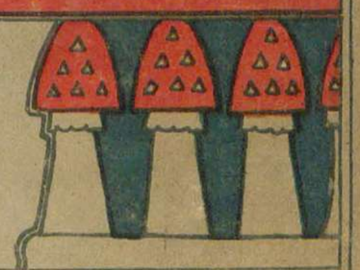
Родныя Сказки

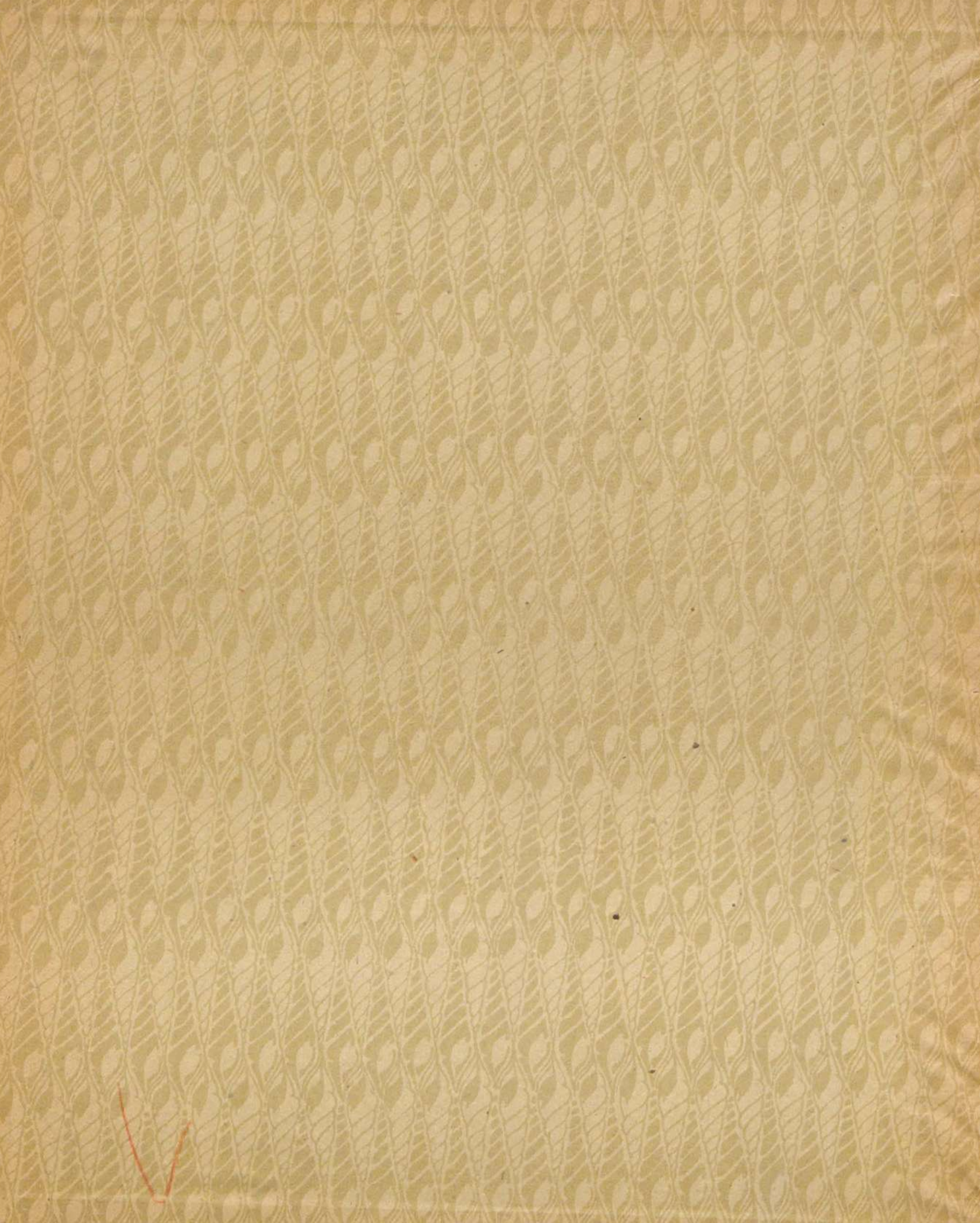
По Афанасьеву
и друг. сборникамъ

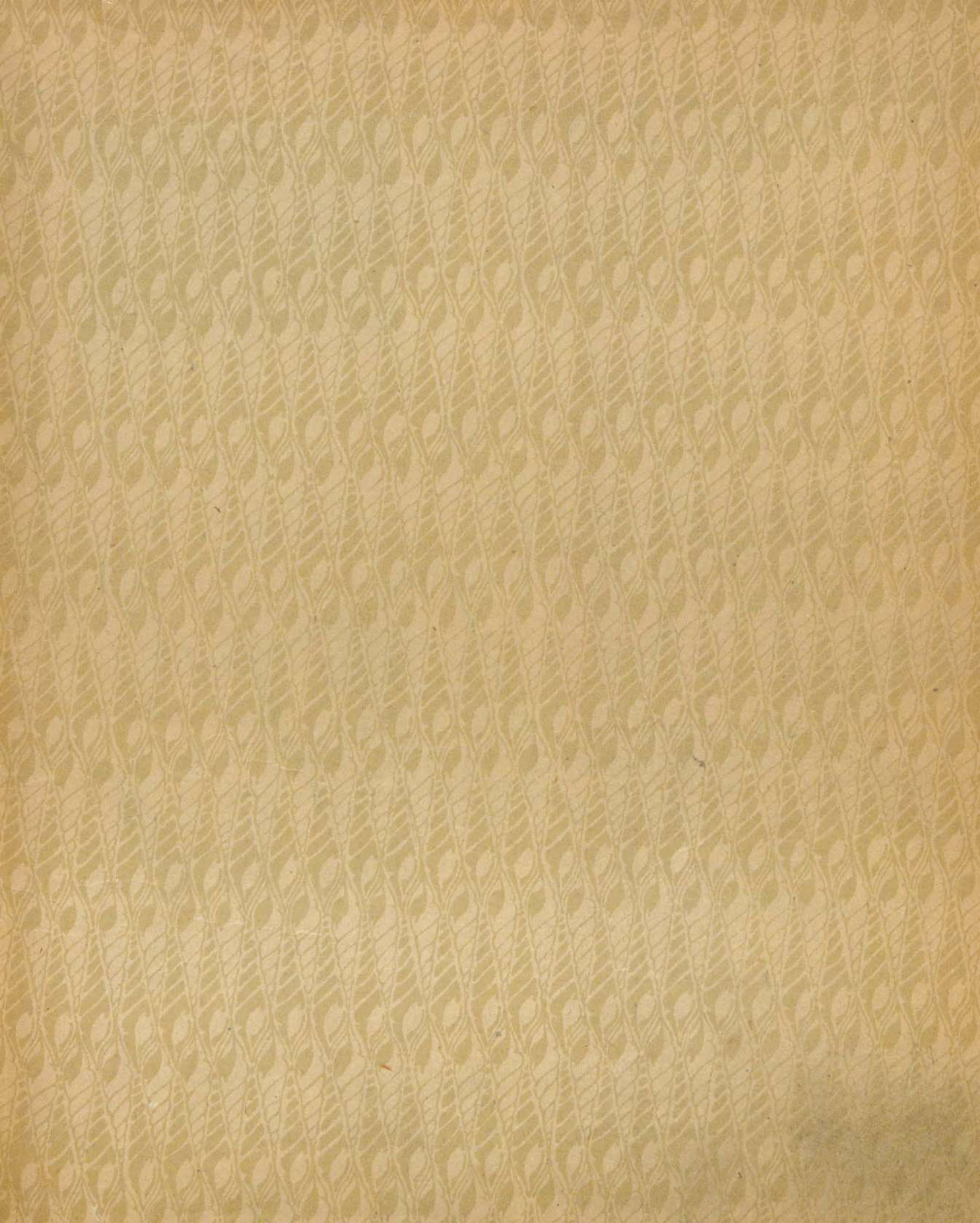

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина
Москва.

С. Ягужинскій

M 30/150

А 266/365
М 30/150

Н. В. Тулуповъ.

СОБРАНІЕ РОДНЫХЪ СКАЗОКЪ.

Томъ I.

XVII 00381
Императорскій Московскій Румянцевскій Музей

По Аѳанасьеву
и другимъ сборникамъ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія **ДОПУЩЕНО** въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

На международной научно-промышленной выставкѣ **„Дѣтскій Міръ“** 1904 г., въ Петроградѣ, удостоено высшей награды—**почетнаго диплома.**

Рисунки художника
С. И. Ягужинскаго.

9-е изданіе.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1917.

2007089987

Ворона и ракъ.

Летитъ ворона надъ озеромъ, смотритъ, ползетъ ракъ. Цапъ его, сѣла на вербу и думаетъ закусить.

Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ:

— Ай, ворона, ворона! Зналъ я твоего отца съ матерью: что за славныя были птицы!

— Угу!—говоритъ ворона, не раскрывая рта.

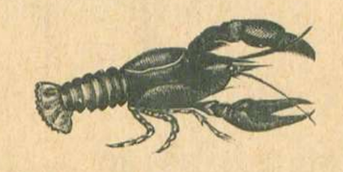
— И сестеръ и братьевъ твоихъ зналъ, — отличныя были птицы!

— Угу! — опять говоритъ ворона.

— Да, хоть хорошія были птицы, а все же далеко до тебя.

— Ага! — каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

А ему того только и надо было.

Рѣпка.

Посадилъ дѣдъ рѣпку, — выросла большая-пребольшая.

Сталъ дѣдъ рѣпку изъ земли тащить: тянетъ-потянетъ, вытянуть не можетъ.

Кликнулъ дѣдъ на помощь себѣ бабку.

Ухватилась бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Кликнула внучка Жучку.

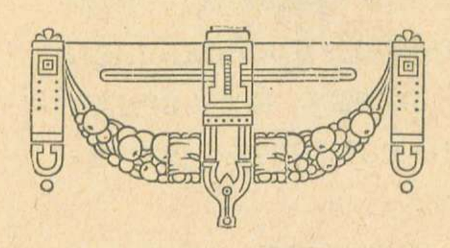
Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Кликнула Жучка кошку.

Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Кликнула тогда кошка мышку.

Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ—вытянули рѣпку.

Переправа.

Подружились какъ-то разъ между собой лапоть, соломинка да пузырь и пошли вмѣстѣ путешествовать.

Долго шли они, подошли къ рѣкѣ и думаютъ, какъ черезъ рѣку имъ перейти.

Вотъ пузырь и говоритъ:

— Лапоть, а лапоть, спускайся-ка въ воду: мы на тебѣ и переплывемъ.

— Нѣтъ, — говоритъ лапоть, — я боюсь. Пусть лучше соломинка съ берега на берегъ ляжетъ, а мы по ней и перейдемъ.

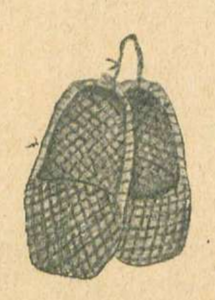
Такъ и сдѣлали. Легла соломинка съ одного берега на другой.

Первый пошелъ по ней лапоть. До середины шелъ онъ благополучно, а тутъ вдругъ соломинка подъ нимъ какъ переломится!.. и полетѣлъ нашъ лапоть въ воду.

Увидалъ пузырь съ берега, что лапоть въ водѣ барахтается, и началъ хохотать, что есть силы.

Хохоталъ - хохоталъ да какъ лопнетъ! — и былъ таковъ.

Такъ всѣ трое и погибли.

Хитрая лиса.

Бѣжитъ голодная лиса по дорогѣ и смотритъ, нельзя ли чѣмъ-нибудь съѣстнымъ поживиться. Вотъ видитъ она—везетъ мужичокъ на саняхъ рыбку. «Эхъ,

хорошо бы рыбки покушать», думаетъ лиса. Забѣжала впередъ, да и легла на дорогу, будто мертвая. Подъѣзжаетъ мужикъ, видитъ—мертвая лиса лежитъ.

— Вотъ славный воротникъ женѣ на шубу!— говоритъ онъ.

Взялъ онъ лису за хвостъ, бросилъ въ сани, закрылъ рогожею и ѣдетъ дальше. А лисанька лежитъ себѣ смирнехонько: только зубами работаетъ. Прогрызла въ мѣшкѣ дыру и давай рыбу выкидывать. Рыбка за рыбкой, рыбка за рыбкой, пока всю не повыкидала, а потомъ и сама изъ саней выскочила, да и была такова.

Пріѣхалъ мужикъ домой и говоритъ женѣ:

— Ну, жена, какой славный воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!

— Гдѣ?

— Тамъ, на возу—и рыба и воротникъ.

Подошла баба къ возу, смотритъ: ни рыбы ни воротника.

Тутъ только смекнулъ мужикъ, что лисичка-то была не мертвая. Погоревалъ-погоревалъ, да дѣлать нечего: обманула хитрая лиса.

Лиса и тетеревъ.

Бѣжитъ лиса по лѣсу, видитъ на деревѣ тетерева и говоритъ ему:

— Терентій, Терентій! я въ городѣ была.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! была, такъ была.

— Терентій, Терентій! я указъ добыла.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла.

— Чтобы вамъ, тетеревамъ, не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! гулять, такъ гулять.

— Терентій! кто тамъ ѣдетъ?—спрашиваетъ лиса, услыхавъ конскій топотъ и собачій лай.

— Мужикъ.

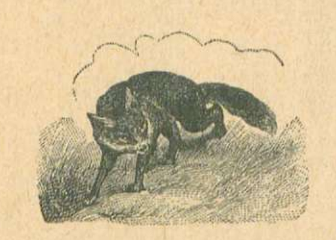
— А кто за нимъ бѣжитъ?

— Жеребенокъ.

— А какъ у него хвостъ?

— Крючкомъ.

— Ну, такъ прощай, Терентій, мнѣ недосугъ!

Мужикъ и медвѣдь.

Подружился медвѣдь съ мужикомъ, и вздумали они рѣпу сѣять. Мужикъ былъ хитрый.

— Мнѣ, — говоритъ, — брать корешокъ, а тебѣ, Миша, вершокъ.

Выросла у нихъ рѣпа да такая славная — крупная, сладкая. Взялъ себѣ мужикъ корешки, а Мишѣ отдалъ вершки. Поворчалъ Миша, да дѣлать нечего.

«Въ другой разъ умнѣе буду,—думаетъ онъ про себя.—Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведетъ мужикъ».

Вотъ на другой годъ и говоритъ мужикъ медвѣдю:

— Давай, Миша, опять вмѣстѣ сѣять.

— Ладно,—говоритъ медвѣдь,—только теперь ты себѣ бери вершки, а мнѣ отдай корешки,—такъ-то лучше будетъ.

— Ну, что жъ!—говоритъ мужикъ.—Пусть будетъ по-твоему,—и посѣяли они пшеницу.

Хорошая пшеница уродилась. Мужикъ взялъ себѣ по уговору вершки, а Мишѣ отдалъ корешки. Намолотилъ мужикъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ да лепешекъ, а Миша опять остался ни съ чѣмъ. Разсердился онъ на мужика и не сталъ больше съ нимъ дружбы водить.

Лиса и козелъ.

Бѣжала лиса по полю, зазѣвалась на воронъ и попала въ яму. Яма была глубокая: не можетъ лиса выскочить.

Сидитъ лисанька и горюетъ. Идетъ козелъ, умная голова, идетъ, бородой трясетъ, рогами мотаетъ; заглянулъ онъ въ яму, видитъ лису и спрашиваетъ:

— Что ты тамъ, лисичка-сестричка, подѣлываешь?

— Отдыхаю, голубчикъ,—отвѣчаетъ лиса;—тамъ, наверху, жарко, а здѣсь хорошо, прохладно! Водица холодная есть—пей, сколько хочешь.

А козлу давно пить хотѣлось.

— Хороша ли вода-то?—спрашиваетъ онъ.

— Отличная! —отвѣчаетъ лиса.—Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣста хватитъ.

Прыгнулъ козелъ въ яму, чуть лису не задавилъ, а она ему:

— Эхъ, бородатый дурень! и прыгнуть-то не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, —всю обрызгалъ.

Вскочила она тутъ козлу на спину, со спины— на рога, да и вонъ изъ ямы. Долго козелъ въ ямѣ сидѣлъ, съ голоду чуть было совсѣмъ не пропалъ. Насилу его потомъ отыскали да за рога вытащили.

Волкъ и козлятки.

Жила-была коза съ козлятками. Построила она себѣ избушку въ лѣсу, тамъ и жила съ дѣтками.

Днемъ уходила коза въ лѣсъ за кормомъ. Уйдетъ, а дѣткамъ велитъ крѣпко-накрѣпко запереться и дверей никому не отпирать.

Воротится коза домой, постучитъ рожками въ дверь и запоетъ:

„Козлятушки, дѣтятушки,
Отомкнитеся, отопритеся!
Ваша мать пришла,
Молочка принесла".

Услышатъ козлятки голосъ матери и отопрутъ ей двери. Покормитъ она ихъ и опять въ лѣсъ уйдетъ.

Подслушалъ разъ волкъ, какъ коза поетъ, и задумалъ козляточекъ съѣсть. Подождалъ онъ, когда коза ушла, подошелъ къ дверямъ избушки и запѣлъ, но только грубымъ-грубымъ голосомъ:

«Козлятушки, ребятушки,
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла,
Молочка принесла».

Услыхали козлятки, что чужой голосъ поетъ, узнали волка и говорятъ:

— Слышимъ, слышимъ,—не матушкинымъ голосомъ поешь: матушка поетъ тоньше, ступай-ка прочь!—и не отворили дверей волку

Постоялъ-постоялъ волкъ, да такъ и ушелъ ни съ чѣмъ.

Пришла мать и похвалила дѣтокъ, что ее послушались:

— Умники вы, дѣточки: не отперли волку двери; съѣлъ бы онъ васъ и косточекъ не оставилъ

Лошадиная голова.

Лежитъ въ полѣ лошадиная голова. Бѣжитъ мышка-норушка:

— Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?

Никто не откликается.

Стала мышка въ теремѣ жить да поживать

Прискакала лягушка-квакушка:

— Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?

— Я, мышка-норушка, а ты кто?

— А я лягушка-квакушка.

— Ступай ко мнѣ жить.

Стали онѣ вдвоемъ жить.

Прибѣжалъ косой заяцъ:

— Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?

— Я, мышка-норушка, да лягушка-квакушка, а ты кто?

— А я на-горѣ-увертышъ.

— Иди къ намъ.

Стали они втроемъ жить.

Прибѣжала лисичка-сестричка:

— Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?

— Я, мышка-норушка, да лягушка-квакушка, да на-горѣ-увертышъ, а ты кто?

— А я вездѣ-поскакишъ.

— Иди къ намъ.

Стали они жить вчетверомъ.

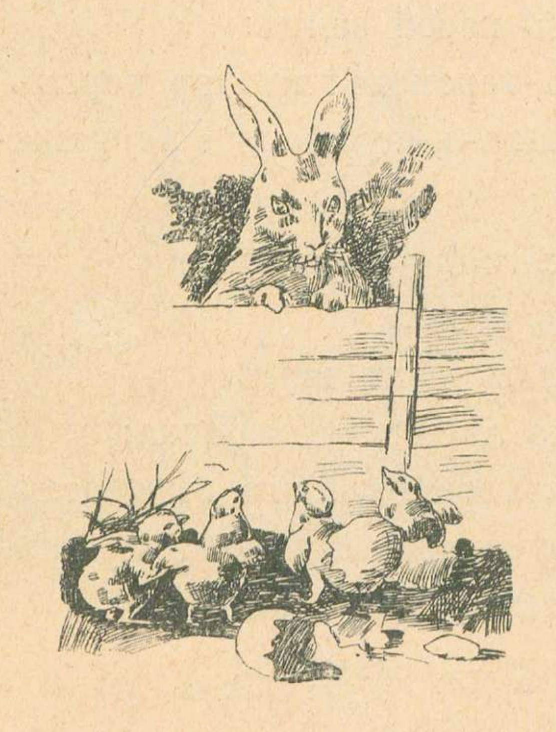
Послѣ всѣхъ пришелъ медвѣдь и заревѣлъ, что есть мочи:

— Теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?

— Мышка-норушка, да лягушка-квакушка, да на горѣ-увертышъ, да вездѣ-поскакишъ, а ты кто?

— А я всѣхъ-васъ-давишь!

Сѣлъ медвѣдь на лошадиную голову и раздавилъ всѣхъ.

Лиса и журавль.

У лисы была съ журавлемъ дружба. Вотъ и зоветъ она журавля къ себѣ въ гости:

— Приходи, куманекъ, приходи, дорогой. Угощу тебя на славу.

Пришелъ журавль къ лисѣ въ гости, а она наварила манной каши, размазала по тарелкѣ, да и потчуетъ:

— Славная каша. Кушай, голубчикъ-куманекъ!

Журавль по тарелкѣ носомъ—хлопъ-хлопъ: ничего не попадаетъ. А лиса лижетъ себѣ да лижетъ кашку, всю и съѣла. Съѣла, да и говоритъ:

— Не обезсудь, куманекъ, больше потчевать нечѣмъ.

— Спасибо, кума, и на этомъ. Приходи и ты ко мнѣ въ гости.

Вотъ приходитъ и лиса къ журавлю въ гости. А журавль приготовилъ окрошку, налилъ въ кувшинъ съ узкимъ-узкимъ горлышкомъ, да и говоритъ:

— Кушай, кумушка, на здоровье, хорошая окрошка-то, самъ дѣлалъ

Ходитъ лиса вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и такъ лизнетъ, и понюхаетъ, а достать окрошки не можетъ: не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль клюетъ себѣ да клюетъ, пока всего не поѣлъ.

— Ну, не обезсудь, кумушка,—говоритъ,—больше потчеватъ нечѣмъ.

Ушла лиса голодная и сердитая. Съ тѣхъ поръ у нея съ журавлемъ и дружба врозь.

Журавль и цапля.

Жили на болотѣ журавль да цапля. У журавля избушка была на одномъ краю болота, у цапли — на другомъ.

Скучно стало журавлю одному жить и задумалъ онъ жениться.

— Пойду, — говоритъ, — посватаюсь къ цаплѣ.

Пошелъ на длинныхъ своихъ ногахъ. Шелъ-шелъ, пришелъ и говоритъ:

— Цапля, а цапля, иди за меня замужъ!

А цапля ему:

— Нѣтъ, журавль, не пойду за тебя замужъ: у тебя платье коротко, ноги длинны, летаешь худо, кормить меня будешь плохо.

Нечего дѣлать, пошелъ журавль домой, какъ не солоно хлебавши.

Прошло немного времени. Раздумалась цапля про свое житье-бытье.

«Что одной-то жить, — думаетъ, — скучно, слова сказать не съ кѣмъ, пойду лучше за журавля замужъ».

Приходитъ она къ журавлю.

— Ну, что жъ, — говоритъ, — бери меня замужъ.

А журавль уже раздумалъ жениться

— Нѣтъ, цапля, не возьму тебя замужъ: когда сваталъ, не шла, а теперь иди отъ меня, пока цѣла.

Заплакала со стыда цапля и пошла домой.

Подумалъ-подумалъ журавль, да и говоритъ себѣ:

— Эхъ, я дурень, дурень, — не взялъ за себя цаплю: плохо одному-то жить, пойду ужъ возьму ее.

Приходитъ къ цаплѣ и говоритъ:

— Что жъ, цапля, передумалъ я, иди за меня

А цапля сердится на журавля: не можетъ обиды простить, и говоритъ:

— Иди прочь, долговязый, такъ я и пошла за тебя замужъ, дожидайся!

Нечего дѣлать, побрелъ журавль домой.

Опять цапля раздумалась:

— Зачѣмъ я отказала? Пойду лучше за журавля.

Приходитъ свататься, а журавль опять не хочетъ.

Вотъ и ходятъ они по болоту одинъ къ другому. Сватаются-сватаются, а жениться не могутъ.

Пѣтухъ и собака.

Жилъ старичекъ со старушкой, и жили они въ большой бѣдности.

Всѣхъ животныхъ у нихъ только и было, что пѣтухъ и собака, да и тѣхъ они плохо кормили.

Вотъ собака и говоритъ пѣтуху:

— Давай, братъ, Петька, уйдемъ въ лѣсъ; здѣсь намъ житье плохое, того и гляди, съ голоду умремъ.

— Ну, что жъ,—говоритъ пѣтухъ,—уйдемъ: хуже не будетъ.

Вотъ и пошли они, куда глаза глядятъ. Пробродили цѣлый день, стало ужъ смеркаться,—пора и на ночлегъ приставать. Свернули они съ дороги въ лѣсъ и выбрали тамъ большое дуплистое дерево. Пѣтухъ взлетѣлъ на сукъ, а собака залѣзла въ дупло. Заснули...

Утромъ, только что стала заря заниматься, пѣтухъ и закричалъ: ку-ку-ре-ку!

Услыхала пѣтуха лиса, захотѣлось ей пѣтушинымъ мясцомъ полакомиться. Подошла къ дереву и стала пѣтуха расхваливать.

— Вотъ пѣтухъ, такъ пѣтухъ! Такой птицы я отроду не видывала: и перышки-то какія красивыя, и гребень-то какой красный, и голосъ-то какой звонкій! Слети ко мнѣ, красавчикъ!

— А за какимъ дѣломъ?—спрашиваетъ пѣтухъ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ гости: у меня сегодня новоселье: горошку я для тебя припасла... ѣшь, сколько хочешь.

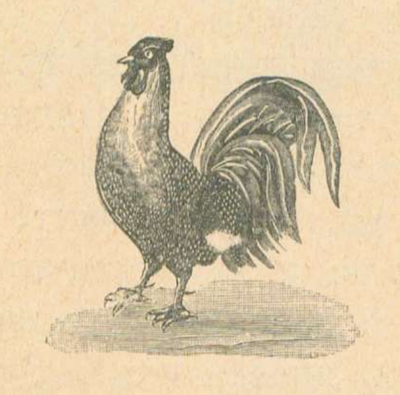
— Ладно,—говоритъ пѣтухъ,—только мнѣ одному итти никакъ нельзя: со мною товарищъ.

«Вотъ счастье-то привалило,—думаетъ лиса:— вмѣсто одного пѣтуха будетъ два».

— Гдѣ же твой товарищъ?—спрашиваетъ она!— Я и его въ гости позову.

— Тамъ, въ дуплѣ ночуетъ,—отвѣчаетъ пѣтухъ.

Кинулась лиса къ дуплу, а собака ее за морду— цапъ!.. Поймала, да и задушила.

Медвѣдь и Барбосъ.

Была у мужика собака, звали ее Барбосомъ. Пока Барбосъ былъ молодъ

и силенъ, хозяинъ кормилъ его, а состарился, — хозяинъ забылъ и думать о немъ. Отощалъ Барбосъ, еле ноги передвигаетъ.

Вотъ и говоритъ хозяинъ своей женѣ:

— Гони, жена, Барбоса со двора, что его хлѣбомъ задаромъ кормить.

Прогнали Барбоса.

Пошелъ онъ въ лѣсъ, а навстрѣчу ему медвѣдь.

— Здравствуй, песъ! Куда идешь?

— Иду куда глаза глядятъ.

— Что ты, песъ, худъ больно?

— Какъ же мнѣ толстымъ быть, коли я отъ голода чуть живъ? Пока я молодъ и силенъ былъ — кормили меня хозяева, а старость пришла, — со двора согнали. Видишь, правда-то у людей какая.

— Плохо твое дѣло. Ѣсть-то тебѣ, небось, хочется?

— Еще какъ хочется-то!

— Пойдемъ со мной, я тебя накормлю.

Пошелъ Барбосъ вмѣстѣ съ медвѣдемъ. Шли они, шли, попадается имъ теленокъ — отъ стада отсталъ да въ лѣсу заблудился. Обрадовался медвѣдь, кинулся на теленка, разорвалъ его на клочки, самъ поѣлъ и Барбоса накормилъ.

Сталъ медвѣдь съ тѣхъ поръ каждый день кормить Барбоса. Поправился песъ, хоть куда.

— Ну, Барбосъ, ты теперь отъѣлся,—говоритъ медвѣдь,—ступай къ своимъ хозяевамъ.

— Что ты, Мишенька, куда я пойду? Они опять меня со двора прогонятъ.

— Иди, иди: я научу тебя, что сдѣлать, чтобы тебя со двора не гнали и до самой смерти кормили.

— Научи, сдѣлай милость!

— Слушай. Пойдетъ твоя хозяйка въ поле жать, положитъ ребеночка подъ кусточекъ, я его схвачу, а ты догоняй меня да отнимай. Принесешь назадъ ребеночка, хозяйка по-старому станетъ кормить тебя.

Сказано — сдѣлано.

Подкараулилъ медвѣдь, когда баба жать пошла, а ребеночка подъ кустомъ положила, схватилъ ребенка и побѣжалъ. Бабы кричатъ, ревутъ, что дѣлать, не знаютъ; тутъ Барбосъ погнался за медвѣдемъ, отнялъ ребенка и несетъ его назадъ. Обрадовалась мать, ребенка цѣлуетъ, Барбоса по головкѣ гладитъ

Пришла домой и говоритъ:

— Мы Барбоса со двора согнали, а онъ намъ за зло добромъ отплатилъ. Безъ него не видать бы намъ дитя свое живымъ.

Стало мужику тогда стыдно и приказалъ онъ женѣ кормить и поить Барбоса до самой смерти.

Пѣтухъ и котъ.

Жили вмѣстѣ котъ да пѣтухъ. Котъ ходилъ въ лѣсъ за добычей, а пѣтуху наказывалъ дома сидѣть, дверей не отпирать и въ окошко не выглядывать.

Провѣдала про то лиса и стала поджидать, когда котъ въ лѣсъ уйдетъ. Вотъ ушелъ котъ въ лѣсъ, а она подбѣжала къ окошку и запѣла:

„Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка!
Выгляни въ окошко:
Дамъ тебѣ горошку“.

Выглянулъ пѣтушокъ въ окошечко, а лиса—цапъ его! и потащила въ нору. Несетъ его лиса, а онъ кричитъ:

„Несетъ меня лиса
За темные лѣса,
За высокія горы,
Въ далекія страны!
Котику-братику,
Отними меня!“

Услыхалъ котъ, догналъ лису, отнялъ пѣтушка и принесъ домой.

— Смотри же, Петя,—говоритъ котъ,—не слушай лисы, не выглядывай въ окно: съѣстъ она тебя и косточекъ не оставитъ

Ушелъ котъ, а лиса опять подъ окномъ поетъ:

„Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка!
Выгляни въ окошко:
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышекъ“.

Хочется пѣтушку посмотрѣть, какія тамъ зернышки у лисы, да вспомнилъ онъ, что котъ наказывалъ, и не выглянулъ въ окно.

А лиса опять запѣваетъ. Не вытерпѣлъ пѣтушокъ подъ конецъ: выглянулъ, а лиса его—цапъ-царапъ! и потащила. Кричитъ опять пѣтушокъ:

„Несетъ меня лиса
За темные лѣса,
За высокія горы,
Въ далекія страны!
Котику-братику,
Отними меня!“

Услыхалъ котъ знакомый голосокъ, догналъ лису, отбилъ пѣтушка и принесъ его домой.

— Ну, теперь, смотри, пѣтушокъ, завтра я далеко-далеко уйду; будешь кричать,—не услышу... Утащитъ тебя лиса и съѣстъ.

Рано утромъ ушелъ котъ за добычей, а лиса опять подъ окномъ запѣла:

„Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка!
Бояре ѣхали,
Пшено разсыпали,
Некому подбирать“.

Хочется пѣтушку хоть однимъ глазкомъ взглянуть на пшеничку, да боится. Видитъ лиса, что не поддается пѣтушокъ, и говоритъ:

— Ну, какъ знаешь: хочешь—гляди, хочешь—нѣтъ, а мнѣ домой пора.

Отбѣжала немного въ сторону, да и спряталась за дерево.

«Ушла», думаетъ пѣтушокъ, выглянулъ въ окошко, а лиса его—цапъ-царапъ!—и потащила.

Кричалъ-кричалъ пѣтушокъ, но не услыхалъ его котъ: очень ужъ далеко зашелъ А лиса принесла его домой, да и съѣла.

Лиса и заяцъ.

Жили въ лѣсу лиса да заяцъ. У лисы была избенка ледяная, а у зайчика—лубяная.

Пришла весна,—у лисицы изба растаяла, а у зайчика стоитъ по-старому. Завидно стало лисѣ, попросилась она у зайчика погрѣться, да и выгнала его изъ избы вонъ.

Идетъ зайчикъ дорогой и плачетъ, а навстрѣчу ему собаки

— Тявъ, тявъ, тявъ! О чемъ, зайчикъ, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать,—говоритъ зяйчикъ:— была у меня избенка лубяная, а у лисы—ледяная. Попросилась она ко мнѣ погрѣться и выгнала меня вонъ.

— Не плачь, зайчикъ,—говорятъ собаки:—мы ее выгонимъ!

Подошли къ избенкѣ.

— Тявъ, тявъ, тявъ! Поди, лиса, вонъ!

А она имъ съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!

Испугались собаки и пустились бѣжать что есть духу.

Заплакалъ зайчикъ и пошелъ опять по дорогѣ. Попадается ему медвѣдь.

— О чемъ, зайчикъ, плачешь?

А зайчикъ:

— Какъ мнѣ, Мишенька, не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы—ледяная. Попросилась она ко мнѣ да меня же и выгнала.

— Не плачь, заинька,—говоритъ медвѣдь:—пойдемъ, я ее выгоню.

— Нѣтъ, не выгонишь.

— Нѣтъ, выгоню!

Пошли гнать лису.

— Поди, лиса, вонъ!—зарычалъ медвѣдь.

А она съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!

Убѣжалъ со страху и медвѣдь.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а навстрѣчу ему быкъ.

— О чемъ, зайчикъ, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы—ледяная. Попросилась она ко мнѣ да меня же и выгнала.

— Пойдемъ, я ее выгоню.

— Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! Собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ и тебѣ не выгнать.

— Нѣтъ, выгоню!

Подошли къ избенкѣ.

— Поди, лиса, вонъ,—заревѣлъ быкъ.

А она съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!

Испугался и быкъ и давай Богъ ноги!

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ. Шелъ-шелъ,—попадается ему навстрѣчу пѣтухъ съ косой.

— О чемъ, зайчикъ, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы—ледяная. Попросилась она ко мнѣ да меня и выгнала.

— Пойдемъ, я ее выгоню.

— Нѣтъ, не выгонишь. Собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, быкъ гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь!

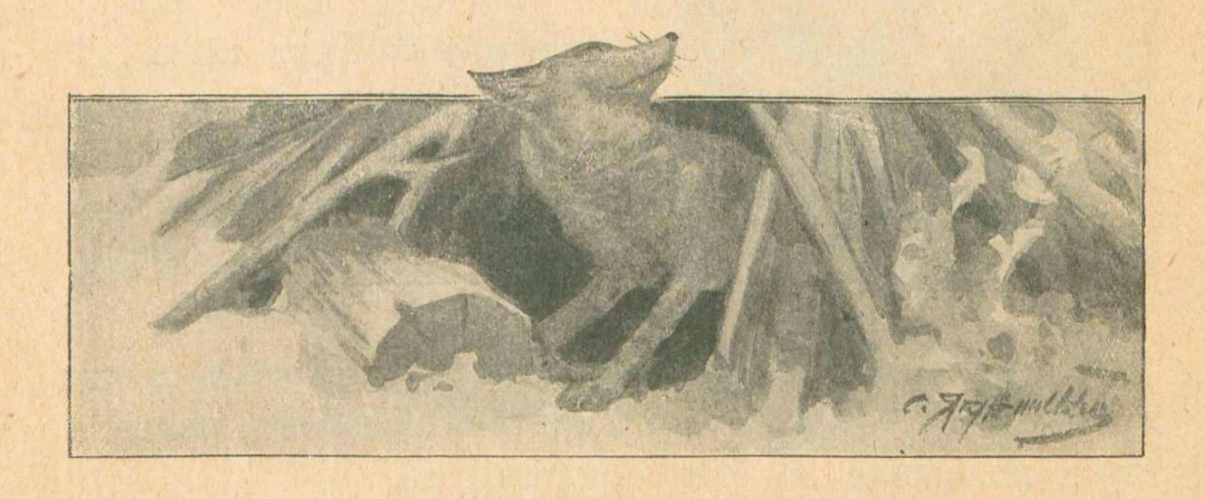
— Нѣтъ, выгóню!

Подошли къ избенкѣ.

— Кукуреку!—что есть силъ запѣлъ пѣтухъ.— Несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! Поди, лиса, вонъ!

Выбѣжала лисица посмотрѣть, что за звѣръ пришелъ. Бросился на нее пѣтухъ, да и зарубилъ косой.

И стали съ той поры пѣтушокъ съ зайчикомъ жить-поживать да добра наживать.

Колобокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Вотъ и проситъ старикъ:

— Испеки мнѣ, старуха, колобокъ.

— Да изъ чего испечь-то? Муки нѣтъ.

— Эхъ, старуха, старуха, а ты по амбару помети, по сусѣчкамъ поскреби — вотъ и наберется.

Старуха такъ и сдѣлала: намела, наскребла муки, замѣсила тѣсто на сметанѣ, скатала колобокъ, испекла его и положила на окно простынуть.

Вотъ лежалъ, лежалъ колобокъ, да и покатился съ окна на завалинку, съ завалинки на травку, а съ травки на дорожку.

Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему — заяцъ.

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!

— Нѣтъ, не ѣшь меня, косой, лучше я тебѣ пѣсенку спою.

Поднялъ заяцъ уши, слушаетъ, а колобокъ поетъ:

„Я—колобокъ, колобокъ!
По амбару метенъ,
По сусѣчкамъ скребенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Въ печку саженъ,
На окошкѣ стуженъ
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ—
Отъ тебя, зайца, уйду".

И покатился колобокъ дальше,—только его заяцъ и видѣлъ.

Катится колобокъ по дорожкѣ, а навстрѣчу ему— волкъ.

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!

— Не ѣшь меня, сѣрый волкъ, хорошую я тебѣ пѣсню спою.

И запѣлъ:

„Я—колобокъ, колобокъ!
По абмару метенъ,
По сусѣчкамъ скребенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,

Въ печку саженъ,
На окошкѣ стуженъ.
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ,
Я отъ зайца ушелъ —
Огъ тебя, волка, уйду".

Покатился колобокъ дальше, — только его волкъ и видѣлъ.

Катится колобокъ дальше; попадается ему медвѣдь

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!

— Ну, гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня! Послушай-ка лучше, какую я тебѣ пѣсенку спою.

Запѣлъ колобокъ, а Миша слушаетъ и уши развѣсилъ.

„Я—колобокъ, колобокъ!
По амбару метенъ,
По сусѣчкамъ скребенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Въ печку саженъ,
На окошкѣ стуженъ.
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ,
Я отъ зайца ушелъ,
Я отъ волка ушелъ —
Отъ тебя, медвѣдь, не хитро уйти".

И покатился колобокъ дальше, — только его медвѣдь и видѣлъ.

Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему — лиса.

— Здравствуй, колобокъ! Какой ты пригоженькій, румяненькій!

Колобокъ радъ, что его похвалили, вскочилъ на пенекъ и запѣлъ свою пѣсенку.

А лиса слушаетъ да все ближе подкрадывается.

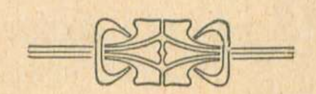
„Я—колобокъ, колобокъ!
По амбару метенъ,
По сусѣчкамъ скребенъ,
На сметанѣ мѣшенъ,
Въ печку саженъ,
На окошкѣ студенъ.
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ,
Я отъ зайца ушелъ,
Я отъ волка ушелъ,
Отъ медвѣдя ушелъ —
Отъ тебя, лиса, уйду“.

— Славная пѣсенка! — говоритъ лиса. — Да вотъ бѣда, голубчикъ: стара я ужъ стала — плохо слышу. Сядь-ка ко мнѣ на мордочку да пропой еще разочекъ.

Колобокъ обрадовался, что его пѣсенка понравилась, прыгнулъ лисѣ на морду, да и запѣлъ:

„Я—колобокъ, колобокъ...“

А лиса его—гамъ! и съѣла.

Лиса, волкъ и медвѣдь.

Волкъ и лиса жили сосѣдями. Было у нихъ по избушкѣ. У волка — новенькая, а у лисы — старая-престарая. Плохо ужъ совсѣмъ стало жить лисѣ въ своей избушкѣ, а новой строить не хочется. Вотъ идетъ она къ волку и проситъ:

— Голубчикъ куманекъ, пусти меня къ себѣ хоть на дворъ.

— На дворъ, такъ и быть, иди.

Вотъ посидѣла, посидѣла лиса на дворѣ и говоритъ:

— Голубчикъ куманекъ, пусти хоть на крылечко: на дворѣ-то холодно.

— Ладно, да смотри, не засиживайся.

— Нѣтъ, я минуточку.

Полежала она на крыльцѣ и опять упрашиваетъ:

— Свѣтикъ мой, красно-солнышко! Пусти хоть въ избу.

Такъ забралась она въ избу, а потомъ и на печку.

Лежитъ лиса на печкѣ, вертитъ хвостомъ да раздумываетъ, гдѣ у волка хлѣбъ Трое сутокъ, вишь, не ѣла. Заснулъ волкъ, а она—ну по избѣ шарить. Шарила-шарила и нашла въ сѣняхъ лукошко толокна да кринку масла. Понюхала, облизнулась, а сама опять на печку.

«Стукъ, стукъ», стучитъ лиса хвостикомъ.

— Лиса, кто тамъ?

— Тебя, голубчикъ волкъ, въ кумовья зовутъ,—говоритъ лисичка-сестричка,—а меня—въ кумушки.

— Ты иди, коль зовутъ, а мнѣ неможется.

А лиса и рада, съ печки—скокъ, вышла въ сѣни и давай масло съ толокномъ лизать; масла лизнетъ, толокна лизнетъ—все прилизала и опять на печку: лежитъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Проснулся волкъ, ѣсть ему захотѣлось, идетъ въ сѣни... ахти, бѣда: ни толокна ни масла.

— Кто съѣлъ толокно и масло?

— Ужъ ты, голубчикъ, на меня не подумай,—говоритъ хитрая лиса.

— Полно, что ты! Какъ я на тебя подумаю.—отвѣчаетъ волкъ.

Стали они толковать, какъ имъ быть теперь: корму нѣтъ, а ѣсть хочется

Выбѣжала лиса на дорогу и видитъ—ѣдетъ мужикъ съ сельдями. Легла она поперекъ дороги и прикинулась мертвою.

— Ай, — говоритъ мужикъ, — лисица! что за шерсть! что за хвостъ! — и бросилъ ее къ себѣ на возъ.

А лиса и ну рыть сельди, дорылась до дна, прогрызла рогожу у саней, повыкидала всѣхъ сельдей въ дыру, да и сама выскочила. Мужичокъ спалъ, ничего не видалъ, а лиса собрала сельди, принесла къ волку и говоритъ:

— Ѣшь, куманекъ, веселись!

Волкъ только дивится:

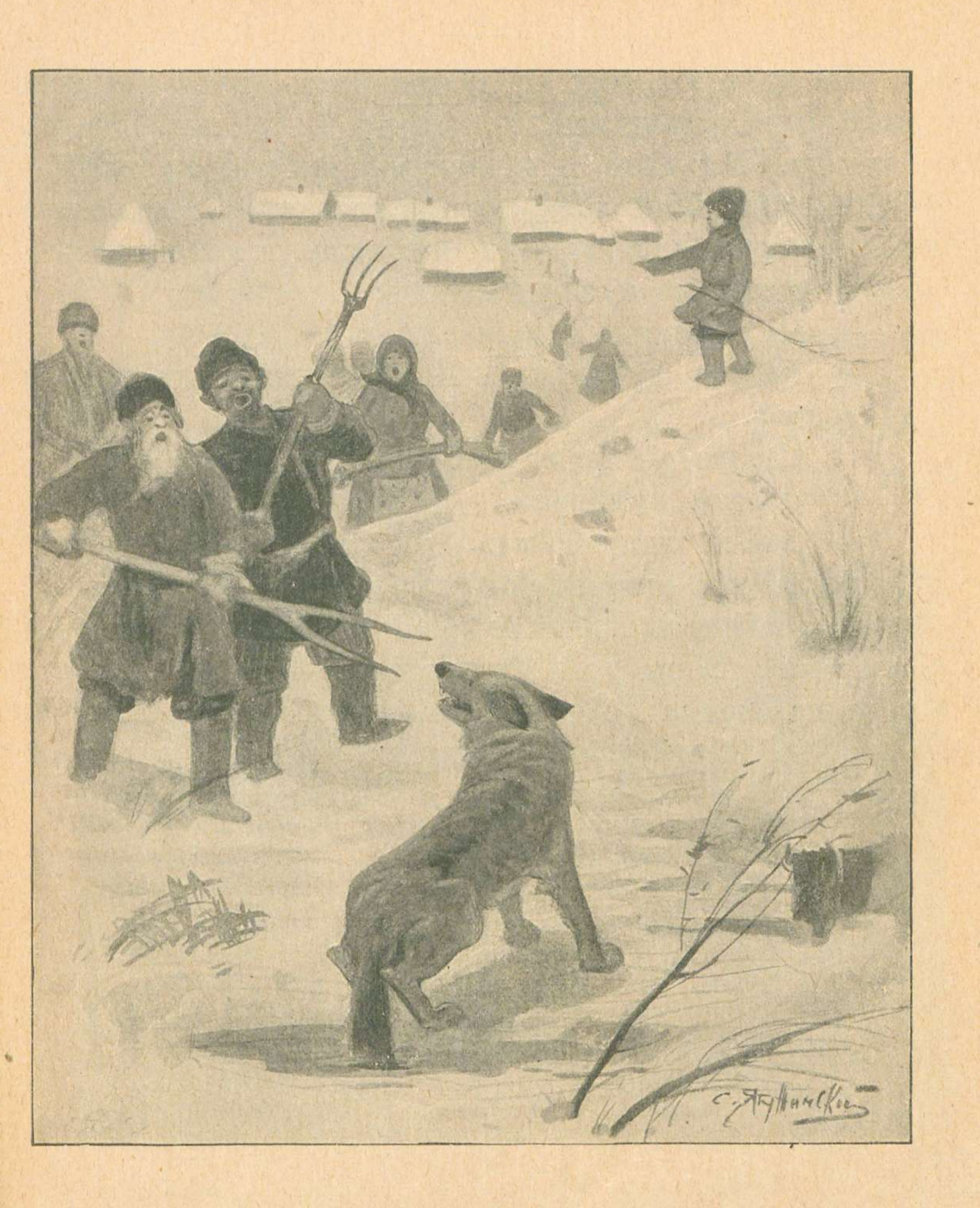
— Какъ это ты, кума, сельдей-то наловила?

— Да очень просто, куманекъ. Тутъ и хитраго-то ничего нѣтъ: опустила хвостъ въ прорубь, а сельди сами и пошли,—сельдь да двѣ, сельдь да двѣ!—живо наловила.

Забрала и волка охота счастье попытать. Пошелъ онъ на рѣку, сѣлъ къ проруби и сидитъ. Сидѣлъ-сидѣлъ, хвостъ-то у него и примерзъ.

Увидали мужики, что волкъ хвостъ приморозилъ, прибѣжали съ палками, съ кольями и давай его охаживать, пока до-смерти не убили.

А лисѣ того только и надо было: осталась она теперь одна въ волчьей хатѣ жить.

На другую зиму не понравилась лисѣ прежняя хата и задумала она попроситься къ медвѣдю въ берлогу. Михаилъ Ивановичъ — ничего, пустилъ — пусть живетъ. А лиса достала цыплятъ, подложила ихъ подъ себя и ѣстъ понемножку. Смотритъ медвѣдь на нее, да и спрашиваетъ:

— Что это ты, кумушка, ѣшь?

— Да что, куманекъ!.. Изъ себя кишечки таскаю да кушаю.

— Сладко? — спрашиваетъ медвѣдь.

— Сладко, куманекъ

— Дай-ка попробовать.

Дала лиса ему немного курятинки

Понравилось Мишѣ, и давай онъ таскать изъ себя кишечки; надрывался, надрывался — до тѣхъ поръ, пока не околѣлъ. А лиса того только и ждала: ей и пища на цѣлый годъ, и мягкая постель, и теплая конура.

Волкъ-Дурень.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужичокъ-сѣрячокъ; была у него собака. Смолоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла старость и лаять перестала. Надоѣла она хозяину. Вотъ

и отвелъ онъ ее въ лѣсъ. Привязалъ тамъ къ дереву, а самъ вернулся домой.

Остался бѣдный песъ въ лѣсу и ну плакаться на свою судьбу.

Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ собаку и кричитъ:

— Здравствуй, песъ! Долгонько поджидалъ я тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дома, а теперь самъ ко мнѣ попался. Что захочу, то надъ тобой теперь и сдѣлаю. Ужъ я тебѣ за все отплачу!

— А что хочешь ты, сѣрый волчокъ, надо мной сдѣлать?

— Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и костями твоими.

— Ахъ, ты, глупый сѣрый волкъ! Съ жиру самъ не знаешь, что дѣлать; развѣ послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ напрасно ломать надо мной свои острые зубы? Мясо мое теперь словно гнилая колода. А ты вотъ лучше что сдѣлай: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что угодно.

Послушался волкъ пса, пошелъ и притащилъ ему полтуши конины.

— Вотъ тебѣ и говядина! Смотри, поправляйся.

Сказалъ и ушелъ. А собака рада: стала она прибирать мясцо, пока всего не поѣла.

Черезъ два дня приходитъ опять сѣрый дуракъ и говоритъ псу:

— Ну, братъ, поправился али нѣтъ?

— Маленько поправился. Только что бы тебѣ принести мнѣ еще овцу, тогда мое мясо сдѣлалось бы не въ примѣръ слаще!

Волкъ и на то согласился: побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лощинѣ и сталъ караулить, когда погонитъ пастухъ свое стадо.

Вотъ гонитъ пастухъ стадо; волкъ повысмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирнѣе да побольше, выскочилъ и бросился на нее, ухватилъ за шиворотъ и тащитъ къ собакѣ.

— Вотъ тебѣ овца,—поправляйся!

Сталъ песъ поправляться. Съѣлъ овцу и почуялъ въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ:

— Ну, что, братъ, каковъ теперь?

— Еще немножко худъ. Вотъ, если бъ ты принесъ мнѣ еще кабана, такъ я бы разжирѣлъ, какъ свинья!

Волкъ добылъ и кабана и говоритъ:

— Это моя послѣдняя служба: черезъ два дня приду къ тебѣ въ гости.

«Ну, ладно,—думаетъ собака,—теперь-то я съ тобою справлюсь».

Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а тотъ завидѣлъ его и ну на него лаять.

— Ахъ, ты, мерзкій песъ! — говоритъ сѣрый волкъ.—Смѣешь ты на меня брехать!—и тутъ же бросился на него и хотѣлъ разорвать.

Но песъ собрался уже съ силами, сталъ съ волкомъ въ дыбки и началъ его такъ потчевать, что съ сѣраго только шерсть летитъ.

Вырвался волкъ да бѣжать скорѣе: отбѣжалъ немного, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай—опять припустился. Прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны: больно досталось ему.

— Ишь, какъ обманулъ, мерзкій песъ! — говоритъ волкъ самъ себѣ.—Постой же: теперь на кого ни нападу, ужъ тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!

Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ—на горѣ стоитъ большой козелъ; онъ—къ нему и кричитъ:

— Козелъ, а козелъ! я пришелъ тебя съѣсть.

— Ахъ, ты, сѣрый волкъ! Для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои острые зубы? А ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкую

пасть, я разбѣгусь да прямо къ тебѣ въ ротъ; ты меня и проглотишь!

Сталъ волкъ подъ горой, разинулъ свою широкую пасть, а козелъ себѣ на умѣ: полетѣлъ съ горы, какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ, да такъ крѣпко, что тотъ съ ногъ свалился. А козелъ и былъ таковъ.

Часа черезъ три очнулся волкъ; голову такъ и ломитъ отъ боли; еле-еле побрелъ онъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу.

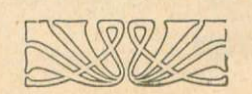
Долго изнывалъ онъ отъ голоду,—не вытерпѣлъ, и пошелъ къ деревнѣ. Подошелъ къ околицѣ и видитъ—лежитъ около гумна какая-то падаль.

«Нечего дѣлать,—думаетъ,—придетъ ночь, наѣмся хоть этой падали».

Нашло на волка неурожайное время: радъ и падалью поживиться,—все лучше, чѣмъ съ голода зубами пощелкивать да по-волчьи пѣсенки распѣвать.

Пришла ночь; приплелся волкъ къ гумну и сталъ уписывать падаль. Но охотникъ давно ужъ поджидалъ его и приготовилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ. Ударилъ онъ изъ ружья, и покатился сѣрый волкъ.

Такъ и окончилъ свою жизнь глупый сѣрый волкъ.

Зимовье звѣрей.

Идетъ изъ деревни быкъ, а навстрѣчу ему баранъ.

— Куда, баранъ, идешь? — спрашиваетъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу,—говоритъ баранъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ!

— Пойдемъ.

Вотъ идутъ они вмѣстѣ; попадается имъ навстрѣчу свинья.

— Куда, свинья, идешь?

— Отъ зимы лѣта ищу,—отвѣчаетъ свинья.

— Иди съ нами!

Пошли втроемъ.

Попадается имъ гусь.

— Куда, гусь, идешь?—спрашиваютъ они.

— Отъ зимы лѣта ищу,—отвѣчаетъ гусь.

— Ну, иди съ нами!

Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ.

— Куда, пѣтухъ, идешь?

— Отъ зимы лѣта ищу,—отвѣчаетъ пѣтухъ.

— Иди съ нами.

Пошелъ и пѣтухъ.

Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ:

— Приходитъ, братцы-товарищи, время холодное—зима настаетъ. Гдѣ тепла искать?

Быкъ и говоритъ.

— Надо избу строить, а то замерзнемъ.

Баранъ говоритъ:

— У меня шуба теплая—вишь, какая шерсть! Я и такъ прозимую.

— А по-мнѣ,—говоритъ свинья,—хоть какіе морозы, я не боюсь: зароюсь въ землю и безъ избы прозимую.

Гусь говоритъ:

— А я сяду на ель, одно крыло постелю, другимъ одѣнусь: меня никакой холодъ не возьметъ.

— И я тоже!—говоритъ пѣтухъ.

Видитъ быкъ — дѣло плохо: надо одному хлопотать.

— Ну,—говоритъ,—вы какъ хотите, я одинъ стану избу строить.

Вотъ выстроилъ себѣ быкъ избушку и живетъ въ ней.

Пришла зима, стали пробирать морозы. Приходитъ къ быку баранъ.

— Пусти, братъ, погрѣться.

— Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба теплая, ты и такъ перезимуешь.

— А коли не пустишь, то я разбѣгусь и вышибу изъ твоей избы бревно: тебѣ же будетъ холоднѣе.

Думалъ-думалъ быкъ, какъ быть. А ну баранъ и вправду бревно вышибетъ. «Лучше пущу, а то онъ меня заморозитъ», и пустилъ барана.

За бараномъ пришла свинья.

— Пусти, братъ, погрѣться.

— Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешься, и такъ прозимуешь!

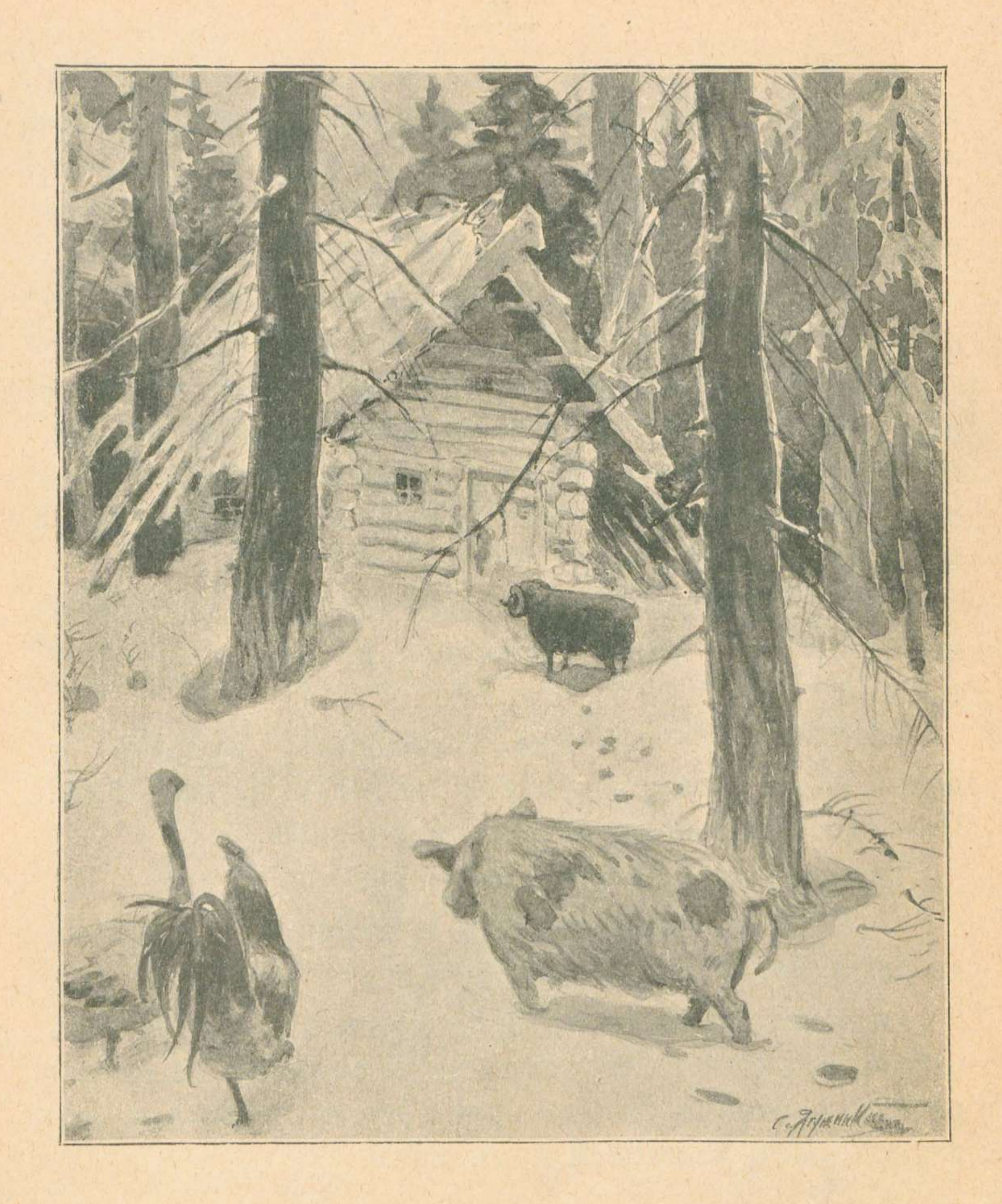
— А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою, упадетъ тогда твоя избушка.

Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Послѣ всѣхъ пришли гусь и пѣтухъ

— Пусти, братъ, къ себѣ обогрѣться

— Нѣтъ, не пущу; у васъ по два крыла: одно постелете, другимъ одѣнетесь, и такъ прозимуете

— Не пустишь, — говоритъ гусь, — такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю: тебѣ же холоднѣе будетъ.

— Не пустишь,—кричитъ пѣтухъ,—такъ я взлѣзу наверхъ, всю землю съ потолка сгребу: тебѣ же холоднѣе будетъ.

Что дѣлать быку? Пустилъ жить къ себѣ и гуся съ пѣтухомъ.

Вотъ зажили они въ избушкѣ всѣ вмѣстѣ. Тепло имъ, хорошо.

Отогрѣлся пѣтухъ въ избѣ и началъ пѣсенки распѣвать. Услыхала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ, захотѣлось ей пѣтушкомъ полакомиться да какъ достать его? Думала-думала и пошла къ медвѣдю съ волкомъ.

— Ну, любезные куманьки, нашла я для всѣхъ поживу: для васъ — барашка, а для себя — пѣтушка.

— Хорошо, кумушка, — говорятъ медвѣдь и волкъ, — мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! Пойдемъ, приколемъ ихъ, да и поѣдимъ.

Привела лиса ихъ къ избушкѣ.

— Кумъ, — говоритъ она медвѣдю, — отворяй-ка дверь; я напередъ пойду.

Отворилъ медвѣдь дверь, и лиса вскочила въ избушку. Увидалъ ее быкъ, да и прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ въ это время ну ее по бокамъ осаживать. Изъ лисицы и духъ вонъ!

— Что это она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться?—говоритъ волкъ.—Отпирай-ка, Михайло Ивановичъ, я пойду.

— Ну, ступай

Отворилъ медвѣдь дверь, и волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ — ну осаживать его по бокамъ, да такъ сильно, что волкъ и дышать пересталъ.

А медвѣдь стоитъ у дверей, дожидается. «Что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ?— думаетъ онъ.—Дай-ка, я пойду».

Вошелъ Михайло Ивановичъ въ избушку; быкъ да баранъ какъ примутся за него, — насилу онъ вырвался.

Такъ и не пришлось имъ мясцомъ полакомиться. А быкъ съ товарищами и до сихъ поръ въ избушкѣ живетъ да поживаетъ.

Котъ, козелъ и баранъ.

Жили-были у хозяина котъ, козелъ и баранъ. Жили они дружно: сѣна клокъ и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ, такъ одному коту Васькѣ.

Онъ такой воръ и разбойникъ: гдѣ что плохо лежитъ, туда и глядитъ.

Лежатъ разъ козелъ да баранъ и разговариваютъ между собой. Откуда ни возьмись котишка-мурлышка, сѣрый лобишко, идетъ да такъ-то жалобно плачетъ.

— О чемъ ты плачешь, котъ-котокъ, сѣренькій лобокъ?—спрашиваютъ его козелъ да баранъ

— Какъ мнѣ не плакать: била меня баба, била, уши выдирала, ноги поломала да еще и удавку припасла.

— А за какую вину такая напасть на тебя пришла?

— Какая вина: всего голько и сдѣлалъ, что нечаянно сметанку слизалъ.

И опять заплакалъ котъ-мурлышка.

— Котъ-котокъ, сѣренькій лобокъ! о чемъ же ты еще плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, какъ не горевать: била меня баба, а сама приговаривала: «Ко мнѣ придетъ зять, гдѣ сметаны взять? Поневолѣ теперь придется козла и барана колоть»

Услыхали это козелъ да баранъ и сами заревѣли что есть мочи:

— Ахъ, ты, сѣрый котъ, безтолковый твой лобъ! За что ты насъ-то погубилъ? Стоитъ тебя за это забодать. Ну, да такъ и быть, на первый разъ прощается!

Вотъ и стали они втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? Думали-думали и порѣшили бѣжать всѣмъ троимъ, куда глаза глядятъ.

Пыль столбомъ поднимается, трава къ землѣ приклоняется: бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ, сѣрый лобъ.

Усталъ онъ и взмолился названнымъ братьямъ своимъ—козлу да барану:

— Не могу я, братцы, бѣжать дальше, помогите!

Взялъ его козелъ, посадилъ себѣ на спину и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ.

Долго бѣжали, и день и ночь, пока въ ногахъ силы хватило.

Вотъ прибѣжали въ поле, а на томъ полѣ стога, что города стоятъ. Остановились они здѣсь отдыхать, а ночь была осенняя, холодная. Надо бы огня добыть, а гдѣ—не знаютъ.

Думаютъ козелъ да баранъ, гдѣ огня добыть, а мурлыка тѣмъ временемъ добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ бараномъ лбами стукнуться. Разбѣжались козелъ съ бараномъ и стукнулись лбами, да такъ, что искры изъ глазъ посыпались.

— Ладно, — молвилъ сѣрый котъ, — теперь обогрѣемся,—да и зажегъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путемъ обогрѣться, глядь — жалуетъ къ нимъ незваный гость, мужичокъ-сѣрячокъ, Михайло Ивановичъ!

— Откуда идешь?

— Ходилъ на пасѣку, да подрался съ мужиками; вотъ хворь и прикинулась.

Стали они вчетверомъ темную ночь коротать: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыка на стогу, а козелъ да баранъ у огня.

Ночью вдругъ идутъ семь волковъ сѣрыхъ да одинъ бѣлый,—идутъ, да прямо къ стогу.

— Фу, фу,—говоритъ бѣлый волкъ,—какой-такой народъ здѣсь? Давайте-ка силу пробовать!

Заблеяли со страху козелъ да баранъ, а мурлыка повелъ такую рѣчь:

— Ахъ, ты, бѣлый волкъ, надъ волками князь! Не гнѣви ты нашего старшого: онъ, помилуй Богъ, сердитъ,—какъ расходится, никому не сдобровать. Или не видишь у него бороды? А въ ней-то и сила: бородой онъ звѣрей убиваетъ, а рогами только кожу снимаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ де играть съ твоимъ меньшимъ братцемъ, что подъ стогомъ спитъ.

Поклонились волки козлу, а сами обступили Мишку и стали его трогать.

Крѣпился-крѣпился Мишка, да какъ схватитъ въ каждую лапу по волку, такъ и запѣли они не своимъ голосомъ.

Насилу выбрались волки еле живы да, поджавъ хвосты, подавай Богъ ноги!

А козелъ да баранъ между тѣмъ подхватили мурлышку и побѣжали въ лѣсъ. Бѣжали-бѣжали, да

и наткнулись опять на сѣрыхъ волковъ. Что тутъ дѣлать?

Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловый сукъ и повисли.

Стоятъ волки передъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана.

Видитъ котъ, сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыми шишками. Кидаетъ да приговариваетъ:

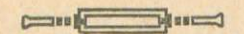
— Разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! Всего-то по волку на брата. Я, мурлышка, ужъ двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ, а ты, братъ-козелъ, за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери и мою долю!

Лишь только сказалъ онъ это, какъ козелъ сорвался и упалъ прямо на волка, а мурлышка, знай, кричитъ:

— Держи его, лови его!

Тутъ на волковъ такой страхъ напалъ, что они со всѣхъ ногъ бросились бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

А козелъ да баранъ подхватили мурлышку да домой. Обрадовалась старуха, что они домой вернулись, про старое и думать забыла.

У страха глаза велики.

Жилъ-былъ котъ.

Хозяева кота были скупы и плохо кормили его, а если ему когда и случалось потихоньку слизнуть сметанки или попробовать сливочекъ, то хозяйка принималась бранить его, а то и бить, приговаривая:

— Ахъ, ты, такой-сякой! Житья отъ тебя нѣтъ: все-то облизалъ, все-то панюхалъ!

Надоѣла такая жизнь коту, и рѣшилъ онъ уйти отъ своихъ хозяевъ, куда глаза глядятъ.

Собрался и пошелъ. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только пришелъ въ лѣсъ. Видитъ — стоитъ избушка, старая-престарая, совсѣмъ почти развалилась.

«Дай, — думаетъ котъ, — зайду я въ избушку, погляжу, кто тамъ живетъ».

Въ избушкѣ же никто не жилъ, — стояла она пустая, заброшенная, а это коту и на-руку. По-

селился онъ въ избушкѣ и сталъ себѣ жить-поживать. Встанетъ утромъ, пойдетъ въ лѣсъ, птичекъ да мышей наловитъ, наѣстся досыта и опять въ свою хатку—и горя ему мало!

Гулялъ такъ однажды котъ по лѣсу, попадается ему лиса, смотритъ на кота и дивится: никогда она такого звѣря не видывала

А котъ поклонился ей и говоритъ:

— Здравствуй, кумушка! Какъ поживаешь? Давно я въ гости къ тебѣ собирался, да все времени не было.

— Да кто ты такой? Сколько лѣтъ въ лѣсу живу, а такого звѣря не встрѣчала!

— А пріѣхалъ я сюда недавно изъ сибирскихъ дремучихъ лѣсовъ. Зовутъ меня Василіемъ Котофеевичемъ, и присланъ я сюда наблюдать надъ звѣрями, быть надъ ними начальникомъ.

Проговоривъ это, котъ важно такъ фыркнулъ, выгнулъ спину и въ одинъ прыжокъ очутился на деревѣ.

Стоитъ Лиса Патрикѣевна подъ деревомъ, на кота посматриваетъ и говоритъ ему сладкимъ голоскомъ:

— Что же, Василій Котофеевичъ, женатъ ты или холостъ?

— Холостъ,—отвѣчаетъ котъ.—А ты, кумушка, дѣвица или замужемъ?

— Я, лисица,—дѣвица, а найдется хорошій женихъ—отчего и замужъ не выйти?

Спрыгнулъ котъ съ дерева, замурлыкалъ и говоритъ лисѣ:

— Есть у меня, Лиса Патрикѣевна, домикъ, да нѣтъ въ немъ хозяйки, выходи за меня замужъ.

Согласилась лиса.

Повелъ ее котъ въ свою хатку и начался у нихъ пиръ горой.

На другой день встала лиса раненько и побѣжала въ лѣсъ добывать дичинки на обѣдъ себѣ съ муженькомъ.

Бѣжитъ, а навстрѣчу ей—волкъ.

— Здорово, кума!—говоритъ.—Куда это ты бѣжишь?

— Здорово! Проходи мимо. Некогда мнѣ съ тобою разговаривать: меня мужъ дома дожидается.

— За кого же ты, кума, вышла?

— За начальника надъ звѣрями,—съ гордостью произнесла лисица,—за Василія Котофеевича: онъ присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ.

— Нельзя ли посмотрѣть на твоего мужа, кумушка?

— Можно. Да только ты, смотри, принеси ему на поклонъ барана, а то плохо тебѣ будетъ: онъ у меня сердитый.

Побѣжала лисичка дальше, попадается ей Мишка косолапый.

— Здравствуй, Лиса Патрикѣевна! Куда Богъ несетъ?

— Иду дичь на обѣдъ себѣ съ мужемъ добывать.

— Давно ли ты замужъ-то вышла?

— Недавно. Мой мужъ изъ сибирскихъ лѣсовъ сюда пріѣхалъ надъ вами, звѣрями, надсматривать.

— Нельзя ли, Лиса Патрикѣевна, посмотрѣть на твоего мужа?

— Отчего нельзя? Можно. Только съ пустыми руками не приходи къ нему: онъ этого не любитъ. Принеси ему на поклонъ быка.

Пошелъ Мишка добывать быка и повстрѣчался съ волкомъ.

— Слыхалъ, Михаилъ Потапычъ, къ намъ новый начальникъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ?

— Какъ не слыхать, — отвѣчалъ медвѣдь, — слыхалъ. Говорятъ, сердитъ больно...

— Вотъ принесу ему барана на поклонъ, можетъ, и не очень тѣснить станетъ.

— А я за быкомъ иду, — сказалъ медвѣдь, — лиса приказала. Вѣрно, грозенъ нашъ новый начальникъ-то.

Пошли они вмѣстѣ.

Къ обѣду идутъ наши пріятели назадъ: волкъ тащитъ барана, а медвѣдь — быка.

Притащили къ избушкѣ, гдѣ котъ съ лисой живутъ, и думаютъ, какъ имъ быть, а въ избу итти боятся.

— Вотъ что, братъ, — говоритъ медвѣдь, — я положу быка возлѣ хаты, а самъ на дубъ взлѣзу.

— А мнѣ куда дѣваться? — спрашиваетъ волкъ. — Ужъ ты, Михайла Потапычъ, схорони меня куда-нибудь! Вѣдь мнѣ на дерево не взлѣзть.

— Ну, ладно, — говоритъ медвѣдь, — садись въ кусты, я тебя вѣтками прикрою.

Спрятался волкъ въ кустахъ, а медвѣдь на дубъ взобрался: сидятъ и ждутъ, когда котъ выйдетъ.

Вотъ вышелъ котъ, видитъ — быкъ лежитъ; засверкали у Васьки глаза, шерсть взъерошилась; кинулся онъ на быка и началъ рвать его зубами и когтями; рветъ, а самъ мурлычитъ:

— Мяу, мяу!

Слышитъ это Мишка и думаетъ:

«Ростомъ хоть и малъ, да прожористъ! Намъ съ волкомъ и вдвоемъ не съѣсть, а онъ одинъ кричитъ: «мало», «мало».

Волку изъ-за листьевъ не видать, что дѣлаетъ котъ, а поглядѣть смерть хочется; вотъ и сталъ онъ вѣтки раздвигать. Услыхалъ котъ шорохъ, подумалъ,

что это мышь, кинулся въ кусты и вцѣпился волку когтями прямо въ морду.

Взвылъ волкъ отъ боли и кинулся бѣжать что есть духу.

А котъ и самъ испугался да съ испугу какъ кинется на дерево, гдѣ сидѣлъ медвѣдь!

«Охъ, пришла смерть моя, — думаетъ медвѣдь, — увидалъ меня Василій Котофеевичъ, съѣстъ теперь!»

Кинулся Михайла Потапычъ съ дерева, да такъ ударился о землю, что изъ него и духъ вонъ.

И пошла съ той поры слава по всему лѣсу про новаго начальника. Всѣ звѣри стали кота бояться.

А Лиса Патрикѣевна съ котомъ живутъ себѣ, поживаютъ да надъ звѣрями посмѣиваются.

Солнце морозъ и вѣтеръ.

Идетъ мужикъ, а навстрѣчу ему солнце, морозъ и вѣтеръ. Сталъ мужикъ посреди дороги и поклонился имъ въ поясъ.

— Это онъ мнѣ кланяется,—сказало солнце,—чтобы я его не жгло.

— Нѣтъ, не тебѣ, а мнѣ,—сказалъ морозъ,—потому что онъ меня больше боится...

— Полно вамъ вздоръ молоть,—перебилъ обоихъ вѣтеръ:—не вамъ мужикъ кланялся, а мнѣ.

И начали они между собой спорить и ссориться.

— А коли такъ,—сказало, наконецъ, солнце,—то спросимъ лучше самого мужика

Догнали они мужика и спрашиваютъ

— Скажи, мужикъ, кому изъ насъ троихъ ты отдалъ поклонъ?

— Вѣтру,—отвѣчалъ мужикъ.

— Ну, что? вѣдь говорилъ я, что не вамъ, а мнѣ!—сказалъ вѣтеръ.

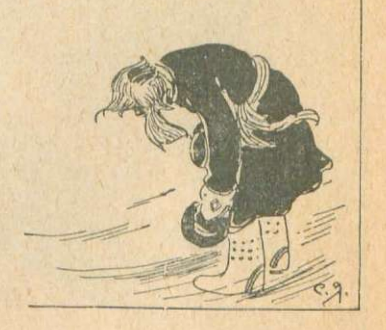
— Такъ я жъ его какъ рака испеку!—сказало солнце.—Будетъ онъ меня помнить.

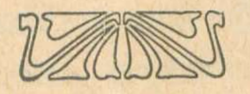
— Не испечешь,—говоритъ вѣтеръ,—какъ начну я вѣять и охлаждать его, такъ не испечешь.

— Ну, такъ я его, бездѣльника, заморожу!—сказалъ морозъ.

— Полно, старина! перестану дуть, такъ безъ меня не заморозишь.

И побрелъ мужикъ своей дорогой и, цѣлъ и невредимъ.

Медвѣдь.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, жили они одни, дѣтей у нихъ не было. Захотѣлось старухѣ медвѣжьяго мяса и говоритъ она старику:

— Иди, старикъ, въ лѣсъ за медвѣжимъ мясомъ.

Слѣзъ старикъ съ печи, взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ медвѣдя искать. Хо-

дилъ-ходилъ по лѣсу, вдругъ видитъ — подъ деревомъ крѣпко спитъ медвѣдь. Старикъ, недолго думая, замахнулся топоромъ, отсѣкъ медвѣдю лапу, схватилъ ее и пустился домой бѣжать. Пришелъ и говоритъ женѣ:

— Ну, старуха, вари теперь медвѣжью лапу.

Старуха ощипала съ медвѣжьей лапы шерсть, содрала кожу, а мясо поставила варить. Пока варилось мясо, она постлала кожу на лавку и сѣла на нее шерсть прясть.

Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ отъ боли, да, нечего дѣлать, привязалъ себѣ деревяжку и пошелъ къ старику въ деревню; подошелъ къ избѣ, стучитъ клюкою въ дверь и поетъ:

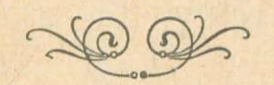
„Скирлы, скирлы, скирлы,
На липовой ногѣ,
На березовой клюкѣ.
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ“.

Испугалась старуха, видитъ—дѣло плохо, погасила лучину и говоритъ старику:

— Садись, старикъ, въ кузовъ, я тебя надъ дверью повѣшу, а сама на печь спрячусь.

Залѣзъ старикъ въ кузовъ, а медвѣдь ужъ въ избу ломится. Рванулъ онъ дверь что есть силы, кузовъ-то со старикомъ какъ оборвется да прямо на медвѣдя! Испугался Михаилъ Ивановичъ, кинулся вонъ изъ избы да давай Богъ ноги!

Съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху ни духу.

Баба-яга и Иванушка.

У старика со старухой былъ сынокъ Иванушка. Пошелъ разъ Иванушка въ садъ, взлѣзъ на яблоню и сталъ яблочки ѣсть.

Увидала его баба-яга и говоритъ:

— Здорово, Иванушка! Что это ты дѣлаешь?

— Да вотъ яблочки рву да ѣмъ.

— Эхъ, охота тебѣ кислыя яблоки ѣсть! Покушай-ка моего—сладенькаго.

Протянула баба-яга Иванушкѣ красное яблочко

Иванушка думалъ, что она и вправду хочетъ его угостить, хотѣлъ было взять у нея изъ рукъ яблоко, а баба-яга какъ схватитъ его! Посадила въ ступу и помчалась съ нимъ, что есть духу домой.

Скачетъ она съ Иванушкой по лѣсамъ, по горамъ, по оврагамъ—толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ.

Пріѣхала баба-яга домой, зоветъ свою дочку и говоритъ ей:

— Истопи печку пожарче да изжарь мнѣ Иванушку, а я спать пойду.

Ушла баба-яга спать, а дочь истопила печь и говоритъ Иванушкѣ:

— Ну, Иванушка, садись на лопату, я тебя въ печь посажу

Сѣлъ Иванушка, да такъ, что въ печь не лѣзетъ.

— Ты, не такъ сѣлъ, Иванушка,—говоритъ дочь бабы-яги.

— Да какъ же? Лучше я не умѣю.

— Пусти-ка, я тебя научу.

Легла дочь яги на лопату, а Иванушка—не промахъ: сунулъ ее въ печь да скорѣе и приперъ заслонку, чтобы не выскочила.

Прошло часа три, изжарилась дочь бабы-яги. Вытащилъ ее Иванушка изъ печки, положилъ на столъ, а самъ спрятался на печь да прихватилъ съ собой и толкачъ, что баба-яга ступу погоняетъ.

Сидитъ Иванушка на печи тихо-тихо—ждетъ, что будетъ.

Выспалась баба-яга, пришла въ кухню и говоритъ:

— Хорошо поспала, теперь и поѣсть можно.

Сѣла за столъ и въ одинъ присѣстъ все съѣла; косточки обглодала, на полъ покидала и стала на

нихъ приплясывать да ногами притоптывать. А Иванушка съ печи кричитъ ей:

— Попляши, попляши, яга старая, на дочериныхъ косточкахъ.

— А! ты живъ, разбойникъ?—закричала баба-яга и полѣзла къ нему на печь.

Но Иванушка не испугался, схватилъ толкачъ и что есть силы ударилъ бабу-ягу по лбу,—изъ нея и духъ вонъ.

Вышелъ Иванушка на улицу, видитъ — гуси летятъ; сталъ онъ просить ихъ:

— Гуси, сѣрые! возьмите меня, отнесите къ отцу, къ матери, къ роду-племени!

Услыхали гуси, сжалились надъ Иванушкой, взяли его къ себѣ на крылышки и отнесли къ отцу, къ матери.

А дома его ужъ давнымъ-давно за упокой поминали, да какъ увидали, что онъ живъ-здоровъ, обрадовались и такой-то пиръ устроили, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать!

Я на томъ пиру былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Липунюшка.

Жили-были старикъ со старухой. Старикъ работалъ въ полѣ, а старуха пряла ленъ и хозяйничала по дому. Хорошо они жили, одно только печалило ихъ: не далъ имъ Богъ дѣтей. Часто старикъ со старухой горевали о томъ, что у нихъ дѣтей нѣтъ.

Вотъ разъ поѣхалъ старикъ въ поле землю пахать, а старуха стала блины печь. Напекла блиновъ и говоритъ:

— Эхъ, кабы у насъ сынокъ былъ: отнесъ бы онъ блины старику, чѣмъ мнѣ, старухѣ, итти.

— Давай, мама, я отнесу,—пропищалъ кто-то изъ липоваго столбочка.

— А кто ты?

— Да я твой сынокъ—Липунюшка. Ты хлопочекъ заткнула въ липовый столбочекъ, я изъ него и вышелъ.

— Ну, такъ садись, Липунюшка, ѣшь блины, а потомъ отнесешь и отцу.

Позавтракалъ Липунюшка, положилъ блины на голову и понесъ ихъ къ отцу.

Вышелъ въ поле, видитъ: отецъ за сохой идетъ, а на дорогѣ-то кочка. Никакъ онъ на кочку съ блинами взобраться не можетъ и давай кричать отцу:

— Тятя, пересади меня черезъ кочку. я тебѣ блиновъ несу.

Подошелъ старикъ къ кочкѣ, а Липунюшки подъ блинами не видно.

— Кто ты такой?—спрашиваетъ старикъ.

— Да я твой сынокъ—Липунюшка

Взялъ его старикъ, пересадилъ черезъ кочку, а самъ пошелъ борозду допахивать.

Вотъ Липунюшка и говоритъ

— Тятя, ты, чай, усталъ? Сядь-ка, блинковъ поѣшь, пока тепленькіе, а я за тебя попашу.

— Гдѣ тебѣ пахать: тебя чуть отъ земли видно!

— Да ужъ ты давай: увидишь, какой я работникъ!

Сѣлъ старикъ блины ѣсть, а Липунюшка взобрался на соху и ну понукать лошадку. Старикъ сидитъ да радуется, что Богъ ему такого сыночка послалъ.

Ѣдетъ по дорогѣ баринъ. Видитъ—лошадь одна пашетъ, удивился, остановилъ кучера, крикнулъ старика и спрашиваетъ:

— Гдѣ это ты такую лошадь взялъ, что одна безъ управителя пашетъ.

— Нѣтъ, баринъ, она не одна пашетъ: ею правитъ мой сынокъ Липунюшка.

— Что ты, старикъ, или смѣяться надо мной вздумалъ: развѣ я не вижу, что лошадь одна пашетъ?

— Поди, баринъ, поближе да посмотри, тогда увидишь, что я говорю правду.

Слѣзъ баринъ на землю, подошелъ къ сохѣ, увидалъ мальчика, удивился и говоритъ:

— Продай мнѣ его, старикъ.

— Ни за что на свѣтѣ не продамъ, баринъ: вѣдь онъ у меня одинъ

А Липунюшка шепчетъ:

— Продай, тятя,—я вернусь.

— А сколько ты, баринъ, дашь?

— Сто рублей не пожалѣю.

Отдалъ старикъ Липунюшку за сто рублей. Посадилъ его баринъ въ карманъ и поѣхалъ. Пріѣзжаетъ домой и кричитъ женѣ:

— Поди-ка, посмотри, какую я диковинку купилъ.

Полѣзъ баринъ въ карманъ, а Липунюшкинъ и слѣдъ простылъ. Онъ давно ужъ со старикомъ пашню кончилъ, домой уѣхалъ и на печкѣ сидитъ.

Старая хлѣбъ-соль забывается.

Идетъ мужикъ по полю; попадается ему волкъ и говоритъ:

— Мужикъ, спрячь меня. За мной охотники гонятся.

— Полѣзай въ мѣшокъ, — говоритъ мужикъ волку.

Подходятъ охотники и спрашиваютъ:

— Не видалъ ли дядя, волка?

— Нѣтъ, не видалъ,—говоритъ мужикъ.

Охотники отъѣхали дальше, и мужикъ выпустилъ волка.

Вылѣзъ онъ изъ мѣшка и говоритъ:

— Ну, мужикъ, теперь я тебя съѣмъ!

— За что же ты меня съѣшь, или забылъ, что я тебя отъ смерти спасъ?

— А развѣ ты не знаешь, что старая хлѣбъ-соль забывается?

— Нѣтъ, не забывается, хоть кого хочешь спроси. Пойдемъ по дорогѣ и спросимъ перваго встрѣчнаго; если скажетъ, что забывается, тогда ѣшь меня

Волкъ согласился; пошли они по дорогѣ. Встрѣчается имъ старая-престарая лошадь еле ноги тащитъ. Волкъ и спрашиваетъ ее

— Скажи намъ, лошадь, помнится ли старая хлѣбъ-соль?

Говоритъ лошадь:

— Я вотъ служила своему хозяину двадцат лѣтъ; онъ меня надорвалъ тяжелой работой такъ, что я ослѣпла, не могу больше работать, и меня же со двора гонятъ. Значитъ, старая хлѣбъ-соль забывается.

— Слышишь?—говоритъ волкъ.—Теперь я тебя съѣмъ!

— Постой, волкъ,—спросимъ еще кого-нибудь, а тогда и съѣшь.

Пошли они дальше, бѣжитъ навстрѣчу избитая собака. Волкъ и ее спрашиваетъ, забывается ли старая хлѣбъ-соль.

— Я,—говоритъ собака,—пятнадцать лѣтъ караулила добро своего хозяина, теперь стара стала и не могу караулить, какъ прежде, за это меня хозяинъ избилъ и согналъ со двора. Значитъ, старая хлѣбъ-соль забывается.

— Спросимъ послѣднiй разъ еще кого-нибудь,— говоритъ мужикъ.

Волкъ согласился, и пошли они дальше. Навстрѣчу имъ бѣжитъ лиса.

— Скажи намъ, лисочка, забывается ли старая хлѣбъ-соль?

— А зачѣмъ вамъ это знать надо?

— Да вотъ я его посадилъ въ мѣшокъ и отъ смерти спасъ, а онъ теперь меня съѣсть хочетъ; говоритъ, старая хлѣбъ-соль забывается.

— Не вѣрю,—говоритъ лиса,—чтобы этакiй волчина могъ помѣститься въ такомъ мѣшкѣ

— Спроси хоть его самого,—говоритъ мужикъ.

— И ему не повѣрю. А ты лучше, волкъ, покажи, какъ въ мѣшокъ-то влѣзъ.

Влѣзъ волкъ въ мѣшокъ, а лиса и говоритъ мужику:

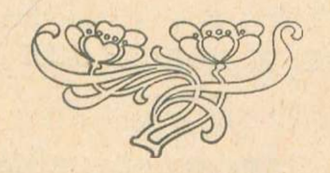
— Завяжи-ка его покрѣпче.

Мужикъ завязалъ.

— А покажи-ка, мужичокъ, какъ ты на гумнѣ рожь молотишь?

И принялся мужикъ молотить волка, что есть силы.

Насилу тотъ вырвался да давай Богъ ноги!..

Гуси-лебеди.

Жили старичокъ со старушкою; были у нихъ дочка да сынокъ маленькіе.

— Дочка, а дочка!—говоритъ мать.—Мы съ отцомъ пойдемъ на работу, принесемъ тебѣ булочку, сошьемъ платьице, купимъ платочекъ, смотри, будь умна: береги братца, не ходи со двора.

Старшіе ушли, а дѣвочка забыла, что ей приказывали, посадила братца на травку подъ окошкомъ, а сама побѣжала на улицу съ подругами играть.

Вдругъ налетѣли гуси-лебеди, подхватили мальчика и унесли на крылышкахъ. Пришла дѣвочка, глядь—братца нѣтъ! Ахнула, кинулась туда-сюда— нигдѣ нѣтъ! Кликала, заливалась слезами, причитала, что худо будетъ ей отъ отца съ матерью,—не откликнулся братецъ!

Выбѣжала она въ чистое поле и видитъ: метнулись вдалекѣ гуси-лебеди и пропали за темнымъ лѣсомъ.

А гуси-лебеди эти давно себѣ дурную славу нажили: маленькихъ дѣтей таскали. Угадала дѣвочка, что они унесли ея братца, и бросилась ихъ догонять.

Бѣжала-бѣжала, видитъ—печка стоитъ.

— Печка, а печка! Скажи, куда гуси полетѣли?

— Съѣшь моего ржаного пирожка, тогда скажу.

— О, у моего батюшки пшеничные не ѣдятся!

Печь не сказала.

Побѣжала дѣвочка дальше. Стоитъ яблоня.

— Яблонька, яблоня! Скажи, куда гуси полетѣли?

— Съѣшь моего лѣсного яблочка, тогда скажу.

— Вотъ еще, у моего батюшки и садовыя не ѣдятся!

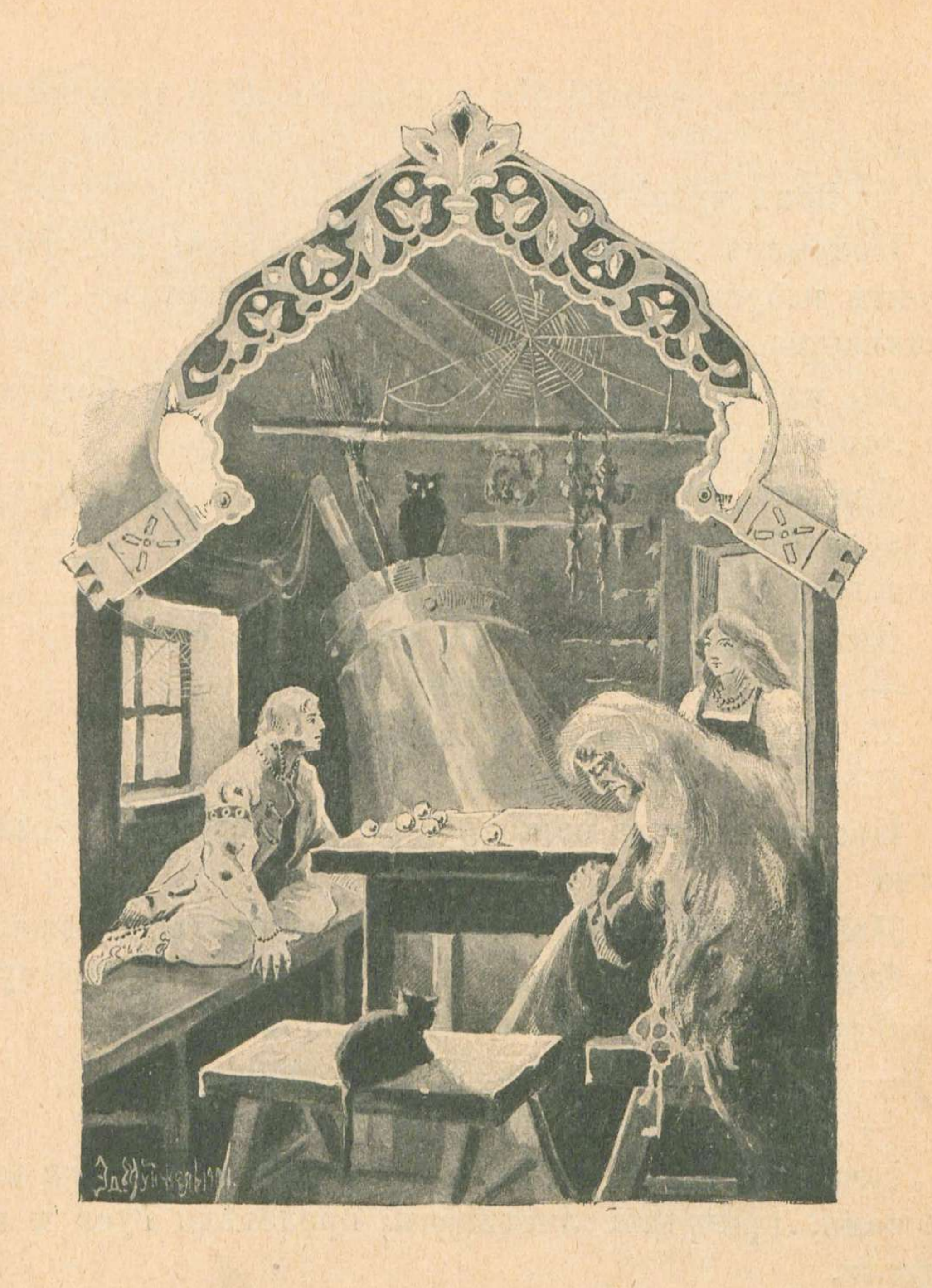
Побѣжала дѣвочка дальше, стоитъ молочная рѣка, кисельные берега.

— Молочная рѣчка, кисельные берега! Куда гуси полетѣли?

— Съѣшь моего простого кисельку съ молокомъ— скажу.

— Какъ бы не такъ, у моего батюшки и сливочки не ѣдятся!

Долго бы пришлось ей бѣгать по полямъ и бродить по лѣсу, да, къ счастью, попался ей ежъ; хотѣла она его толкнуть, но побоялась наколоться и спрашиваетъ:

— Ежикъ, ежикъ! Не видалъ ли, куда гуси полетѣли?

— Вонъ туда!—указалъ ежикъ.

Побѣжала дѣвочка, куда ежъ указалъ. Видитъ—стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, стоитъ—поворачивается

Въ избушкѣ сидитъ баба-яга, сидитъ и братецъ на лавочкѣ, золотыми яблочками играетъ.

Увидала его сестра, подкралась тихонько, схватила да бѣжать; а гуси за нею въ погоню летятъ. Вотъ-вотъ нагонятъ.—Куда дѣться?

Бѣжитъ молочная рѣчка, кисельные берега.

— Рѣчка-матушка, спрячь меня!

— Съѣшь моего киселька!

Нечего дѣлать—съѣла.

Посадила рѣчка ее подъ бережокъ; гуси пролетѣли мимо

Поблагодарила дѣвочка рѣчку и опять побѣжала съ братцемъ, а гуси воротились, летятъ навстрѣчу.

Что дѣлать?.. Бѣда! Стоитъ яблоня.

— Яблонька-матушка, спрячь меня!

— Съѣшь моего лѣсного яблочка!

Нечего дѣлать—съѣла. Заслонила ее яблонька вѣточками, прикрыла листиками; пролетѣли гуси и не видали.

Вышла дѣвочка и опять бѣжитъ съ братцемъ, а гуси увидали да за ней; совсѣмъ налетаютъ, ужъ крыльями бьютъ, того и гляди—изъ рукъ вырвутъ! Къ счастью, на дорогѣ—печка.

— Сударыня печка, спрячь меня!

— Съѣшь моего ржаного пирожка!

Дѣвочка поскорѣй пирожокъ въ ротъ, а сама—въ печь, сѣла въ устьице. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали да ни съ чѣмъ и улетѣли. А она побѣжала домой, да хорошо еще, что успѣла прибѣжать во-время, пока отца съ матерью не было, а тутъ и они домой вернулись.

Мѣна.

Купался богатый купецъ въ рѣкѣ, попалъ на глубокое мѣсто и сталъ тонуть. Шелъ мимо старичокъ-мужичокъ, услыхалъ крикъ, кинулся и вытащилъ купца изъ воды. Купецъ за это позвалъ мужика къ себѣ въ городъ, угостилъ его и подарилъ ему кусокъ золота, величиною съ конскую голову. Взялъ золото

мужичокъ и пошелъ домой. Идетъ, а навстрѣчу ему цыганъ—табунъ лошадей гонитъ.

— Здравствуй, старикъ! Откуда идешь?

— Изъ города, отъ богатаго купца.

— Что же тебѣ купецъ далъ?

— Кусокъ золота съ конскую голову.

— Отдай мнѣ золото, я дамъ тебѣ за него лучшаго коня.

Взялъ старикъ лучшаго коня, поблагодарилъ и пошелъ дальше. Попадается ему навстрѣчу пастухъ—воловъ гонитъ.

— Здравствуй, старикъ! Откуда Богъ несетъ?

— Изъ города, отъ купца.

— Что же тебѣ купецъ далъ?

— Кусокъ золота съ конскую голову.

— А гдѣ же оно?

— Промѣнялъ на коня.

— Промѣняй мнѣ коня на вола.

Выбралъ старикъ вола, поблагодарилъ и пошелъ.

Идетъ старикъ, а навстрѣчу овчаръ—гонитъ стадо овецъ

— Здравствуй, старичокъ! Откуда Богъ несетъ?

— Отъ богатаго купца, изъ города.

— Что же тебѣ купецъ далъ?

— Кусокъ золота съ конскую голову.

— Гдѣ же оно?

— Промѣнялъ на коня.
— А конь гдѣ?
— Промѣнялъ на вола.
— Промѣняй мнѣ вола на барана

Взялъ старикъ лучшаго барана, поблагодарилъ и пошелъ дальше.

Идетъ старикъ, а навстрѣчу свинопасъ—поросятъ гонитъ.

— Здравствуй, старикъ! Гдѣ былъ?
— Въ городѣ, у богатаго купца.
— Что же тебѣ купецъ далъ?
— Кусокъ золота съ конскую голову
— Гдѣ же оно?
— Промѣнялъ на коня.
— А конь гдѣ?
— Промѣнялъ на вола.
— А волъ гдѣ?
— Промѣнялъ на барана.
— Давай мнѣ барана, бери себѣ лучшаго поросенка.

Выбралъ старикъ поросенка и пошелъ. Идетъ, а навстрѣчу ему коробейникъ.

— Здравствуй, старикъ! Откуда идешь?
— Отъ купца, изъ города.
— А что тебѣ купецъ далъ?
— Кусокъ золота съ конскую голову.

— Гдѣ же оно?

— Промѣнялъ на коня.

— А конь гдѣ?

— Промѣнялъ на вола.

— А волъ гдѣ?

— Промѣнялъ на барана.

— А баранъ гдѣ?

— Промѣнялъ на пороси.

— Промѣняй мнѣ поросенка на любую иглу.

Выбралъ старикъ славную иголку, поблагодарилъ и пошелъ домой.

Пришелъ старикъ домой, сталъ черезъ плетень перелѣзать и потерялъ иглу.

Выбѣжала навстрѣчу старику старуха.

— Ахъ, голубчикъ мой! Я безъ тебя здѣсь совсѣмъ было пропала. Ну, разсказывай,—былъ ты у купца?

— Былъ.

— Что тебѣ купецъ далъ?

— Кусокъ золота съ конскую голову.

— Гдѣ же оно?

— Промѣнялъ на коня.

— А конь гдѣ?

— Промѣнялъ на вола.

— А волъ гдѣ?

— Промѣнялъ на барана.

— А баранъ гдѣ?

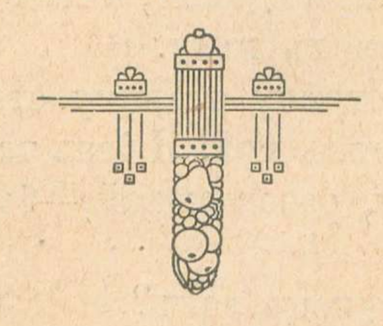
— Промѣнялъ на поросенка.

— А поросенокъ гдѣ?

— Промѣнялъ на иглу. Хотѣлъ тебѣ, старая, подарочекъ привезти, да сталъ черезъ плетень перелѣзать и потерялъ.

— Ну, слава же Богу, мой голубчикъ, что ты самъ-то вернулся; пойдемъ въ избу ужинать.

И теперь живутъ старичокъ со старушкой счастливые и довольные.

Медвѣдь и дѣвочка.

Жили на свѣтѣ старикъ со старухой, и была у нихъ, какъ свѣтъ въ глазу, всего только одна дочка — Машенька.

Разъ, въ праздникъ, пришли къ Машенькѣ подруги и зовутъ ее въ лѣсъ по ягоды.

— Смотри, дочка,—наказываетъ мать,—не заходи въ лѣсъ далеко: не случилось бы чего недобраго!

Пошли дѣвочки въ лѣсъ, стали ягоды брать, да такъ незамѣтно и зашли въ самую чащу.

Вдругъ, откуда ни возьмись, идетъ къ нимъ навстрѣчу медвѣдь, схватилъ Машеньку и понесъ ее далеко-далеко въ лѣсъ, а подруги — давай Богъ ноги да безъ оглядки домой! Прибѣжали въ деревню и себя не помнятъ отъ страха.

— А гдѣ же наша Машенька? — спрашиваютъ у дѣвочекъ отецъ съ матерью.

Разсказали подруги, какъ бѣда приключилась. Только заплакали старики и говорятъ:

— Ну, теперь, навѣрное, медвѣдь ужъ съѣлъ нашу дочку! — И пошли въ лѣсъ отыскивать ея косточки, чтобы похоронить.

А медвѣдь принесъ Машеньку къ себѣ въ берлогу и утѣшаетъ:

— Не плачь, красная дѣвица, я не съѣмъ тебя! Оставайся у меня жить. Да, смотри, не думай убѣжать: вездѣ найду тебя и тогда ужъ не прогнѣвайся,— съѣмъ.

Заплакала дѣвочка и думаетъ: «Можетъ-быть, и увижусь когда-нибудь съ тятей и съ мамой, а теперь,

дѣлать нечего, надо медвѣдю угождать, благо онъ не съѣлъ меня».

А медвѣдь самъ старается тоже, какъ бы угодить дѣвочкѣ. Натаскалъ ей мягкаго моха, принесъ меду, ягодъ. Только ничто не радуетъ Машеньку, все она скучаетъ да плачетъ.

Вотъ разъ и говоритъ ей медвѣдь:

— Что ты все плачешь красная дѣвица?

— Какъ же мнѣ не плакать, — отвѣчаетъ Машенька:—вѣдь тятя, съ мамой думаютъ, что меня и въ живыхъ нѣтъ, да и я не знаю о нихъ ничего: живы ли они еще!

— Хорошо, — говоритъ медвѣдь, — пожалуй, я схожу, провѣдаю ихъ. А ты напеки имъ въ гостинцы пирожковъ,—я отнесу

Принесъ медвѣдь Машенькѣ муки и большой кузовъ, куда пироги уложить. А Машенька была дѣвочка смѣтливая, и говоритъ ему:

— Спасибо тебѣ на добромъ словѣ, только смотри, пирожковъ дорогой не ѣшь: я увижу.

Ушелъ медвѣдь въ лѣсъ, а Машенька стала пироги печь. Напекла, сѣла въ кузовъ, а сверху пироговъ наложила, чтобы не видать было

Вернулся медвѣдь въ берлогу ужъ вечеромъ, видитъ—готовъ кузовъ съ пирогами; взялъ его на спину и понесъ. Шелъ онъ, шелъ и говоритъ самъ себѣ:

— Вотъ какой тяжелый кузовъ! — насилу несу. Сѣсть развѣ на пенекъ да съѣсть пирожокъ.

Видитъ Машенька—плохо дѣло; высунула изъ кузова голову и запѣла:

— Вижу тебя, вижу! Не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ. Ужъ до батюшкина двора недалеко.

— Вишь какая глазастая! — ворчитъ медвѣдь. — И далеко ушелъ, а она все видитъ.

Отошелъ медвѣдь еще дальше и говоритъ:

— Ну, теперь, авось, не увидитъ. Сяду-ка на пенекъ да съѣмъ пирожокъ.

А Машенька опять высунула голову изъ кузова и запѣла попрежнему:

— Не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ: до батюшкина двора ужъ недалеко!

Подхватилъ медвѣдь кузовъ, побрелъ съ нимъ дальше и пришелъ, наконецъ, въ деревню, гдѣ жилъ Машенькинъ отецъ. Отыскалъ домъ ихъ и началъ стучать въ ворота лапою.

Старики уже спали.

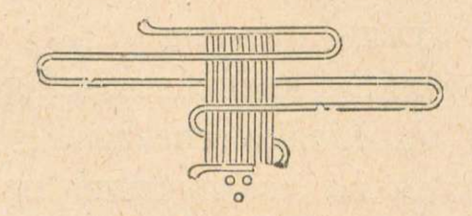
— Видно, кто-нибудь чужой пришелъ,—говоритъ Машенькинъ отецъ,—собаки такъ и рвутся.

Зажгла старуха огонь, и пошли они ворота отпирать. Только что отперъ старикъ ворота медвѣдь бросилъ ему кузовъ и побѣжалъ безъ оглядки въ лѣсъ.

Посмотрѣли старики въ кузовъ, да такъ и ахнули разомъ, какъ увидали тамъ Машеньку.

— Да ты ли это, дитятко наше родное? А мы ужъ и не чаяли увидѣть тебя когда-нибудь.

Кинулась Машенька къ отцу, къ матери и слова не можетъ отъ радости вымолвить. Вошли они въ избу: глядятъ другъ на друга, не наглядятся, не налюбуются старики на дочку свою ненаглядную!

Дочь пастуха.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. Наскучило ему быть холостому и задумалъ онъ жениться. Долго приглядывался, долго присматривался, да никакъ не могъ найти себѣ невѣсты по-сердцу.

Однажды поѣхалъ онъ на охоту и увидалъ: пасетъ на полѣ скотину крестьянская дочь—такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать, другой такой во всемъ свѣтѣ не сыскать. Подъѣхалъ царь къ ней и говоритъ ласково:

— Здравствуй, красная дѣвица!

— Здравствуй, государь!

— Чья ты дочь?

— Мой отецъ — пастухъ, недалеко отсюда живетъ.

Разспросилъ царь про все подробно: какъ зовутъ ея отца и какъ слыветъ ихъ деревня, распрощался и поѣхалъ дальше.

Черезъ день пріѣзжаетъ царь къ пастуху въ домъ.

— Здравствуй, добрый человѣкъ! Я хочу на твоей дочери жениться!

— Твоя воля, государь!

— А ты, красная дѣвица, пойдешь за меня?

— Пойду,—говоритъ.

— Только я беру тебя съ уговоромъ, чтобы ни однимъ словомъ ты мнѣ не перечила, а коли скажешь напротивъ хоть единое словечко, то мой мечъ—твоя голова съ плечъ.

Согласилась красная дѣвица. Царь приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а самъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ государствамъ пословъ, чтобы съѣзжались къ нему короли и королевичи на пиръ, на веселье.

Собрались гости; царь вывелъ къ нимъ свою невѣсту въ простомъ деревенскомъ платьѣ.

— Что, любезные гости, нравится ли вамъ моя невѣста?

— Коли тебѣ, царь, нравится, — сказали они, — то намъ и подавно.

Тогда онъ велѣлъ ей одѣться въ царское платье и ѣхать къ вѣнцу. Извѣстное дѣло: у царя не пиво варить, не вино курить—всего вдоволь! Перевѣнча-

лись и задали пиръ на весь міръ: пили, ѣли, гуляли и потѣшались.

Отпировали, и началъ царь жить со своей молодой царицей въ любви и согласіи. Черезъ годъ родила царица сына, и говоритъ ей царь грозное слово:

— Твоего сына убить надо, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что всѣмъ моимъ царствомъ завладѣетъ послѣ меня мужицкій сынъ!

— Твоя воля, государь, не могу тебѣ перечить,— отвѣчаетъ бѣдная царица.

Царь взялъ ребенка, унесъ отъ матери и велѣлъ отвезти его къ своей сестрѣ: пусть ростетъ тамъ до поры, до времени. Прошелъ еще годъ, царица родила ему дочь; царь опять говоритъ ей грозное слово:

— Погубить надо и дочь твою, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что она не царевна, а мужицкая дочь!

— Твоя воля, дѣлай, что знаешь, не могу тебѣ перечить.

Царь взялъ дочку и тоже отослалъ ее къ своей сестрѣ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло; царевичъ съ царевною выросли. Онъ красивъ, она еще лучше; другой такой красавицы

нигдѣ не найти! Собралъ царь своихъ думныхъ людей, призвалъ жену и говоритъ:

— Не хочу съ тобой больше жить: ты—мужичка, а я—царь! Снимай царскіе уборы, надѣвай крестьянское платье и ступай къ своему отцу.

Ни слова не сказала царица, сняла съ себя богатые уборы, надѣла старое крестьянское платье, воротилась къ отцу и попрежнему начала въ полѣ скотину пасти.

А царь задумалъ на другой жениться; отдалъ приказъ, чтобы все было къ свадьбѣ готово, призвалъ свою прежнюю жену и говоритъ ей:

— Хорошенько прибери у меня въ комнатахъ: я сегодня невѣсту привезу.

Убрала она комнаты, стоитъ, дожидается. Вотъ привезъ царь невѣсту; за нимъ слѣдомъ наѣхало гостей видимо-невидимо; сѣли за столъ, стали ѣсть, пить, веселиться.

— Что, хороша ли моя невѣста? — спрашиваетъ царь у прежней жены.

— Если тебѣ, государь, нравится — мнѣ и подавно!

— Вижу, что добрая у тебѣ душа, — сказалъ ей царь, — надѣвай опять царскіе уборы и садись со мной рядомъ: была ты и будешь моею же-

ною, а эта невѣста — дочь твоя, а этотъ юноша — сынъ твой.

Съ этого дня сталъ царь жить со своею женою-царицею безъ всякой хитрости, пересталъ ее испытывать и до конца жизни вѣрилъ ей во всемъ.

Два мороза.

Гуляютъ по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ноги на ногу поскакиваютъ, рука объ руку поколачиваютъ.

Говоритъ одинъ морозъ другому:

— Братецъ, морозъ Багровый носъ! какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?

Отвѣчаетъ другой:

— Братецъ, морозъ Синій носъ! коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ темному бору. Тамъ хоть и меньше простору, да забавы будетъ больше. Все нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано—сдѣлано.

Побѣжали два мороза, два родные брата, въ темный боръ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся, съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому снѣгу пробѣгутъ— кора ледяная; былинка ль изъ-подъ снѣга выглядываетъ, дунутъ—словно бисеромъ ее всю унижутъ.

Вотъ слышатъ они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой—бубенчикъ; съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали морозы судить да рядить: кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ:

— Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣй дойму: полушубокъ на немъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ, кромѣ лаптишекъ, ничего. А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за бариномъ бѣги. На немъ, вишь, шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Мнѣ ужъ съ нимъ не совладать.

Морозъ Багровый носъ только посмѣивается.

— Молодъ еще ты,—говоритъ,—братецъ! Ну, да ужъ быть по-твоему: бѣги за мужикомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ—узнаемъ, кому легка была работа, кому тяжела. Прощай покамѣстъ!

— Прощай, братецъ!

Свистнули, щелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ, спрашиваютъ другъ друга.

— Что? То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то,—говоритъ младшій,—а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!

Старшій посмѣивается себѣ.

— Эхъ, братецъ, морозъ Синій носъ! молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

— А какъ же шуба-то да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я къ нему въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ежится, онъ-то жмется да кутается, думаетъ: «Дай-ка, я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось, меня морозъ не одолѣетъ». Анъ, не тутъ-то было! Мнѣ это-то и съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городѣ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что со своимъ мужичкомъ сдѣлалъ?

— Эхъ, братецъ, морозъ Багровый носъ! плохую ты со мной шутку сшутилъ, что во-время не образумилъ. Думалъ — заморожу мужика, вышло — онъ же мнѣ обломалъ бока.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Ѣхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ было я его пронимать, только онъ все не робѣетъ,—еще ругается: «Такой,—говоритъ,—сякой этотъ морозъ!» Совсѣмъ даже обидно стало: принялся я его пуще щипать да колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Пріѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю, тутъ мнѣ и сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки летятъ, сталъ даже потъ его прошибать. Вижу—плохо, не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю, какъ быть? А му-

жикъ все работаетъ да работаетъ; чѣмъ бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу—скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. «Погоди же,—говорю,—вотъ я тебѣ покажу себя!» Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него забрался и заморозилъ такъ, что онъ сталъ лубокъ лубкомъ. Надѣвай же теперь, попробуй! Какъ покончилъ мужикъ свое дѣло да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить. «Ругайся,—думаю я себѣ,—ругайся, а меня все-таки не выживешь!» А онъ выбралъ палку подлиннѣе да посуковатѣе, да какъ примется по полушубку бить. По полушубку бьетъ, а меня все бранитъ. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ,—выбраться не могу. А онъ-то колотитъ! Насилу я ушелъ, думалъ, костей не соберу: до сихъ поръ бока ноютъ.

Морозко.

Давно это было. Жила на свѣтѣ мачеха. Было у нея двѣ дочери: родная и падчерица. Родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ «умница»! А падчерица, какъ ни угождаетъ, ничѣмъ не угодитъ— все не такъ, все худо, а, надо правду сказать, дѣвочка была золото: въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать!.

Вѣтеръ хоть пошумитъ, да затихнетъ; сварливая баба расходится—не скоро уймешь: все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать.

Вотъ и говоритъ она мужу:

— Вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобы мои глаза ея не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а въ чистое поле, на трескучъ морозъ.

Заплакалъ, затужилъ старикъ, да нечего дѣлать, посадилъ дочку въ сани, хотѣлъ прикрыть попонкой, да и то побоялся, такъ и повезъ, бездомную, въ чистое поле. Свалилъ въ сугробъ, перекрестился, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется, плачетъ.

Вдругъ слышитъ невдалекѣ морозко потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ, поскакиваетъ да пощелкиваетъ.

Вотъ очутился онъ на той соснѣ, подъ которой дѣвица сидитъ. Пощелкиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвицу поглядываетъ.

— Дѣвица, дѣвица, я — морозъ Красный носъ!

— Добро пожаловать, морозъ! Знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную!

— Тепло ли тебѣ, дѣвица?

— Тепло, тепло, батюшка морозушко!

Ниже спустился морозко, сильнѣе затрещалъ и защипалъ. Опять спрашиваетъ:

— Тепло ли тебѣ, дѣвица? тепло ли тебѣ, красная?

Сильно знобитъ дѣвицу, чуть духъ переводитъ она, но еще говоритъ:

— Тепло, морозушко, тепло, батюшка!

Пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ морозко.

— Тепло ли тебѣ, дѣвица? тепло ли тебѣ, красная? тепло ли тебѣ, лапушка?

Дѣвица окостенѣла и говоритъ чуть слышно:

— Ой, тепло, голубчикъ морозушко!

Полюбились морозкѣ ея ласковыя рѣчи: сжалился онъ надъ ней и окуталъ ее шубами, отогрѣлъ одѣялами да принесъ ей сундукъ, полный всякаго приданаго, а потомъ подарилъ ей платье, шитое серебромъ и золотомъ. Надѣла она его и стала такая красавица, такая нарядница! Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ.

А мачеха по ней поминки справляетъ: блиновъ напекла.

— Поѣзжай, старикъ, дочь свою хоронить.

Поѣхалъ старикъ.

А собачка подъ столомъ:

— Тявъ! Тявъ! Старикову дочку въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, старухину женихи не берутъ!

— Молчи, дура! Вотъ тебѣ блинокъ. Скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ.

Собачка съѣла блинъ да опять:

— Тявъ! Тявъ! Старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, старухину женихи не берутъ.

Старуха собачонкѣ ужъ и блины давала и била ее, а она все свое:

— Старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!

Скрипнули ворота, растворились двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица въ златѣ да въ серебрѣ—такъ и сіяетъ!

Мачеха глянула и руки врозь!

— Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези и мою дочь! Посади ее на то же поле, на то же мѣсто.

Повезъ старикъ старухину дочь на то же поле, посадилъ на то же мѣсто.

Вотъ и пришелъ морозъ Красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью и сталъ ее спрашивать:

— Тепло ли тебѣ, дѣвица?

— Убирайся ты!—отвѣчала ему старухина дочь.— Иль ты ослѣпъ, не видишь, что у меня руки и ноги окостенѣли!

Попрыгалъ, поскакалъ морозко, а хорошихъ рѣчей не дождался, разсердился, схватилъ ее и заморозилъ.

— Пора, старикъ, за дочкой ѣхать. Запрягай-ка лихихъ коней, да, смотри, саней не повали, сундукъ не оброни!

А собачка подъ столомъ:

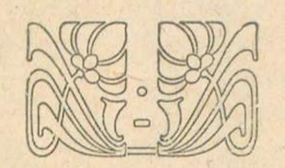
— Тявъ! Тявъ! Старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!

С. Ягужанскій

— Не ври! На пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ.

Растворились ворота, выбѣжала старуха встрѣчать дочку родную, да вмѣсто нея обняла холодное тѣло.

Заплакала, заголосила, да поздно.

Падчерица.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ неизвѣстномъ государствѣ жилъ мужъ съ женою. Была у нихъ дочка Маша.

Жили они поживали, горя не знавали, да пришла бѣда незваная, непрошенная: умерла Машина мать.

Женился Машинъ отецъ на другой и родилась у нихъ дочь.

Растутъ дѣвочки.

Маша съ каждымъ днемъ хорошѣетъ, какъ цвѣтокъ весенній, а мачехина дочь—такая злая да некрасивая, что и глядѣть-то на нее не хочется.

Стала мачеха думать, какъ бы ей извести Машу, и придумала послать ее на озеро бѣлье полоскать.

А озеро-то страшное было, въ немъ жили русалки. Задумалъ разъ молодой парень посмотрѣть на русалокъ, а онѣ и утащили его на самое дно. Стали съ той поры всѣ бояться этого мѣста.

Призвала мачеха Машу и говоритъ ей:

— Ступай на озеро бѣлье полоскать.

Заплакала Маша, а ослушаться не смѣетъ.

Взяла она корзину съ бѣльемъ и пошла.

Подошла къ озеру, видитъ: купаются въ немъ прекрасныя дѣвушки съ длинными зелеными волосами.

«Ну,—думаетъ Маша,—конецъ мнѣ пришелъ».

Но русалки, видя ея горе, не сдѣлали ей зла; разспросили ее, зачѣмъ она пришла, и когда узнали правду, то наградили ее, чѣмъ могли.

Одна изъ нихъ сказала Машѣ:

— Гдѣ ты ступишь, тамъ цвѣты выростутъ!

Другая прибавила.

— Когда ты будешь говорить, то изъ устъ твоихъ разольется пріятное благоуханіе.

А третья, обращаясь къ дѣвочкѣ, промолвила:

— Когда ты станешь умываться, то въ водѣ явится кусокъ золота!

Обрадовалась Маша, что русалки ей зла не сдѣлали, и пошла домой.

Разгорѣлось у мачехи сердце пуще прежняго. Стала ее мучить зависть. Вотъ и послала она свою родную дочь къ русалкамъ.

Увидали русалки, что къ ихъ озеру идетъ дѣвушка, и спрашиваютъ:

— Что тебѣ, красная дѣвица, надо?

— Некогда мнѣ съ вами разговаривать,—грубо отвѣчала имъ дѣвушка.—Наградите меня, какъ сестру мою Машу, и убирайтесь прочь.

Разсердились русалки и надѣлили ее дарами, да только не такими, какъ Машу.

Первая сказала:

— Гдѣ ты пойдешь, тамъ кропива выраститъ.

Вторая:

— Когда ты заговоришь, то изъ устъ твоихъ пойдетъ дурной запахъ!

Третья:

- Когда ты станешь умываться, то въ водѣ явятся жабы!

Пришла мачехина дочь домой и принесла дары свои.

Поплакала мачеха, да дѣлать нечего.

А Машенькино житье стало хуже прежняго. Поѣдомъ ее ѣла злая баба.

Долго ли, коротко ли, но только далеко разнеслась слава о Машиной красотѣ, дошла и до царя.

Призвалъ царь своихъ придворныхъ и говоритъ имъ:

— Поѣзжайте за красавицей Машей: хочу на ней жениться!

Пріѣхали царскіе гонцы къ Машѣ въ домъ и приказываютъ мачехѣ везти ее къ царю.

Повезла мачеха Машу къ царю да кстати и свою дочь захватила. Ѣдутъ онѣ дорогой, вотъ мачеха и говоритъ Машѣ:

— Лошади заморились, — пусть отдохнутъ, а мы пойдемъ-ка въ лѣсокъ, ягодъ посбираемъ.

Пошли онѣ въ лѣсъ. Мачеха завела Машу въ чащу, сняла съ нея дорогой нарядъ, нарядила въ него свою дочку, а бѣдной Машѣ выколола глаза и бросила ее въ лѣсу.

Привезла мачеха къ царю свою дочку.

Увидалъ ее царь и дивится, что гдѣ ни ступитъ она, тамъ крапива выростаетъ, а какъ заговоритъ, то вся комната наполняется дурнымъ запахомъ.

— Это ли дары моей невѣсты? — воскликнулъ изумленный царь. — Уведите ее отсюда скорѣе! Я вижу, меня жестоко обманули.

Но мать дѣвушки стала увѣрять царя, что это отъ усталости, и просила его не гнать дочь до завтрашняго дня.

Царь согласился.

Между тѣмъ Маша блуждала по лѣсу и горько жаловалась на свою судьбу.

Устала бѣдняжка и сѣла подъ деревомъ. Сидитъ и думаетъ:

«Вѣрно, придется мнѣ съ голоду помирать или дикій звѣрь растерзаетъ меня. Если бъ матушка родимая жива была, не знавать бы мнѣ бѣды такой!»

Вдругъ прилетѣла птичка, сѣла на дерево и говоритъ человѣчьимъ голосомъ:

— Не плачь, Маша! собери съ листьевъ этого дерева утреннюю росу и помочи ею глаза.

Маша послушалась, и въ ту же минуту стала видѣть попрежнему.

Вышла дѣвушка изъ лѣсу и пошла къ царскому дворцу.

Идетъ да пѣсенку поетъ, а по ея стопамъ цвѣты выростаютъ и изъ устъ ея ароматъ льется.

Увидалъ царь красавицу, и такъ-то она ему понравилась, что онъ сейчасъ же приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а обманщицу-мачеху съ ея дочкой приказалъ гнать вонъ изъ дворца.

Семилѣтка.

Жили-были два брата—богатый и бѣдный. Бѣдный овдовѣлъ. Отъ жены осталась у него дочка на седьмомъ году, оттого и прозвали ее Семилѣткой. Только богатый и подарилъ Семилѣткѣ плохонькую телушку. Семилѣтка поила, кормила, холила телушку, и вотъ изъ нея стала славная корова: скоро принесла она и теленка. Только пришли къ Семилѣткѣ въ гости дочери богатаго дяди и увидали телушку, пошли и сказали отцу. Богатому и захотѣлось отнять телушку, а бѣдный не отдаетъ. Спорили-спорили они,—пришли къ воеводѣ, просятъ разобрать ихъ дѣло.

Богатый и говоритъ:

— Я дарилъ племянницѣ только телушку, а не приплодъ.

А бѣдный:

— Телушка моя, такъ и приплодъ мой.

Какъ тутъ рѣшить дѣло?

— Вотъ что:—говоритъ воевода:—загадаю я вамъ три загадки. Кто отгадаетъ, того и телушка! Сперва отгадайте, что всего быстрѣе?

Пошли мужики домой.

Бѣдный и думаетъ: «Что тутъ сказать?»

— Дочка, дочка,—говоритъ онъ Семилѣткѣ,—воевода-то велѣлъ отгадать, что на свѣтѣ всего быстрѣе. Что я ему скажу?

— Не тужи, батюшка: утро вечера мудренѣе.

Легъ онъ спать. Утромъ будитъ его Семилѣтка:

— Вставай, батюшка! пора итти къ воеводѣ. Ступай да скажи, что всего быстрѣе на свѣтѣ мысль.

Всталъ мужикъ, пошелъ къ воеводѣ. Пришелъ и братъ.

Вышелъ къ нимъ воевода и спрашиваетъ:

— Ну, скажите, что на свѣтѣ всего быстрѣе?

Богатый выскочилъ впередъ и говоритъ:

— У меня есть конь—такой быстрый, что никто его не обгонитъ: онъ всего быстрѣе.

Воевода засмѣялся и говоритъ бѣдному:

— А ты что скажешь?

— Мысль всего быстрѣе на свѣтѣ!

Удивился воевода и спрашиваетъ:

— Кто тебя научилъ?

— Дочь Семилѣтка.

— Ну, хорошо. Отгадайте теперь, что на свѣтѣ всего жирнѣе?

Пришли мужики домой.

Бѣдный приходитъ и говоритъ Семилѣткѣ:

— Воевода намъ загадалъ: что на свѣтѣ всего жирнѣе. Какъ тутъ отгадать?

— Ну, батюшка, не тужи: утро вечера мудренѣе.

Легъ старикъ спать.

Утромъ Семилѣтка опять будитъ его:

— Вставай, батюшка! пора къ воеводѣ итти. Спроситъ онъ тебя, что всего жирнѣе,—скажи, что всего жирнѣе земля, потому что она приноситъ всякіе плоды.

Пришелъ бѣдный къ воеводѣ. Пришелъ и богатый.

Вышелъ воевода и спрашиваетъ:

— Ну, что, придумали, что всего жирнѣе?

Богатый выскочилъ впередъ и говоритъ:

— У меня есть боровъ да такой жирный: жирнѣе его ничего нѣтъ! Онъ всего жирнѣе!

Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго:

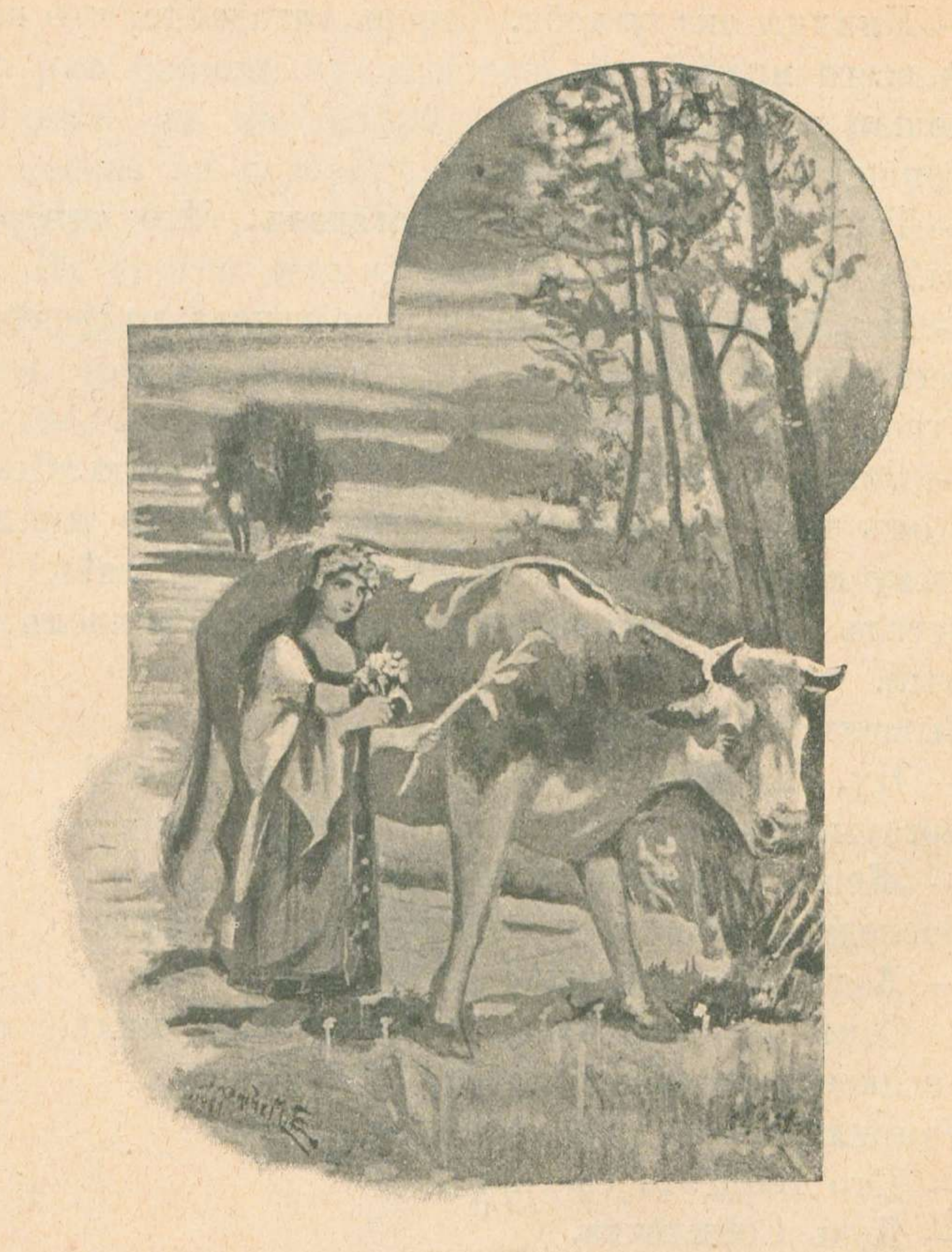
— Ну, а ты что скажешь?

— Земля всего жирнѣе: она приноситъ всякіе плоды!

Удивился воевода.

— Кто тебя этому научилъ?

— Дочь Семилѣтка!

— Умница она у тебя. Теперь отгадайте, что на свѣтѣ всего милѣе?

Пошли мужики домой.

Пришелъ бѣдный домой.

— Такъ и такъ воевода загадалъ. Что теперь дѣлать?

— Ну, батюшка, не тужи: утро вечера мудренѣе.

Легъ онъ спать.

Утромъ будитъ его опять Семилѣтка:

— Вставай, батюшка, пора итти къ воеводѣ. Станетъ онъ тебя спрашивать, скажи, что всего милѣе человѣку сонъ: во снѣ всякое горе забывается!

Всталъ отецъ, пошелъ къ воеводѣ. Пришелъ и богатый.

Вышелъ воевода и говоритъ:

— Ну, скажите, что всего милѣе на свѣтѣ?

Богатый выскочилъ впередъ и кричитъ:

— Жена на свѣтѣ всего милѣе!

Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго:

— А ты что скажешь?

— Сонъ на свѣтѣ для человѣка всего милѣе: во снѣ всякое горе забывается!

Удивился воевода и спрашиваетъ его:

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Дочь Семилѣтка.

Вотъ воевода и говоритъ старику:

— Ступай, скажи своей Семилѣткѣ, чтобы она ко мнѣ пришла ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на саняхъ, ни на телѣгѣ, ни нага, ни одѣта, чтобы принесла ни подарокъ, ни отдарокъ!

Приходитъ отецъ домой, разсказываетъ все дочери.

На другой день Семилѣтка взяла, сняла съ себя одежду и обернулась мережей, взяла голубя, отправилась къ воеводѣ и подала ему голубя. Голубь тотчасъ вырвался, улетѣлъ. Перехитрила она воеводу.

Видитъ воевода, что она хитра-мудрена, взялъ на ней и женился.

Стали они съ тѣхъ поръ жить да поживать да добра наживать, а худо проживать

Крошечка-Хаврошечка.

У одной бѣдной вдовы была дочка Хаврошечка.

Жили онѣ счастливо, да пришла бѣда: захворала вдова и умерла, оставивъ дочку сиротой. Взяла къ себѣ дѣвочку тетка, а у тетки-то у самой было три дочки: старшая — Одноглазка, средняя — Двуглазка, меньшая — Трехглазка.

Плохо жилось Крошечкѣ-Хаврошечкѣ: одѣвали ее въ лохмотья, надъ работой морили, кускомъ хлѣба попрекали.

Совсѣмъ бы бѣда была сиротинушкѣ, если бы не осталась ей послѣ матушки родимой коровушка-буренушка, которая ей во всемъ помогала.

Задастъ, бывало, тетка Крошечкѣ-Хаврошечкѣ напрясть, наткать, набѣлить полотна, а дѣвушка пойдетъ въ поле, обниметъ свою коровушку и скажетъ ей:

— Коровушка-буренушка! приказала мнѣ тетка напрясть, наткать, набѣлить полотна, помоги мнѣ.

А коровушка ей въ отвѣтъ:

— Влѣзь ко мнѣ въ одно ушко, а въ другое вылѣзь, — все будетъ сдѣлано.

Вылѣзетъ Хаврошечка изъ ушка, а у нея ужъ все готово: и наткано, и набѣлено, и скатано.

Тетка только дивится, когда Хаврошечка все это дѣлать успѣваетъ; попрячетъ все въ сундукъ, а ей еще больше работы задастъ.

Но сколько бы она ей ни давала работы, Хаврошечка все сдѣлаетъ къ сроку.

И задумала тетка узнать, кто сиротѣ помогаетъ. Вотъ зоветъ она къ себѣ старшую дочь Одноглазку и говоритъ ей:

— Дочка моя милая! погляди, кто сиротѣ помогаетъ, кто ей ткетъ и прядетъ.

Пошла Хаврошечка въ поле, Одноглазка съ нею вмѣстѣ увязалась. Легла въ полѣ на травку подъ кусточекъ, а Хаврошечка сѣла рядышкомъ и приговариваетъ:

— Спи, глазокъ, усни, глазокъ!

Одноглазка заснула. Пока она спала, коровушка-буренушка всю Хаврошечкину работу сдѣлала.

Пришли дѣвушки домой. Спрашиваетъ мать Одноглазку:

— Ну, говори, дочка, что ты видѣла?

А дочка ей отвѣчаетъ:

— Прости, мамушка, разморилась я на солнцѣ, заснула и ничего не видала.

Разсердилась мать. На другой день послала среднюю дочь—Двуглазку.

Эта тоже улеглась въ тѣнь подъ кусточкомъ, материно приказанiе забыла, лежитъ, дремлетъ, а Хаврошечка ее баюкаетъ:

— Спи, глазокъ, спи, другой!

Коровушка всю работу сдѣлала, а Двуглазка все спитъ.

Разбудила ее Хаврошечка:

— Пойдемъ,—говоритъ,—домой, пора. Я всю работу сдѣлала.

Не узнала и отъ этой дочери старуха, кто сиротѣ помогаетъ. Разсердилась она и послала на третій день свою младшую дочь—Трехглазку.

Пришли дѣвушки въ поле. Посидѣла, походила Трехглазка, а потомъ легла подъ кустикъ, лежитъ—потягивается, а Хаврошечка ее баюкаетъ, приговариваетъ:

— Спи, глазокъ, спи, другой!—а про третій-то и забыла.

Два глазка заснули, а третій все видѣлъ.

Пришла Трехглазка домой и разсказала матери все, что видѣла.

Пошла старуха къ мужу и говоритъ ему:

— Ступай, старикъ, рѣжь буренушку!

— Что ты, жена, выдумала? Корова хорошая,—жалко.

— Слушать ничего не хочу, рѣжь, да и только!

Пошелъ старикъ ножъ точить, а Хаврошечка кинулась къ своей коровушкѣ, обнимаетъ ее, сама слезами обливается:

— Коровушка-буренушка! хотятъ тебя колоть. Съ кѣмъ я теперь, сиротинушка, останусь.

— Не плачь, дѣвица! Слушай, что я тебѣ скажу: ты моего мяса не ѣшь, косточки мои собери и зарой ихъ въ саду. Да помни,—каждый день ихъ ключевой водой поливать надо.

Радуется злая баба, что теперь некому будетъ помогать Хаврошечкѣ, и она вволю надъ нею натѣшится.

А Хаврошечка сдѣлала такъ, какъ приказывала ей буренушка: мяса ея не ѣла, а косточки въ саду зарыла и каждый день поливала ихъ водой.

Выросла у нея въ саду яблоня, густая, развѣсистая, висятъ на ней яблочки наливныя.

Всякъ, кто мимо идетъ, остановится — полюбуется.

Случилось разъ, — гуляли въ саду дѣвушки, а мимо сада ѣхалъ богатый бояринъ, молодой красавецъ.

Увидалъ онъ чудныя яблочки и говоритъ дѣвушкамъ:

— Здравствуйте, дѣвицы-красавицы! Хороши у васъ яблочки! Которая изъ васъ мнѣ яблочко дастъ, ту я замужъ возьму.

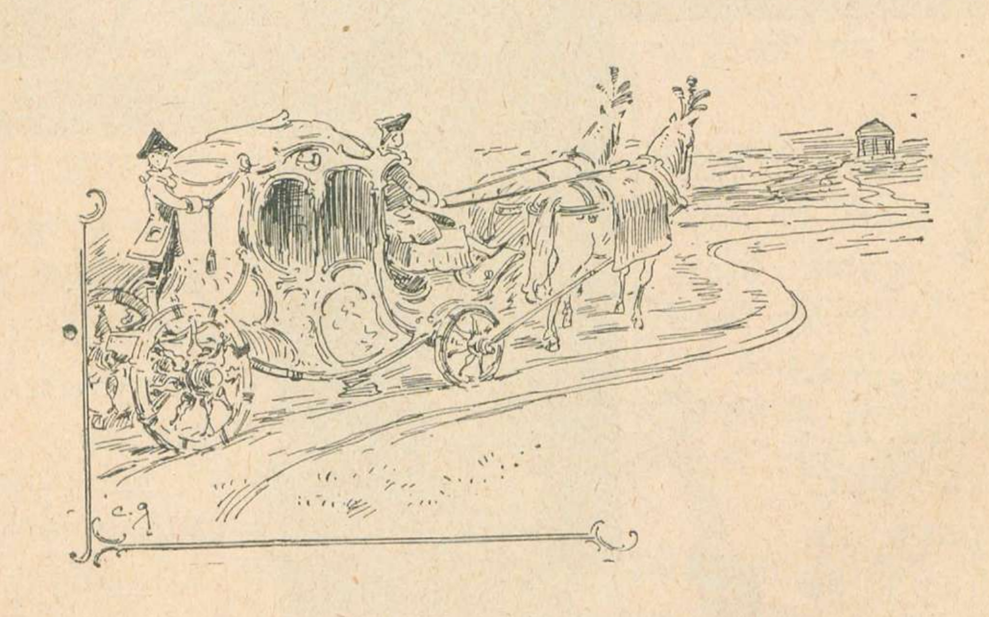
Кинулись сестры къ яблонѣ, а вѣтки съ яблоками всѣ высоко-высоко поднялись.

Прыгали-прыгали сестры вокругъ деревца, а яблочка достать не могутъ.

А подошла Хаврошечка къ деревцу,—вѣточки къ ней сами наклонились, яблочки сами въ ручки ей падаютъ.

Подала она яблочко боярину, а онъ взялъ ее за руку бѣлую, посадилъ съ собой рядомъ въ коляску и увезъ къ себѣ отъ злой тетки.

Вышла Хаврошечка за боярина замужъ и стали они жить-поживать да добра наживать.

Старикъ и его три зятя.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, было у нихъ три дочери-красавицы. Пошелъ разъ старикъ въ амбаръ за крупою, насыпалъ мѣшокъ, понесъ домой, да дорогой всю ее и разсыпалъ. Пришелъ домой, а старуха и спрашиваетъ:

— Гдѣ же крупа?

— Дорогой разсыпалъ.

— Ахъ, ты, старый, ступай сейчасъ же, собирай крупу!

Пошелъ старикъ и говоритъ:

— Кабы Солнышко обогрѣло, да Мѣсяцъ бы освѣтилъ, да кабы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупу собрать, — отдалъ бы я въ жены Солнышку свою старшую дочь, Мѣсяцу — среднюю, а Ворону Вороновичу — младшую.

Солнышко его обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ помогъ ему собрать крупу. Пришелъ старикъ домой и говоритъ старшей дочери:

— Одѣнься хорошенько да ступай на крыльцо, тамъ тебя женихъ дожидается.

Вышла она на крылечко, Солнышко и утащило ее. Потомъ старикъ приказалъ средней дочери одѣться и выйти на крылечко.

Только что она вышла, Мѣсяцъ схватилъ ее и унесъ. Говоритъ старикъ младшей дочери:

— А тебя я просваталъ за Ворона Вороновича; одѣнься хорошенько да ступай на крылечко, тамъ тебя женихъ дожидается.

Вышла младшая дочь на крылечко, а ужъ Воронъ Вороновичъ ждетъ ее — не дождется; какъ только увидалъ, — схватилъ и унесъ. Стали старикъ со старухой жить вдвоемъ. Прошла недѣля, другая, — соскучился старикъ безъ дочерей и говоритъ женѣ:

— Ты, старуха, сиди дома, а я пойду старшую дочь провѣдаю, погляжу, какъ она съ мужемъ живетъ.

Пришелъ старикъ къ Солнышку. Зять съ дочкой встрѣтили его съ почетомъ.

— Надо, жена, отца угостить, — говоритъ Солнышко,—затѣвай-ка оладьи.

Замѣсила жена тѣсто, а Солнышко сѣло посреди полу; поставила ему жена на голову сковороду съ оладьями,—оладьи живо изжарились. Погостилъ старикъ у зятя, пришелъ домой и приказываетъ старухѣ поставить тѣсто для оладій, а самъ сѣлъ на полъ и кричитъ:

— Ну, старая, живѣе! Ставь мнѣ на голову сковороду съ оладьями,—живо испекутся.

— Что ты, старикъ, аль съ ума сошелъ? Гдѣ же это видано, чтобы на головѣ оладьи пекли?

— Молчи, старая, — дѣлай, какъ я тебѣ приказываю!

Нечего дѣлать, поставила старуха ему на лысину сковороду съ оладьями. Ждала-ждала, да не пекутся оладьи,—пришлось ей въ печкѣ ихъ печь.

Прошло нѣсколько дней, собрался старикъ къ средней дочери и говоритъ старухѣ:

— Пойду-ка я, старуха, провѣдаю свою среднюю дочь, какъ-то она съ мужемъ своимъ поживаетъ.

— Ступай, старикъ, ступай, да, смотри, скорѣе домой возвращайся.

Пошелъ старикъ. Увидала дочь, что отецъ къ ней въ гости идетъ, и вышла вмѣстѣ съ Мѣсяцемъ на крыльцо его встрѣчать. Говоритъ Мѣсяцъ женѣ:

— Истопи-ка, жена, баньку. Пусть батюшка съ дороги попарится.

Истопили баню. Идетъ старикъ париться, да и говоритъ зятю:

— Какъ же я мыться буду: въ банѣ-то темно?

— Ничего, я тебѣ посвѣчу.

Вошелъ старикъ въ баню, а зять просунулъ палецъ въ щелку, и стало тамъ свѣтло. Погостилъ старикъ у зятя, пришелъ домой и кричитъ женѣ:

— Эй, старуха, топи баню скорѣе.

— Что ты, старикъ, вѣдь ночь на дворѣ, кто ночью баню топитъ?

— Ничего, старуха, я тебѣ свѣтить буду.

Взяла старуха вязанку дровъ и пошла въ баню, а старикъ сталъ у двери и растопырилъ всѣ пальцы, чтобы женѣ посвѣтить, но отъ этого свѣтлѣе не стало. Старуха впотьмахъ зацѣпилась за порогъ и вмѣстѣ съ дровами полетѣла на полъ.

— Ахъ ты, старый дурень,—кричитъ она,—тоже свѣтить вздумалъ!

А старикъ ужъ и самъ не радъ своей затѣѣ.

Прошло еще немного времени. Захотѣлось старику повидать свою младшую дочь. Пошелъ онъ и къ ней

въ гости. Младшая дочь вмѣстѣ съ мужемъ приняла отца честь-честью, угостила его, чѣмъ Богъ послалъ. Настала ночь, Воронъ Вороновичъ и говоритъ старику:

— Пойдемъ, батюшка, на насѣстъ спать.

Послушался старикъ и пошелъ. Воронъ Вороновичъ подставилъ ему лѣстницу. Взлѣзъ старикъ на насѣстъ и усѣлся тамъ, — Воронъ Вороновичъ прикрылъ его крыломъ, такъ и спали. Погостилъ старикъ у зятя и пошелъ домой.

Наступила ночь, говоритъ онъ старухѣ:

— Не хочу я спать на печи. Полѣземъ спать на насѣстъ.

— Что ты, старикъ, мнѣ и не взлѣзть туда.

— Ничего, я тебѣ лѣстницу подставлю.

Взлѣзли они на насѣстъ. Сѣли. Старикъ прикрылъ старуху рукой, и оба задремали. Вотъ ночью старикъ вздумалъ потянуться, да какъ полетитъ на полъ, а старуха за нимъ... всѣ бока себѣ отбили!

Съ той поры пересталъ старикъ дурить и до сихъ поръ живетъ со старухой счастливо.

Снѣгурка.

Жили на свѣтѣ старикъ со старухой. Жили они хорошо, да вотъ горе: не было у нихъ дѣтей. Сильно тужили старики, что подъ старость пришлось имъ одино-

кимъ вѣкъ коротать, да ничего не подѣлаешь. Только у нихъ и радости было, что, на чужихъ дѣтей глядючи, утѣшаться.

Вотъ разъ зимой сидятъ старикъ со старухой подъ окномъ и смотрятъ, какъ на улицѣ ребятишки въ снѣжки играютъ. А снѣгъ только что выпалъ, бѣлый такой, рыхлый... Кончили ребята въ снѣжки играть и стали изъ снѣгу бабу лѣпить. Старикъ и говоритъ:

— А что, старуха, не пойти ли и намъ на улицу, будемъ и мы бабу лѣпить.

— Что жъ, пойдемъ разгуляемся на старости! Только на что тебѣ бабу? Слѣпимъ лучше себѣ дитя изъ снѣгу, коли Богъ живого намъ не далъ.

— Что правда, то правда... — говоритъ старикъ, взялъ шапку и пошелъ на улицу.

Принялись наши старики лѣпить дитя изъ снѣгу. Слѣпили туловище съ ручками и съ ножками, наложили сверху круглый комъ снѣгу и обгладили изъ него головку.

— Богъ въ помощь! — кричитъ кто-то, проходя мимо.

— Спасибо, — отвѣчаетъ старикъ.

— Божья помощь на все хороша, — говоритъ старуха.

— Что это вы дѣлаете?..

— Да вотъ, что видишь: Снѣгурку!.. — сказали, а сами опять за дѣло.

Вотъ вылѣпили они носикъ и подбородокъ; сдѣлали двѣ ямочки на лбу, и только что старикъ прочертилъ ротикъ, какъ вдругъ изъ него тепломъ пахнуло. Смотрятъ старики: ямочки на лбу стали ужъ навыкатѣ, и изъ нихъ проглядываютъ голубенькіе глазки, а потомъ и губки, какъ малиновыя, улыбаются.

«Что это, Господи! Не наважденіе ли какое?» думаетъ старикъ.

А кукла наклоняетъ къ нему свою головку, точно живая, и шевелитъ ручками и ножками въ снѣгу, словно грудное дитя въ пеленкахъ.

Задрожала старуха отъ радости и бросилась обнимать Снѣгурочку.

— Ахъ ты, моя Снѣгурочка дорогая! — говоритъ старуха, обнимая свое нежданое дитя, и побѣжала съ нимъ въ избу.

Растетъ Снѣгурочка не по днямъ, а по часамъ и что день, то все лучше.

Старикъ со старухой не нарадуются на нее. И весело стало у нихъ въ домѣ. Дѣвушки съ села приходятъ забавлять бабушкину дочку; разговариваютъ съ нею, поютъ ей пѣсни, играютъ съ нею во всякія игры, научаютъ ее всему, какъ что у нихъ ведется.

А Снѣгурка такая смышленая: все примѣчаетъ и перенимаетъ. И стала она за зиму точно дѣвочка лѣтъ тринадцати: все разумѣетъ, обо всемъ говоритъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаешься. А собою она—бѣленькая какъ снѣгъ, глазки какъ незабудочки; свѣтлорусая коса до пояса, одного румянца только нѣтъ вовсе, словно живой кровинки въ тѣлѣ нѣтъ. И всѣ не налюбуются Снѣгуркою; старушка же въ ней и души не чаетъ.

— Вотъ,—говоритъ она мужу,—даровалъ-таки намъ Богъ радость на старость!

Прошла зима. Заиграло на небѣ весеннее солнце и пригрѣло землю. По проталинамъ зазеленѣла травка и запѣлъ жаворонокъ.

Стали красны-дѣвицы хороводы по селу водить да пѣсни пѣть. А Снѣгурка что-то скучна стала.

— Что съ тобою, дитя мое?—говоритъ ей старуха.—Не больна ли ты?

А Снѣгурка отвѣчаетъ ей всякій разъ

— Ничего, бабушка, я здорова...

Сошелъ послѣдній снѣгъ. Зацвѣли сады и луга; запѣлъ соловей и всякая птица, и все въ Божьемъ мірѣ стало живѣй и веселѣй. А Снѣгурка еще сильнѣй скучать стала и все прячется отъ солнца подъ тѣнь. Въ дождикъ и сумракъ она веселѣй становится.

А разъ, какъ надвинулась сѣрая туча да посыпала крупнымъ градомъ, Снѣгурочка такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце, и градъ растаялъ, Снѣгурка плакала по немъ да такъ сильно, какъ будто сама хотѣла разлиться слезами.

Вотъ и весна прошла, насталъ Ивановъ день. Собрались дѣвушки съ села на гулянье въ рощу, зашли къ Снѣгуркѣ и пристали къ бабушкѣ:

— Пусти да пусти съ нами Снѣгурку!

Старухѣ сначала не хотѣлось пускать ее, но потомъ подумала: «Авось разгуляется Снѣгурочка!» — и отпустила ее съ подругами въ лѣсъ на гулянки.

Пришли онѣ въ лѣсъ и пошло у нихъ тутъ веселье: вили вѣнки, вязали пучки изъ цвѣтовъ и распѣвали веселыя пѣсни. А когда закатилось солнце, дѣвушки разложили костеръ изъ мелкаго хвороста, зажгли его и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою, а Снѣгурку поставили позади всѣхъ.

— Смотри же,—сказали онѣ,—какъ мы побѣжимъ, такъ и ты бѣги слѣдомъ за нами, не отставай!

Вотъ стали дѣвушки прыгать черезъ костеръ.

Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и жалобно такъ простонало «ау!» Оглянулись онѣ въ испугѣ,— нѣтъ никого. Смотрятъ другъ на дружку и не видятъ между собою Снѣгурки.

— А! вѣрно, она спряталась, шалунья,—и разбѣжались искать ее, но никакъ не могутъ найти; кличутъ, аукаютъ,—не отзывается.

— Куда бы это дѣлась она? Видно домой убѣжала,—сказали онѣ и пошли въ село, но Снѣгурочки и въ селѣ не было.

Искали ее на другой день, искали на третій; исходили всю рощу—кустикъ за кустикъ, деревцо за деревцо: нѣтъ Снѣгурки, и слѣдъ простылъ!

Долго горевали старикъ со старухою и плакали по своей дочкѣ.

Куда жъ дѣлась Снѣгурка?.. Лютый ли звѣрь уволокъ ее въ дремучій лѣсъ, или хищная птица унесла къ синему морю? Нѣтъ, не лютый звѣрь унесъ ее въ дремучій лѣсъ, и не хищная птица унесла ее къ синему морю, а когда Снѣгурочка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь,—вдругъ потянулась она вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко... и полетѣла въ высоту поднебесную.

Змѣй и цыганъ.

Очень давно это было. Повадился въ одну деревню змѣй летать и людей пожирать: всѣхъ переѣлъ, одинъ мужикъ остался.

Шелъ мимо деревни цыганъ и захотѣлъ на ночлегъ пристать. Въ какую избу ни заглянетъ—пусто! Зашелъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку; сидитъ тамъ да плачетъ послѣднiй оставшiйся мужичокъ.

— Ты зачѣмъ сюда, цыганъ? — спрашиваетъ мужичокъ.—Видно, жизнь тебѣ надоѣла.

— А что?

— Да вѣдь повадился сюда змѣй летать: всѣхъ поѣлъ; а завтра прилетитъ — меня сожретъ, и тебѣ не сдобровать: разомъ двухъ съѣстъ...

— А можетъ, подавится, — отвѣчаетъ цыганъ; — ляжемъ-ка спать: утро вечера мудренѣе.

Переночевали. Утромъ поднялся вдругъ вихрь, затряслась изба и прилетѣлъ змѣй.

— Ага, — говоритъ, — прибыль есть! Оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ — будетъ чѣмъ позавтракать.

— Будто и вправду съѣшь?—спрашиваетъ цыганъ.

— Да таки съѣмъ.

— Врешь, подавишься!

— Что жъ, ты развѣ сильнѣе меня?

— Еще бы! — отвѣчаетъ цыганъ. — Чай, самъ знаешь, что у меня силы больше твоей.

— А, ну, давай, попробуемъ, кто кого сильнѣе.

— Давай.

Змѣй взялъ жерновъ и говоритъ:

— Смотри: я этотъ камень одной рукой раздавлю.

Стиснулъ жерновъ въ горсти такъ, что тотъ весь въ песокъ разсыпался—только искры брызнули.

— Эко диво! — говоритъ цыганъ. — А ты такъ сожми камень, чтобы изъ него вода потекла.

Взялъ съ полки узелокъ творогу и ну давить, сыворотка и потекла.

— Что, видѣлъ? У кого силы больше?

— Правда твоя, — говоритъ змѣй, — рука у тебя сильнѣе; а вотъ попробуемъ, кто крѣпче свистнетъ.

— Ну, свистни!

Змѣй какъ свистнулъ—со всѣхъ деревьевъ листъ посыпался.

— Хорошо, братъ, свистишь,—говоритъ цыганъ,— а все не по-моему; завяжи-ка напередъ свои бѣльмы, а то я какъ свистну, то они у тебя изо лба повыскочатъ

Завязалъ змѣй платкомъ глаза и говоритъ:

— А ну-ка, свистни!

Цыганъ взялъ дубину, да какъ свистнетъ змѣя по башкѣ, такъ, что тотъ во все горло заоралъ

— Полно, полно, братъ цыганъ! не свисти больше, и съ одного разу глаза чуть на лобъ не вылѣзли.

— Какъ знаешь, — говоритъ цыганъ, — а я еще готовъ разокъ-другой свистнуть.

— Нѣтъ, не надо; не хочу больше спорить,— отвѣчаетъ змѣй;—давай лучше побратаемся!

И побратались цыганъ со змѣемъ.

Говоритъ змѣй цыгану:

— Ступай, братъ, въ степь, тамъ пасется стадо воловъ: выбери самаго жирнаго и волоки сюда на обѣдъ.

Пошелъ цыганъ въ степь, нашелъ гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ съ дружкой за хвосты связывать. Ждалъ-ждалъ змѣй—не дождался, побѣжалъ самъ.

— Что такъ долго?

— А вотъ погоди, навяжу штукъ сорокъ да за разъ и поволоку, чтобы на цѣлый мѣсяцъ хватило.

— Экой ты какой!—говоритъ змѣй.—Нешто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать—будетъ съ насъ и одного.

Ухватилъ змѣй самаго жирнаго вола за хвостъ, сдернулъ шкуру, взвалилъ и шкуру и мясо на плечи и потащилъ домой.

Пришли въ избу, наложили два котла мяса, а воды нѣтъ.

— Вотъ тебѣ воловья шкура,—говоритъ змѣй:— набери полную воды и принеси сюда.

Потащилъ цыганъ къ колодцу воловью шкуру: еле-еле порожнюю тащитъ; пришелъ и давай колодецъ кругомъ окапывать. Змѣй ждалъ-ждалъ—не дождался, побѣжалъ самъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Да вотъ хочу колодецъ кругомъ окопать и въ избу перетащить, чтобы не нужно всякій разъ по воду ходить.

— Экой ты какой! Много затѣваешь,—сказалъ змѣй, набралъ полную шкуру воды и понесъ домой.

Есть мясо и вода, да дровъ нѣтъ, и говоритъ змѣй цыгану:

— Сходи, братъ, въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки сюда.

Пошелъ цыганъ въ лѣсъ: началъ лыки драть да веревки вить. Ждалъ-ждалъ змѣй—не дождался, опять бѣжитъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ хочу за разъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкой и тащить всѣ съ кореньями, чтобъ надолго дровъ хватило.

— Экой ты, право!—говоритъ змѣй.—Все по-своему дѣлаешь.

Вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ въ избу. Наварилъ змѣй говядины и зоветъ цыгана обѣдать, а цыганъ надулся и говоритъ:

— Не хочу!

Вотъ змѣй съѣлъ самъ цѣлаго вола и сталъ цыгана спрашивать:

— Скажи, братъ, за что ты сердишься?

— А за то, что все, что я ни сдѣлаю,—все не такъ, все не по-твоему.

— Ну, не сердись, помиримся.

— Если хочешь со мной мириться,—говоритъ цыганъ,—поѣдемъ ко мнѣ въ гости.

— Изволь, братъ, поѣдемъ!

Досталъ змѣй повозку, запрягъ тройку, что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганскій таборъ. Стали подъѣзжать, а цыганята увидали отца, бѣгутъ къ нему навстрѣчу,—голые, черные, да во все горло кричатъ:

— Батька пріѣхалъ, змѣя привезъ!

Испугался змѣй и спрашиваетъ:

— Это кто?

— А это мои дѣти,—отвѣчаетъ цыганъ,—чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся!

Змѣй—съ повозки да бѣжать, оставилъ цыгану и повозку и лошадей.

Сивка-Бурка.

Жилъ старикъ съ тремя сыновьями, двое изъ нихъ были умные, а третій — Иванушка-дурачокъ. День и ночь Иванушка на печи лежитъ.

Посѣялъ старикъ пшеницу, выросла пшеница густая-прегустая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночамъ травить. Вотъ старикъ и говоритъ дѣтямъ:

— Милыя мои дѣти, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно: поймайте мнѣ вора.

Приходитъ первая ночь. Пошелъ старшій сынъ пшеницу стеречь, да захотѣлось ему спать: забрался онъ на сѣновалъ и проспалъ тамъ до утра. Приходитъ утромъ домой и говоритъ:

— Всю ночь не спалъ, иззябъ совсѣмъ, а вора не видалъ.

На другую ночь пошелъ средній сынъ и тоже всю ночку проспалъ на сѣновалѣ.

Приходитъ на третью ночь чередъ дураку итти. Взялъ онъ арканъ и пошелъ. Пришелъ на межу и сѣлъ на камень: сидитъ, не спитъ, вора дожидается.

Въ самую полночь прискакалъ на пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая—серебряная; бѣжитъ—земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. И сталъ онъ пшеницу ѣсть: не столько ѣстъ, сколько топчетъ. Подкрался тихонько дуракъ къ коню и разомъ накинулъ ему на шею арканъ. Рванулся было конь изо всѣхъ силъ—не тутъ-то было! Дуракъ уперся, арканъ шею давитъ. И сталъ тутъ конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, я тебѣ пригожусь.

— Хорошо,—отвѣчаетъ Иванушка-дурачокъ,—да вотъ бѣда: какъ я тебя потомъ найду?

— Выйди за околицу,—говоритъ конь,—свистни три раза и крикни: «Сивка-Бурка, вѣщая каурка! стань предо мной, какъ листъ предъ травой!» Я тутъ и буду.

Отпустилъ Иванушка-дурачокъ коня и взялъ съ него слово—пшеницы больше не ѣсть и не топтать.

Скоро послѣ этого стали по деревнямъ и городамъ послы отъ царя ходить,—кличъ кликать:

— Собирайтесь де, бояре и дворяне, купцы и мѣщане и простые крестьяне, всѣ къ царю на праздникъ на три дня; берите съ собой лучшихъ коней, и кто на своемъ конѣ до царевнина терема доскачетъ и съ царевниной руки перстень сниметъ, за того царь свою дочь-царевну замужъ отдастъ.

Стали собираться на праздникъ и Иванушкины братья; не думали они сами скакать, а ѣхали, чтобы на другихъ посмотѣть. Просится и Иванушка съ ними.

— Куда тебѣ, дуракъ,—говорятъ братья:—людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себѣ на печи да золу пересыпай.

Уѣхали братья, а Иванушка-дурачокъ взялъ лукошко и пошелъ грибы собирать. Вышелъ Иванушка въ поле, лукошко бросилъ, свистнулъ три раза и крикнулъ:

— Сивка-Бурка, вѣщая каурка! стань предо мной, какъ листъ предъ травой!

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валитъ.

Прибѣжалъ и сталъ конь предъ Иванушкой, какъ вкопанный.

— Ну,—говоритъ,—влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай.

Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзъ и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкахъ сказать.

Сѣлъ Иванушка на коня и поѣхалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ, видитъ: народу видимо-невидимо; а въ высокомъ терему, у окна, царевна сидитъ; на рукахъ перстни—цѣны нѣтъ, собою—красавица изъ красавицъ. Никто до нея скакать и не думаетъ: никому нѣтъ охоты навѣрняка шею ломать.

Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ.

Осерчалъ конь, прыгнулъ,—только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ.

Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шелковой плеткой хлеснулъ.

Кричитъ народъ: «Держи! Держи его!»

А Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ ему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ и сталъ опять прежнимъ Иванушкой-дурачкомъ.

Отпустилъ Иванушка коня; набралъ лукошко грибовъ и принесъ домой.

— Вотъ вамъ, хозяюшки, грибковъ принесъ!— говоритъ.

Разсердились домашніе на Ивана.

— Что ты, дуракъ, за грибы принесъ? Тебѣ одному только ихъ и ѣсть.

Усмѣхнулся Иванъ и опять залегъ на печь.

Пришли братья домой и разсказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были, что видѣли, а Иванушка лежитъ на печи да посмѣивается.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошелъ за грибами.

Вышелъ въ поле, свистнулъ, гаркнулъ:

— Сивка-Бурка, вѣщая каурка! стань предо мной, какъ листъ предъ травой!

Прибѣжалъ конь и сталъ предъ Иванушкой, какъ вкопанный.

Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ на площади народу еще больше преж-

няго; всѣ на царевну любуются, а прыгать никто и не думаетъ: кому охота шею сломать!

Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ.

Осерчалъ конь, прыгнулъ и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ.

Поворотилъ Иванушка коня, хлеснулъ братьевъ, чтобы посторонились, и ускакалъ.

Приходятъ братья домой,—а Иванушка уже на печи лежитъ, слушаетъ, что братья разсказываютъ, и посмѣивается.

На третій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнулъ онъ своего коня плеткой. Осерчалъ конь пуще прежняго: прыгнулъ и досталъ до окна.

Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ, не позабывши братьевъ плеткой огрѣть. Тутъ ужъ и царь и царевна стали кричать:

— Держи! держи его!

А Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришелъ Иванушка домой: одна рука тряпкой обвязана.

— Что это у тебя такое?—спрашиваютъ у Ивана дома.

— Да вотъ,—говоритъ,—грибы искалъ, сучкомъ накололся,—и полѣзъ Иванъ на печь.

Пришли братья, стали разсказывать, что и какъ было, а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстенекъ посмотрѣть. Какъ приподнялъ онъ тряпку, избу всю такъ и освѣтило.

— Перестань, дуракъ, съ огнемъ баловать!— крикнули на него братья.—Еще избу сожжешь; пора тебя, дурака, совсѣмъ изъ дому прогнать!

Дня черезъ три идетъ отъ царя кличъ, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему на пиръ и чтобы никто не смѣлъ дома оставаться, а кто царскимъ пиромъ побрезгаетъ, тому голову съ плечъ.

Нечего тутъ дѣлать, пошелъ на пиръ самъ старикъ со всей семьей. Пришли, сѣли за столы дубовые; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ. Въ концѣ пира стала царевна медомъ изъ своихъ рукъ гостей обносить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ послѣднему; а на дуракѣ-то платьишко худое, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть!

— Зачѣмъ это у тебя, молодецъ, рука обвязана?— спрашиваетъ царевна.—Развяжи-ка!

Развязалъ Иванушка руку, а на пальцѣ царевнинъ перстень—такъ всѣхъ и осіялъ! Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела къ отцу и говоритъ:

— Вотъ, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ царское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что

отецъ и братья глядятъ и глазамъ своимъ не вѣрятъ.

Сыграли свадьбу царевны съ Иванушкой и сдѣлали пиръ на весь міръ. Я тамъ былъ, медъ, вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Злая вѣдьма.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ - былъ царь съ царицей. Былъ у нихъ сынъ Иванъ-царевичъ. Отецъ съ матерью не наглядятся на Ивана-царе-

вича, одно только горе—нѣмой онъ. Ужъ двѣнадцать лѣтъ исполнилось царевичу, а онъ ни одного еще слова не промолвилъ.

Былъ у царевича любимый конюхъ, мастеръ сказки сказывать. Пришелъ однажды царевичъ въ конюшню сказочекъ послушать, а конюхъ и говоритъ ему:

— Не до сказокъ теперь, царевичъ. Бѣда тебѣ грозитъ большая: у царицы скоро родится дочь— сестра тебѣ. Будетъ она злая вѣдьма, съѣстъ она и отца, и мать, и всѣхъ, кто ей попадется.

Заплакалъ Иванъ-царевичъ, не знаетъ, что ему дѣлать.

— Не плачь, Иванъ-царевичъ, а иди скорѣй къ царю и проси у него лучшаго коня. Дастъ тебѣ царь коня,—уѣзжай отсюда, куда глаза глядятъ, если хочешь живъ быть.

Пошелъ Иванъ-царевичъ къ отцу и вдругъ заговорилъ:

— Батюшка-царь! дай мнѣ лучшаго коня,—хочу я покататься.

Обрадовался царь, что царевичъ говорить сталъ. Приказалъ онъ слугамъ подать царевичу самаго лучшаго коня, какой только есть въ царскихъ конюшняхъ

Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня и поѣхалъ куда глаза глядятъ.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ—доѣхалъ до домика, въ которомъ жили двѣ старухи-швеи. Вошелъ къ нимъ Иванъ-царевичъ въ горницу и говоритъ:

— Возьмите меня жить къ себѣ.

Отвѣчаютъ ему старухи:

— Рады бы мы взять тебя, Иванъ-царевичъ, да жить-то намъ осталось недолго. Изломаемъ сундукъ иголокъ, изошьемъ сундукъ нитокъ,—тутъ намъ и смерть придетъ.

Поѣхалъ Иванъ-царевичъ дальше.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и подъѣхалъ къ лѣсу; видитъ царевичъ—человѣкъ въ лѣсу деревья съ корнями выворачиваетъ да такъ-то, работаетъ, что потъ съ него градомъ катится.

Подъѣхалъ къ нему Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— Здорово, добрый человѣкъ, какъ звать тебя — не знаю. Прими меня жить къ себѣ.

Бросилъ человѣкъ дубъ выворачивать, поглядѣлъ на Ивана-царевича и говоритъ:

— Здравствуй, Иванъ-царевичъ, добро пожаловать! Зовутъ меня Вертодубомъ. Радъ бы я принять тебя, да жить мнѣ осталось немного. Какъ выверну эти дубы, такъ и смерть моя придетъ.

Запечалился Иванъ-царевичъ, заплакалъ и поѣхалъ дальше счастья искать.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и видитъ — стоятъ горы высокія, а человѣкъ, что есть силы, съ мѣста ихъ сворачиваетъ. Подъѣхалъ Иванъ-царевичъ къ этому человѣку, поздоровался съ нимъ и спрашиваетъ:

— Какъ звать тебя, добрый человѣкъ?

— Зовутъ меня Вертогоромъ.

— Прими меня, Вертогоръ, жить къ себѣ.

— Какъ мнѣ принять тебя, Иванъ-царевичъ? Жить мнѣ осталось немного. Вотъ справлюсь съ этими горами—тутъ и смерть моя!

Горько заплакалъ Иванъ-царевичъ и поѣхалъ еще дальше.

Долго-долго ѣхалъ онъ; пріѣзжаетъ, наконецъ, къ терему. Въ терему томъ жила солнцева сестрица—Зоренька-ясная.

Пришелъ къ ней Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— Прими меня, Зоренька-ясная, жить къ себѣ.

— Оставайся, Иванъ-царевичъ, будешь мнѣ вмѣсто братца родного.

Остался онъ жить у солнцевой сестрицы. Хорошо жилось ему, а все-таки нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнитъ про родную сторонушку.

Загрустилъ Иванъ-царевичъ и сталъ просить свою названную сестрицу, чтобы она отпустила его домой — понавѣдаться.

— Куда ты поѣдешь, Иванъ-царевичъ,—говорила ему Зоренька-ясная:—развѣ ты не знаешь, что твоя сестра вѣдьма всѣхъ съѣла и тебя съѣстъ?

Но Иванъ-царевичъ не унимается, все проситъ:

— Отпусти да отпусти.

Отпустила его Зоренька-ясная и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавыхъ яблочка.

— Подъѣдешь ты, Иванъ-царевичъ, къ Вертогору, брось щетку — и явятся горы высокія-превысокія, а Вертодубу гребенку брось—дремучій лѣсъ выростетъ. Старухамъ-швеямъ по яблочку дай — вмигъ помолодѣютъ.

Поѣхалъ Иванъ-царевичъ.

Подъѣзжаетъ къ Вертогору, а у того только три горы осталось. Бросилъ ему Иванъ-царевичъ щетку— вдругъ изъ земли выросли горы высокія-превысокія.

Обрадовался Вертогоръ, поблагодарилъ Ивана-царевича и весело принялся за работу.

Ѣдетъ Иванъ-царевичъ дальше; подъѣхалъ къ Вертодубу, а тотъ ужъ за послѣдній дубъ принялся. Увидалъ это Иванъ-царевичъ, бросилъ гребенку, и вмигъ зашумѣли, зазеленѣли густые дубовые лѣса — дерево дерева толще.

Обрадовался Вертодубъ и говоритъ Ивану-царевичу:

— Спасибо, царевичъ, придетъ время и я тебѣ сослужу службу.

Иванъ-царевичъ поѣхалъ дальше, а Вертодубъ принялся столѣтніе дубы выворачивать.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ Иванъ-царевичъ — пріѣхалъ къ старымъ швеямъ, а онѣ уже послѣднюю

иглу доламываютъ, послѣднюю ниточку дошиваютъ,— ждутъ своей смерти.

Сжалился надъ ними Иванъ-царевичъ, далъ имъ по яблочку; съѣли онѣ и вмигъ стали молодыми и красивыми.

— Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ, — говорятъ швеи,—не забылъ ты насъ. Возьми за это платочекъ, онъ тебѣ пригодится: какъ махнешь имъ, — станетъ позади большое озеро.

Взялъ Иванъ-царевичъ платочекъ и поѣхалъ домой.

Подъѣзжаетъ онъ ко дворцу, а сестра его вѣдьма бѣжитъ къ нему навстрѣчу, беретъ его за руки бѣлыя и ведетъ къ себѣ въ горницу.

— Садись, Иванъ-царевичъ, братецъ мой милый, давно я тебя въ гости жду. Вотъ тебѣ гусли, поиграй на нихъ, а я пойду угощенье тебѣ готовить.

Сидитъ Иванъ-царевичъ, на гусляхъ играетъ, вдругъ изъ-подъ пола выскочила мышка и говоритъ человѣческимъ голосомъ:

— Спасайся, Иванъ-царевичъ! Твоя сестра пошла зубы точить: хочетъ тебя съѣсть.

Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ мышку, побѣжалъ скорѣе вонъ изъ горницы, вскочилъ на коня и помчался.

Наточила вѣдьма зубы, пришла въ горницу, глядь—никого нѣтъ. Разозлилась вѣдьма, заскрипѣла зубами и кинулась въ погоню.

Оглянулся Иванъ-царевичъ, видитъ — близко вѣдьма, вотъ-вотъ нагонитъ; махнулъ онъ платочкомъ—стало глубокое озеро.

Пока вѣдьма переплывала озеро, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ.

Переплыла вѣдьма озеро и понеслась догонять Ивана-царевича еще быстрѣе... вотъ ужъ близко.

Увидалъ Вертодубъ, что царевичу бѣда грозитъ, сталъ дубы вырывать да на дорогу валить — цѣлую гору накидалъ.

Пока вѣдьма пробиралась черезъ дубы, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ.

Но вѣдьма съ такой быстротой кинулась за нимъ, что вотъ-вотъ догонитъ — и уйти нельзя, да Вертогоръ увидалъ вѣдьму, схватилъ самую высокую гору и повернулъ ее вѣдьмѣ поперекъ дороги.

Пока вѣдьма лѣзла черезъ гору, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ.

Перебралась вѣдьма черезъ гору и опять нагоняетъ Ивана-царевича.

— Теперь не уйдешь отъ меня!—кричитъ ему.

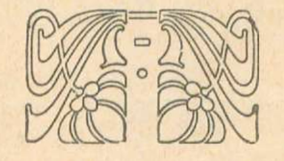
Вотъ близко, вотъ нагонитъ!

Иванъ-царевичъ пришпорилъ коня своего, подскакалъ къ терему солнцевой сестры и закричалъ:

— Зоренька-ясная, спаси меня!

Услыхала Зоренька голосъ Ивана-царевича, открыла окно, и онъ вмѣстѣ съ конемъ вскочилъ въ него

Пришлось вѣдьмѣ ни съ чѣмъ домой вернуться.

Правда и кривда.

Жили на свѣтѣ два мужика. Одинъ былъ богатый, а другой — бѣдный. Сошлись они однажды вмѣстѣ и заспорили, какъ лучше на свѣтѣ жить. Богатый мужикъ говоритъ:

— Нѣтъ, братъ, правдой не проживешь!

А бѣдный:

— Правдой-то лучше жить; хоть иной разъ и ѣсть нечего, зато совѣсть чиста.

— Съ одной-то совѣстью безъ хлѣба насидишься.

Спорили они, спорили, да переспорить другъ друга не могутъ. Вотъ и рѣшили выйти на дорогу и спросить перваго встрѣчнаго, какъ лучше жить. Видятъ — ѣдетъ на парѣ сытыхъ коней купецъ. Подошли къ нему мужики, остановили коней и говорятъ:

— Не бойся насъ, добрый человѣкъ, мы зла тебѣ не сдѣлаемъ. Дай ты намъ отвѣтъ по чистой совѣсти, какъ лучше на свѣтѣ жить: правдой или кривдой?

Подумалъ-подумалъ купецъ и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, ребята, правдой мудрено жить! Насъ обманываютъ и мы обманываемъ, ничего не подѣлаешь!

— Ну, слышишь, по-моему выходитъ! — говоритъ богатый.

— Спросимъ еще у другого встрѣчнаго,—предложилъ бѣднякъ.

Богатый согласился, и пошли они дальше по дорогѣ.

Попадается имъ навстрѣчу мужикъ съ возомъ дровъ.

Подошли они къ нему, остановили лошадь и говорятъ:

— Рѣши, братъ, нашъ споръ: какъ лучше жить—правдой или кривдой?

Отвѣчаетъ имъ мужикъ:

- Эхъ, братцы, развѣ правдой можно прожить? Съ правдой-то не пивши, не ѣвши насидишься...

— Ну, слышишь,—говоритъ богатый.—Опять по-моему вышло. Правдой вѣкъ не проживешь!

— Слышать-то слышу, да не вѣрю. Спросимъ еще у третьяго.

— Будь по-твоему!

Пошли мужики дальше. Скоро повстрѣчался имъ солдатъ,—въ побывку домой идетъ. Говорятъ ему мужики:

— Остановись-ка, служивый, на минутку: рѣши ты нашъ споръ: какъ лучше на свѣтѣ жить—правдой или кривдой?

Засмѣялся солдатъ и говоритъ:

— Нашли о чемъ спрашивать! Кто теперь правдой живетъ? Дуракъ и тотъ обмануть норовитъ...

— Моя взяла!—кричитъ богатый.—Всѣ говорятъ, что кривдой лучше жить.

— Нѣтъ, я кривдой жить не хочу,—отвѣтилъ ему бѣдный,—пусть будетъ, что будетъ, а я буду жить по правдѣ да по совѣсти, какъ Богъ велитъ.

Пошли мужики домой и стали жить каждый посвоему.

Наступилъ голодъ. У богатаго полны амбары хлѣба, а бѣдный съ своей семьей съ голоду помираетъ. Пошелъ онъ къ богатому просить хлѣба взаймы, а тотъ смѣется ему въ отвѣтъ:

— Вотъ я кривдой живу, да полны амбары хлѣба, а ты съ правдой-то съ голоду помираешь.

— Дай хоть кусочекъ хлѣбца: дѣтишки ѣсть просятъ, плачутъ.

— Ладно. Только за это я тебѣ глазъ выколю.

— Ну, выколи!

Выкололъ богатый мужикъ бѣдному глазъ и далъ ему немного хлѣба. Прошло немного времени, вышелъ у бѣднаго весь хлѣбъ. Опять пошелъ онъ

къ богатому и проситъ дать ему хлѣбца, а тотъ надъ нимъ насмѣхается:

— Вѣрно, правда-то твоя не очень кормитъ? Дашь другой глазъ выколоть, тогда хлѣба дамъ.

— Пожалѣй, братецъ, что я буду дѣлать слѣпой-то!

— Съ правдой и безъ глазъ проживешь!

Думалъ-думалъ бѣдный, какъ ему быть, да вспомнилъ, что дома дѣти голодныя сидятъ, и говоритъ богатому:

— На, выкалывай и другой глазъ, коли грѣха не боишься!

Взялъ бѣдный хлѣбъ и пошелъ домой ощупью съ палочкой!

Шелъ-шелъ, сбился съ дороги и не знаетъ, куда итти.

Нащупалъ палкой дерево и сѣлъ подъ нимъ отдохнуть.

Долго ли, коротко ли сидѣлъ бѣднякъ подъ деревомъ, только нашелъ на него сонъ. Крѣпко уснулъ онъ, вдругъ слышитъ—поднялся на деревѣ сильный шумъ: на ночь сюда вороны слетались

Сталъ онъ прислушиваться, о чемъ они разговариваютъ.

— Слышалъ я,—говоритъ одинъ,—что недалеко отсюда есть тропка, а на ней лежитъ камень, а

подъ камнемъ тамъ цѣлебный ключъ. Сдвинуть камень—вода потечетъ. Если той водой слѣпому глаза помочить, станетъ опять зрячимъ.

Другой воронъ говоритъ:

— А я узналъ, какъ царевну излѣчить. Многіе брались за это дѣло, да никто помочь ей не можетъ. А вылѣчить-то ее не хитро, стоитъ только достать завѣтное кольцо, что всегда на мизинцѣ старый скряга-купецъ носитъ. Какъ только царевна надѣнетъ это колечко на палецъ, такъ и здорова опять станетъ.

Долго еще говорили вороны, да мужикъ ужъ ихъ больше не слушалъ.

Стало разсвѣтать, птицы съ шумомъ улетѣли съ дерева, и когда все стихло, бѣднякъ сталъ ощупью искать тропку.

Напалъ онъ на тропку и пошелъ по ней, дошелъ до камня, сдвинулъ его, и сейчасъ же изъ-подъ него ручеекъ зажурчалъ.

Намочилъ онъ водою глаза и сразу прозрѣлъ.

Обрадовался.

«Ну,—думаетъ,—самъ я исцѣлился, пойду теперь исцѣлю и царевну».

Пришелъ онъ въ городъ, сталъ спрашивать, гдѣ живетъ богатый купецъ. Ему указали. Вошелъ онъ въ домъ и проситъ купца взять его въ работники.

— Хорошо, — говоритъ купецъ, — иди служить ко мнѣ. Будешь стараться—награжу тебя.

— Ничего мнѣ не надо, — отвѣчаетъ бѣднякъ, — отдай только колечко, что на мизинцѣ носишь.

Купецъ согласился.

Цѣлый годъ работалъ у него бѣдный. Насталъ срокъ расплаты. Жалко стало купцу отдавать колечко и говоритъ онъ работнику:

— Если хочешь, чтобы я тебѣ кольцо отдалъ, служи еще годъ.

Дѣлать нечего, согласился бѣднякъ еще годъ прослужить. Служилъ онъ вѣрой и правдой, работалъ что было мочи. Пришелъ срокъ расплаты, а купцу опять стало жалко отдавать кольцо, и говоритъ онъ мужику:

— Служи еще годъ, тогда ужъ непремѣнно колечко отдамъ!

Остался онъ еще на годъ. Работаетъ такъ, что всѣ люди дивятся, откуда купецъ себѣ такого батрака досталъ.

Кончился третій годъ. Снялъ купецъ съ пальца кольцо и говоритъ мужику:

— Ты служилъ мнѣ вѣрой и правдой. Не могу я больше тебя обманывать. Получай кольцо по уговору и ступай съ Богомъ!

Поблагодарилъ мужикъ хозяина, взялъ кольцо и пошелъ искать то царство, гдѣ жила больная царевна.

Пришелъ въ городъ, видитъ—всѣ люди печальные ходятъ.

— Отчего это въ вашемъ царствѣ веселыхъ людей не видать?—спрашиваетъ онъ.

— Какъ же намъ веселымъ быть? У нашего царя только одна дочка, да и та тринадцать лѣтъ больна, а какъ помочь ей—никто не знаетъ.

— Ведите меня къ царю: я могу вылѣчить царевну!

Привели мужика во дворецъ. Говоритъ ему царь:

— Ты похваляешься, что можешь мою дочь излѣчить? Смотри: вылѣчишь награжу, а обманешь—казнить прикажу.

— Я обманомъ не жилъ и жить не хочу. Прикажи вести меня къ царевнѣ.

Отвели мужика къ царевнѣ. Досталъ онъ колечко, надѣлъ его царевнѣ на палецъ, и она сразу поздоровѣла.

Щедро наградилъ царь мужика.

Вернулся онъ въ свою деревню и привезъ съ собою много золота, серебра и всякаго добра. Узналъ богатый мужикъ, что прежній бѣднякъ, которому онъ глаза выкололъ, вернулся на родину и зрячимъ и богатымъ.

«Что за чудо!—думаетъ.—Пойду-ка я да узнаю, какъ онъ разжился?»

Пришелъ богатый мужикъ въ домъ къ своему сосѣду, бывшему бѣдняку, и говоритъ:

— Я пришелъ къ тебѣ спросить, какъ ты разбогатѣлъ. Правда тебѣ помогла или съ кривдой дружбу свелъ?

— Помогла мнѣ правда, а съ кривдой я не жилъ и жить не хочу.

Тутъ онъ разсказалъ все, что съ нимъ было.

Пошелъ криводушный мужикъ домой и думаетъ: «Пойду-ка и я подъ дубъ, послушаю, что вороны говорить будутъ. Можетъ, про свое счастье услышу».

Пошелъ онъ и сѣлъ подъ дубъ. Сидитъ — ждетъ, когда вороны слетаться станутъ. Вотъ поднялся шумъ—вороны летятъ, да какъ слетѣлись, да увидали, что мужикъ подъ деревомъ сидитъ, кинулись на него и растерзали на мелкія части. А правдивый сталъ жить-поживать да бѣднымъ людямъ помогать.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

Королевичъ и его дядька.

У одного короля былъ сынъ. Звали его Иванъ-королевичъ. Жилъ король хорошо, заботы не знавалъ. Поѣхалъ онъ разъ на охоту въ лѣсъ, видитъ—мужикъ несетъ куницъ, бобровъ да лисицъ. Остановилъ король мужика и спрашиваетъ:

— Гдѣ ты, старикъ, столько звѣрья наловилъ?

— Въ лѣсу,—отвѣчаетъ мужикъ.

— Кто же тебѣ позволилъ въ моемъ лѣсу звѣрей ловить?

— Лѣшій позволилъ. Онъ научилъ меня и ловушки ставить.

— Ладно, — говоритъ король, — я тебя, старикъ, виномъ угощу и денегъ дамъ, покажи только мнѣ, гдѣ лѣшій живетъ.

Соблазнился старикъ обѣщаніями короля и указалъ жилище лѣшаго. Король тотчасъ же велѣлъ лѣшаго поймать, заковать его въ цѣпи и посадить въ темный подвалъ. А самъ издалъ такой приказъ, чтобы

въ заповѣдныхъ лѣсахъ никто не смѣлъ охотиться безъ его, королевскаго, разрѣшенія.

Сидитъ лѣшій въ подвалѣ и думаетъ, какъ бы ему на волю выбраться. А дверь изъ подвала въ садъ выходила. Вотъ смотритъ лѣшій въ щелочку и видитъ—гуляетъ въ саду Иванъ-королевичъ со своими няньками и мамками. Подошелъ Иванъ-королевичъ къ подвалу, увидалъ его лѣшій и стучитъ въ дверь:

— Выпусти меня, королевичъ, я тебѣ впередъ пригожусь.

— Какъ же я тебя выпущу: дверь заперта тяжелымъ замкомъ, а ключъ у матушки спрятанъ?

— Поди къ матушкѣ, приласкайся къ ней и попроси ключъ. Она для тебя все сдѣлаетъ.

Послушался королевичъ, выпросилъ у матери ключъ, прибѣжалъ въ садъ, отперъ замокъ и выпустилъ лѣшаго.

Ушелъ лѣшій въ лѣсъ и сталъ тамъ опять хозяйничать. Поставилъ король силки, а лѣшій ихъ изорветъ, изломаетъ. Видитъ король, что звѣри перестали ловиться, и догадался, что это продѣлка лѣшаго: больше некому. Пошелъ въ подвалъ, глядь, а тамъ пусто: лѣшаго и слѣдъ простылъ. Разсердился король на жену свою, кричитъ:

— Зачѣмъ ключъ давала лѣшаго выпускать?

Приказалъ онъ созвать бояръ, князей и думныхъ людей, чтобы судить королеву. Жалко стало Ивану-королевичу свою мать и признался онъ отцу въ своей винѣ. Разсердился король пуще прежняго, не знаетъ, что ему съ сыномъ дѣлать, какую ему казнь придумать.

Собрались бояре, князья, думные люди и говорятъ королю:

— Ваше королевское величество' королевское дитя казнить нельзя. Отпусти ты лучше его на всѣ четыре стороны.

Призвалъ король сына и говоритъ ему:

— Иди съ глазъ моихъ долой, — не хочу имѣть непокорнаго сына.

Нечего дѣлать, пошелъ Иванъ-королевичъ. Мать, провожая его, дала ему на дорогv котомку да велѣла взять съ собою и дядьку.

Пошелъ королевичъ съ дядькой въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли шли они, только захотѣлось королевичу пить и говоритъ онъ дядькѣ:

— Ступай, принеси воды: мнѣ пить хочется.

А дядька ему:

— Хочешь пить, такъ и ступай самъ за водой'

Нечего дѣлать, пошелъ королевичъ самъ за водой. Нагнулся онъ къ колодцу, а дядька его ну въ колодецъ толкать!

— Не губи меня!—взмолился королевичъ.

— Давай выкупъ, а то сейчасъ утоплю въ колодцѣ!

— Что же мнѣ дать тебѣ? Нѣтъ у меня ничего.

— Давай смѣняемся,—говоритъ дядька:—я буду королевичемъ, а ты будь слугою.

Иванъ-королевичъ согласился. Переодѣлся слуга въ платье королевича, а тотъ надѣлъ платье своего слуги и пошли они дальше. Шли они, шли и пришли въ чужое государство, прямо къ царю во дворецъ.

— Что вы за люди?—спрашиваетъ ихъ царь.

— Я—Иванъ-королевичъ, а это—мой слуга. Мы съ нимъ по свѣту рыщемъ, счастья себѣ ищемъ,—отвѣчаетъ дядька.

— Радъ тебя видѣть, королевичъ! Останься у меня погостить.

Сталъ дядька жить у царя въ гостяхъ. Пьетъ, ѣстъ за царскимъ столомъ, а королевича въ кухню отправили дрова таскать да посуду мыть. Смотритъ королевичъ, какъ повара кушанье готовятъ, и самъ мало-по-малу научился да такъ сталъ готовить, что лучше самого повара.

Узналъ про то царь и сталъ его хвалить да деньгами дарить. Не взлюбили за это королевича другіе повара и стали думать, какъ его погубить.

Замѣсилъ разъ королевичъ тѣсто для пирога, а они взяли, да и подсыпали туда отравы. Подали царю пирогъ, а старшій поваръ и говоритъ:

— Царь-государь! не вели казнить, вели слово молвить.

— Говори, не бойся!

— Не ѣшь, царь-батюшка, этого пирога: онъ съ отравой!

— А ты почему знаешь!

— Люди слышали, какъ твой любимый поваренокъ похвалялся извести тебя. Такой, говоритъ, пирогъ испеку, что съ одного куска царь умретъ.

Отрѣзалъ царь кусокъ пирога и бросилъ его собакѣ, та съѣла и тутъ же издохла. Разсердился царь, приказалъ позвать къ себѣ поваренка.

Пришелъ королевичъ.

— Такъ-то ты за мою ласку платишь?—закричалъ на него царь.—Отравить меня захотѣлъ! За это я прикажу казнить тебя лютой казнью!

Взмолился ему королевичъ:

— Вѣдать не вѣдаю, знать не знаю! Вѣрно, злые люди изъ зависти погубить меня хотятъ.

Сжалился надъ нимъ царь,—помиловалъ и приказалъ быть конюхомъ.

Нечего дѣлать, пришлось королевичу коней пасти. Зашелъ онъ разъ съ ними далеко-далеко въ лѣсъ. Вдругъ навстрѣчу ему лѣшій.

— Здравствуй, Иванъ-королевичъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости.

— Боюсь—кони разбѣгутся.

— Не бойся, пойдемъ. Я тебѣ ихъ соберу.

Пошелъ королевичъ къ лѣшему въ гости. У лѣшаго были три дочери; вотъ и говоритъ отецъ старшей изъ нихъ:

— Чѣмъ же ты, дочка, подаришь королевича за то, что онъ меня на свободу выпустилъ?

Отвѣчаетъ дочь:

— Дамъ я ему скатерть-самобранку.

— А ты чѣмъ подаришь? — спросилъ онъ у средней.

— Я подарю ему палку-самобойку.

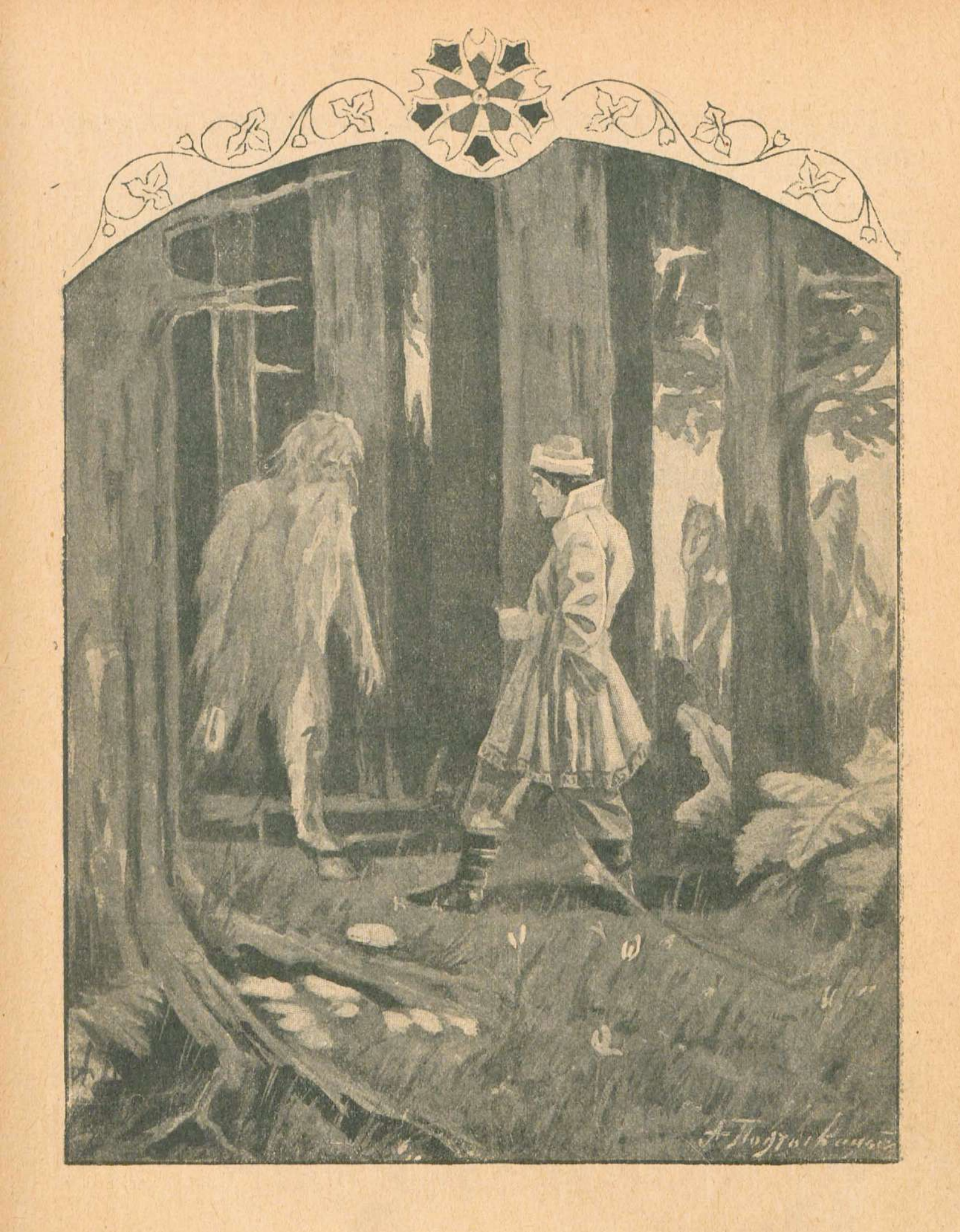
Младшая же сказала:

— А я подарю королевичу перстень, да такой, что ночью огней зажигать не надобно: отъ перстня свѣтло будетъ.

— Ну, теперь, дочки, ступайте коней собирать; накормите ихъ, напоите и вычистите!

Хорошо съ тѣхъ поръ стало жить королевичу: придетъ онъ въ лѣсъ, скажетъ своей скатерти-самобранкѣ:

— Угости меня, скатерть-самобранка!—раскинетъ ее, и сейчасъ же явятся передъ нимъ разныя кушанья—одно лучше дугого. Угощается королевичъ,

а дочки лѣшаго соберутъ коней, накормятъ ихъ, напоятъ и вычистятъ.

Царь не нарадуется на своего конюха: кони у него всѣмъ на заглядѣнье,—чудо да и только: и сыты, и статны, и на ногу рѣзвы. Хвалитъ царь своего конюха, а царевна слушаетъ и думаетъ, какъ ей поговорить съ нимъ. Она его давно запримѣтила, а говорить ей съ нимъ не случалось. Вѣдь царская дочь—не то, что простая дѣвушка,—съ кѣмъ захотѣла, съ тѣмъ и заговорила. Она шагъ ступитъ, а за нею—нянюшки да мамушки. Одна говоритъ того-то царской дочкѣ дѣлать нельзя, другая говоритъ, что и другого нельзя. Вотъ и стала царевна придумывать, какъ бы ей съ глазу на глазъ съ молодымъ конюхомъ поговорить.

Пока она придумывала, надъ ихъ царствомъ бѣда случилась да нешуточная. Пришелъ на нихъ войной великанъ и привелъ съ собою полки несмѣтные. Шлетъ онъ къ царю гонца съ письмомъ, а въ письмѣ томъ написано:

«Если не отдашь за меня царевну замужъ, то все войско твое перебью, а ее силой возьму!»

Что дѣлать царю? Жалко ему отдавать дочь великану. Сталъ онъ кликать кличъ, сзывать по всему царству князей и богатырей. Кто побѣдитъ великана, тому обѣщаетъ полцарства и дочь въ замужество.

Много собралось князей и богатырей сражаться съ великаномъ. Поѣхалъ съ царскимъ войскомъ и дядька.

«Не попытать ли и мнѣ счастья?» думаетъ королевичъ.

Выбралъ онъ себѣ лучшаго коня и пустился въ путь. Подъѣзжаетъ къ лѣсу и видитъ—на опушкѣ лѣшій стоитъ.

— Куда ѣдешь?—кричитъ онъ королевичу.

— Воевать съ великаномъ.

— Зайди-ка ко мнѣ на минутку.

Вошелъ королевичъ къ лѣшему въ домъ, а ужъ дочка несетъ ему стаканъ вина. Выпилъ королевичъ и почувствовалъ, что силы у него поприбавилось.

— Много ли силы прибавилось?—спрашиваетъ лѣшій.

— Будь у меня палица въ пятьдесятъ пудовъ,—отвѣчаетъ королевичъ,—я бы ее какъ хворостину сломалъ!

Приказалъ тутъ лѣшій другой дочери подать вина. Выпилъ королевичъ, а лѣшій опять спрашиваетъ:

— Много ли силы прибавилось?

— Много,—говоритъ королевичъ.—Будь у меня палица во сто пудовъ, я бы ее за облака закинулъ!

Улыбнулся лѣшій и приказалъ третьей дочери угостить королевича. Выпилъ королевичъ и третій стаканъ; лѣшій опять спрашиваетъ:

— Какова теперь твоя сила?

— Охъ, велика теперь моя сила. Во мнѣ самомъ не вмѣщается, наружу просится. Если бъ было за что ухватиться, я бы всю землю повернулъ!

Нацѣдилъ лѣшій изъ другого боченка стаканъ вина и подалъ королевичу самъ; выпилъ тотъ и почувствовалъ, что силы у него поубавилось. Вывелъ лѣшій королевича на крыльцо и свистнулъ на весь лѣсъ. На свистъ его прискакалъ вдругъ богатырскій конь — изъ ушей дымъ стелется, изъ-подъ копытъ искры сыплются.

— Вотъ тебѣ конь! — кричитъ лѣшій.

Заткнулъ королевичъ за поясъ свою палку-самобойку, сѣлъ на коня, стегнулъ его плеткой шелковой, — помчался конь легче вѣтра буйнаго.

Подъѣзжаетъ онъ къ стану вражьему и видитъ, что войска царскія бѣгутъ, а дядька съ испугу подъ кустъ спрятался, сидитъ и трясется.

Иванъ-королевичъ, мимо ѣдучи, стегнулъ его плеткою, а самъ поскакалъ прямо навстрѣчу великану.

Увидалъ великанъ королевича и сталъ надъ нимъ посмѣиваться:

— Выходи, выходи, добрый молодецъ, со мною въ бой! Много я вашего брата уложилъ, тебя только не хватало.

Выхватилъ королевичъ изъ-за пояса палку-самобойку и приказалъ ей угостить великана, а самъ плеткой шелковой помахиваетъ. Махнетъ — цѣлаго ряда солдатъ какъ не бывало. Убилъ королевичъ великана и побилъ все его войско: кого плеткой, кого мечомъ, кого конемъ затопталъ. Ѣдетъ назадъ и думаетъ:

«Ну, теперь-то ужъ, навѣрно, царь за меня дочку замужъ отдастъ, стану я опять королевичемъ».

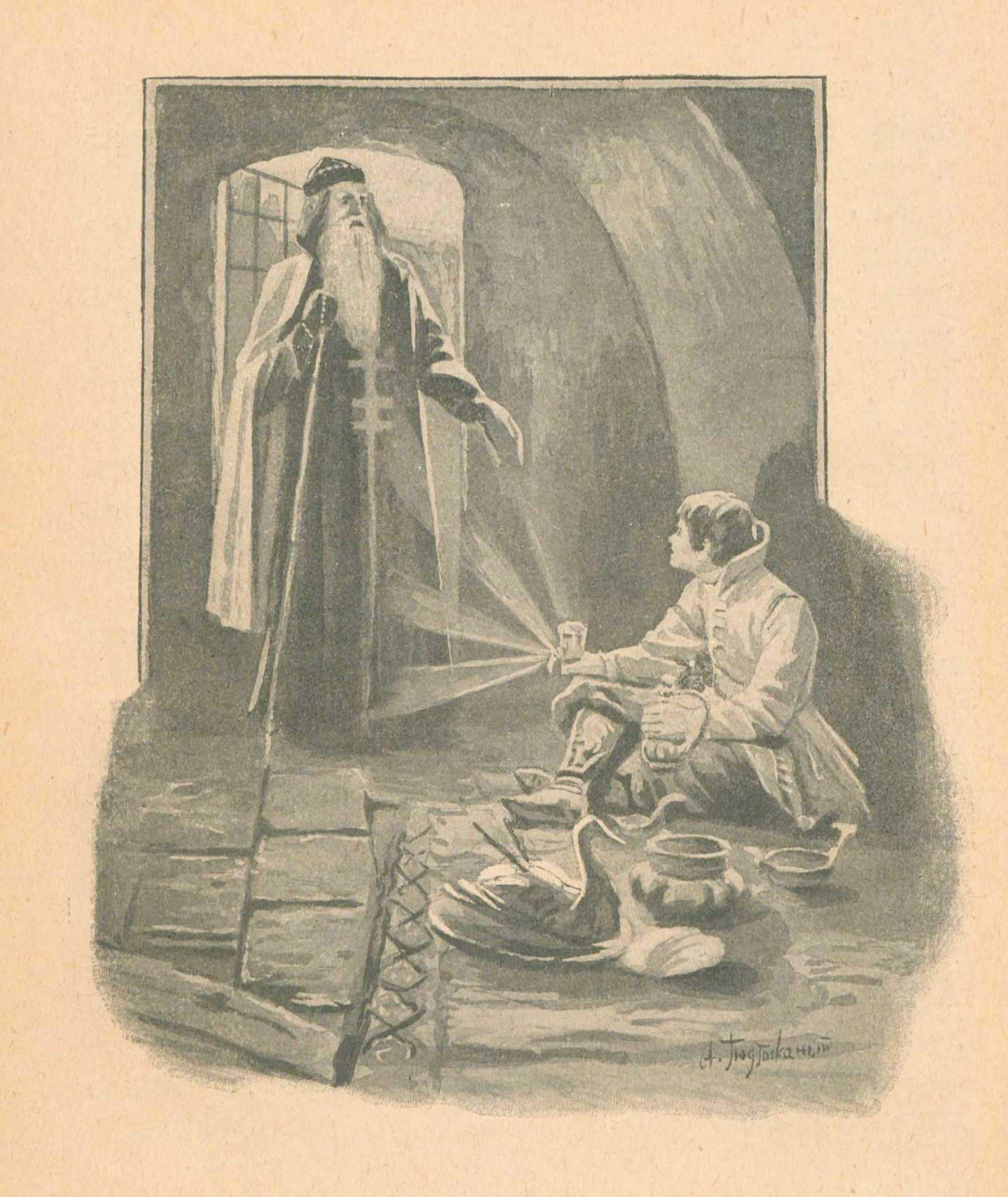
Да не тутъ-то было. Дядька, сидя подъ кустомъ, все видѣлъ и, когда замѣтилъ, что побѣда на сторонѣ Ивана-королевича, побѣжалъ домой, по дорогѣ поймалъ коня, сѣлъ на него и прискакалъ къ царю.

— Я побѣдилъ великана! — кричитъ онъ еще издали.—Отдавай мнѣ царевну въ жены.

Обрадовался царь и приказалъ готовить великій пиръ. А царевнѣ не милъ суженый; не хочется ей за него замужъ итти, притворилась она больной.

Пріѣхалъ настоящій королевичъ и видитъ, что дядька опять у него поперекъ дороги сталъ. Какъ доказать ему свою правоту, что онъ побѣдилъ великана, а не тотъ? Кто повѣритъ ему, простому конюху? А дядька увидалъ, что королевичъ цѣлъ пріѣхалъ, и думаетъ:

«Надо его совсѣмъ погубить, чтобы не вышло какихъ разговоровъ».

Призвалъ онъ слугъ и приказалъ бросить королевича въ тюрьму. Отвели его въ темницу, заперли на замокъ. А королевичу и горя мало: досталъ онъ свой перстень — стало у него свѣтло какъ днемъ; разостлалъ скатерть-самобранку — угощенья сколько хочешь. Сидитъ, пьетъ, ѣстъ, дожидается, что будетъ.

Узнала царевна, что конюха заперли въ темницу, и такъ-то ей стало его жалко, что пришла она къ отцу и стала просить за него.

Приказалъ тогда царь узнать, чѣмъ провинился конюхъ, а такъ какъ вины за нимъ никто не зналъ, то и рѣшилъ онъ самъ итти въ тюрьму и допросить конюха.

Пришелъ царь въ темницу и видитъ, что конюхъ его пируетъ. Удивился царь, сталъ допрашивать, что и какъ. Тутъ только и узналъ онъ, что настоящій королевичъ конюхомъ былъ, а дядька его съ нимъ за однимъ столомъ сидѣлъ.

Приказалъ тогда царь казнить обманщика, а царевну отдалъ замужъ за настоящаго Ивана-королевича. Онъ уже давно былъ любъ царевнѣ, еще въ то время, когда конюхомъ былъ.

Свадьба ихъ была веселая: пировали три дня и три ночи. И я тамъ былъ: медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Утро, полдень и вечеръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ король съ королевою. Было у нихъ три дочери красоты неописанной. Пуще глаза берегъ король дочерей своихъ. Построилъ имъ подземныя палаты и жили тамъ дѣвушки, какъ птички въ клѣткѣ.

Радовался король на дочерей своихъ и не разъ говаривалъ:

— Хорошо имъ жить въ подземныхъ палатахъ: ни вѣтеръ буйный не повѣетъ на нихъ ни солнце красное не опалитъ ихъ жгучимъ лучомъ своимъ.

Не то думали королевны. Слышали онѣ отъ мамушекъ своихъ и нянюшекъ, что есть чудный бѣлый свѣтъ, что свѣтитъ тамъ солнышко красное, растутъ деревца зеленыя, поютъ птички голосистыя. Захотѣлось имъ посмотрѣть на всѣ чудеса Божьяго міра и стали онѣ просить отца:

— Государь ты нашъ, батюшка, пусти насъ на бѣлый свѣтъ посмотрѣть, въ зеленомъ саду погулять.

— Для чего вамъ на бѣлый свѣтъ смотрѣть? Развѣ плохо вамъ живется здѣсь? Развѣ мало у васъ камней самоцвѣтныхъ, шелку, бархату?

— Всего много у насъ, родной батюшка, хорошо намъ живется здѣсь, а все же хочется и на бѣлый свѣтъ поглядѣть. Слышали мы, что солнце красное горитъ тамъ ярче камней самоцвѣтныхъ, а трава на лугу—мягче бархата!

— Нечего дѣлать: быть по-вашему, отпущу я васъ на бѣлый свѣтъ посмотрѣть. Созывайте своихъ мамушекъ и нянюшекъ, снаряжайтесь на прогулку веселую.

Вышли королевны въ садъ. Все-то ихъ радуетъ: и солнышко красное, и цвѣты душистые, и трава зеленая. Бѣгаютъ по саду, забавляются. Вдругъ поднялся буйный вѣтеръ. Мамушекъ и нянюшекъ съ ногъ сбилъ, а королевенъ подхватилъ и унесъ въ чужу-дальнюю сторону. Всполошились тутъ мамки и няньки, побѣжали королю докладывать.

Какъ узналъ король про бѣду свою, залился слезами горькими. Созвалъ слугъ своихъ и говоритъ имъ:

— Поѣзжайте-ка вы въ чужу-дальню сторону, отыщите дочерей моихъ любимыхъ. Кто найдетъ ихъ, награжу того своей милостью королевскою.

Долго ѣздили слуги царскіе, да ничего не узнали, не провѣдали, съ чѣмъ поѣхали, съ тѣмъ и назадъ вернулись.

Загрустилъ король пуще прежняго. Созвалъ онъ большой совѣтъ и сталъ у бояръ своихъ спрашивать:

— Не возьмется ли кто изъ васъ, бояре славные, дочерей моихъ разыскать? Кто это дѣло сдѣлаетъ, за того любую королевну замужъ отдамъ и богатымъ приданымъ награжу.

Молчатъ бояре, словно воды въ ротъ набрали. Ни одинъ не отозвался на королевскій зовъ.

Заплакалъ король и говоритъ:

— Нѣтъ у меня среди васъ ни друзей ни вѣрныхъ слугъ!

И велѣлъ по всему государству кличъ кликать: не возьмется ли кто изъ простыхъ людей за такое дѣло трудное, не отыщетъ ли дочерей его

Жила въ то время въ одной деревнѣ вдова, бѣдная-пребѣдная. Было у нея три сына—три сильныхъ богатыря. Старшаго звали Утро, утромъ родился онъ, средняго—Полдень, родился онъ въ полдень, а младшаго—Вечеръ, родился онъ вечеромъ.

Дошелъ до нихъ королевскій кличъ. Пришли они къ матери и говорятъ ей:

— Благослови насъ, матушка родимая, на подвигъ славный, идемъ мы отыскивать дочерей королевскихъ.

Благословила ихъ мать, и пошли они въ престольный градъ. Долго ли, коротко ли шли, только пришли къ самому королю.

Поклонились ему и молвили:

— Здравствуй, государь нашъ, батюшка! Мы пришли къ тебѣ службу служить. Позволь намъ ѣхать королевенъ твоихъ разыскивать.

Обрадовался царь.

— Спасибо вамъ, добрые молодцы,—говоритъ.— Поѣзжайте съ Богомъ. Да скажите, какъ васъ по имени звать?

— Мы—три брата родные Утро, Полдень и Вечеръ.

— Чѣмъ же васъ, молодцы, на дорогу пожаловать?

— Ничего намъ, государь, не надобно. Если будетъ милость твоя, не оставь нашу матушку. Безъ насъ некому будетъ о ней позаботиться.

Взялъ король старуху къ себѣ во дворецъ, и стала она жить тамъ припѣваючи. Кормили ее и поили съ королевскаго стола; одѣвали, обували изъ королевскихъ кладовыхъ.

Вотъ ѣдутъ добрые молодцы путемъ-дорогою. Ѣдутъ они мѣсяцъ, другой, третій. Доѣхали до темнаго лѣса и видятъ—у самой лѣсной опушки стоитъ избушка. Постучались въ окошко,—отвѣта нѣтъ; вошли въ избушку—пусто, нѣтъ никого.

— Ну, братцы,—говоритъ Утро,—останемся здѣсь на денекъ, отдохнемъ съ дороги.

Согласились братья и легли спать.

На утро встали рано-ранехонько. Позавтракали, чѣмъ Богъ послалъ.

Вотъ меньшой братъ, Вечеръ, и говоритъ старшему:

— Оставайся ты, Утро, дома, приготовь намъ обѣдъ, а мы съ полднемъ на охоту пойдемъ.

Согласился старшій братъ и остался обѣдъ готовить. Вышелъ онъ изъ избы и видитъ хлѣвъ, а въ хлѣву овцы стоятъ. Выбралъ онъ лучшую овцу и приготовилъ изъ нея обѣдъ.

Управился съ дѣлами, сидитъ и братьевъ дожидается. Вдругъ слышитъ—кто-то въ сѣняхъ стучитъ-гремитъ.

«Знать, братья пришли обѣдать».

Только подумалъ это добрый молодецъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ избушку вошелъ старичокъ, самъ въ аршинъ, борода—двѣ сажени. Увидалъ онъ въ избѣ чужого, да какъ закричалъ грознымъ голосомъ:

— Откуда, незваный гость, пожаловалъ? Кто далъ тебѣ волю въ моемъ домѣ хозяйничать? Не смотри, что я ростомъ съ аршинъ... я малъ, да удалъ!

Испугалось Утро, не знаетъ, что и говорить, а старичокъ схватилъ палку и давай, что есть мочи, бить своего гостя незванаго. Билъ-билъ, чуть живого оставилъ.

Лежитъ Утро подъ лавкой—охаетъ.

Сѣлъ старичокъ за столъ обѣдать. Ѣлъ-ѣлъ, пока всего барана не съѣлъ. Послѣ обѣда собрался и опять въ лѣсъ ушелъ.

Вылезло Утро изъ-подъ лавки обвязало голову тряпкой, лежитъ, братьевъ поджидаетъ.

Воротились братья, спрашиваютъ:

— Что съ тобой приключилося?

— Затопилъ я печку, да отъ сильнаго жара головушка разболѣлась: не могъ я ни варить ни жарить,—обмануло Утро братьевъ: стыдно ему было, что его старичокъ побилъ.

— Ну, ладно, и безъ обѣда обойдемся!—говорятъ братья.

На другой день братья опять собрались въ лѣсъ итти. Только теперь средній братъ дома остался—обѣдъ готовить. Пошелъ Полдень въ хлѣвъ, выбралъ тамъ лучшаго барана, растопилъ печь и принялся варить и жарить. Приготовилъ обѣдъ, сидитъ, братьевъ поджидаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Вдругъ въ сѣняхъ опять застучало, загремѣло—вошелъ старичокъ, самъ въ аршинъ, борода двѣ сажени; увидалъ, что въ избѣ чужой хозяйничаетъ, разсердился пуще прежняго, схватилъ палку и давай бить-колотить гостя непрошеннаго. Чуть-чуть живого оставилъ.

Съѣлъ старичокъ весь обѣдъ и ушелъ въ лѣсъ. Завязалъ Полдень голову тряпкою, лежитъ на лавкѣ, охаетъ. Пришли братья, спрашиваютъ:

— Что съ тобою, братецъ?

— Охъ, братцы, угорѣлъ я! Всю головушку разломило, и обѣда вамъ не могъ приготовить.

— И безъ обѣда живы будемъ, — отвѣчаютъ братья.

А старшій братъ знай про себя посмѣивается:

— Знаю я этотъ угаръ! Самъ отъ него чуть не умеръ.

На третій день старшіе братья въ лѣсъ ушли, а младшій дома остался.

Приготовилъ онъ обѣдъ, легъ на лавку, лежитъ, отдыхаетъ.

Слышитъ шумъ. Выглянулъ въ оконце, видитъ — идетъ старичокъ, самъ въ аршинъ, борода двѣ сажени, на головѣ у него цѣлый стогъ сѣна, въ рукахъ большой чанъ воды.

Поставилъ старичокъ чанъ съ водою, свалилъ съ головы стогъ сѣна, принялся овецъ считать.

— Опять не хватаетъ одного барана!

Разсердился, прибѣжалъ въ избушку, схватилъ палку и крѣпко ударилъ ею меньшого брата.

Да тотъ самъ не плохъ былъ: схватилъ старичка за бороду и давай его таскать во всѣ стороны. Таскаетъ да приговариваетъ:

— Не узнавши броду, не суйся въ воду!

Заохалъ старичокъ, испугался и сталъ пощады просить.

— Не убивай меня, могучій богатырь! Я тебѣ пригожусь.

— На что ты мнѣ пригодишься?

— Отпустишь живымъ, такъ дорогу покажу къ тому мѣсту, гдѣ королевны спрятаны.

Согласился Вечеръ отпустить старичка, а чтобы не обманулъ, забилъ ему бороду въ дубовый столбъ большимъ желѣзнымъ клиномъ.

Пришли братья, смотрятъ, удивляются, что меньшой братъ живъ, здоровъ. Говоритъ имъ Вечеръ:

— Что, братцы, дивитесь? Не всѣмъ угорать. Я вашъ угаръ поймалъ да къ столбу привязалъ.

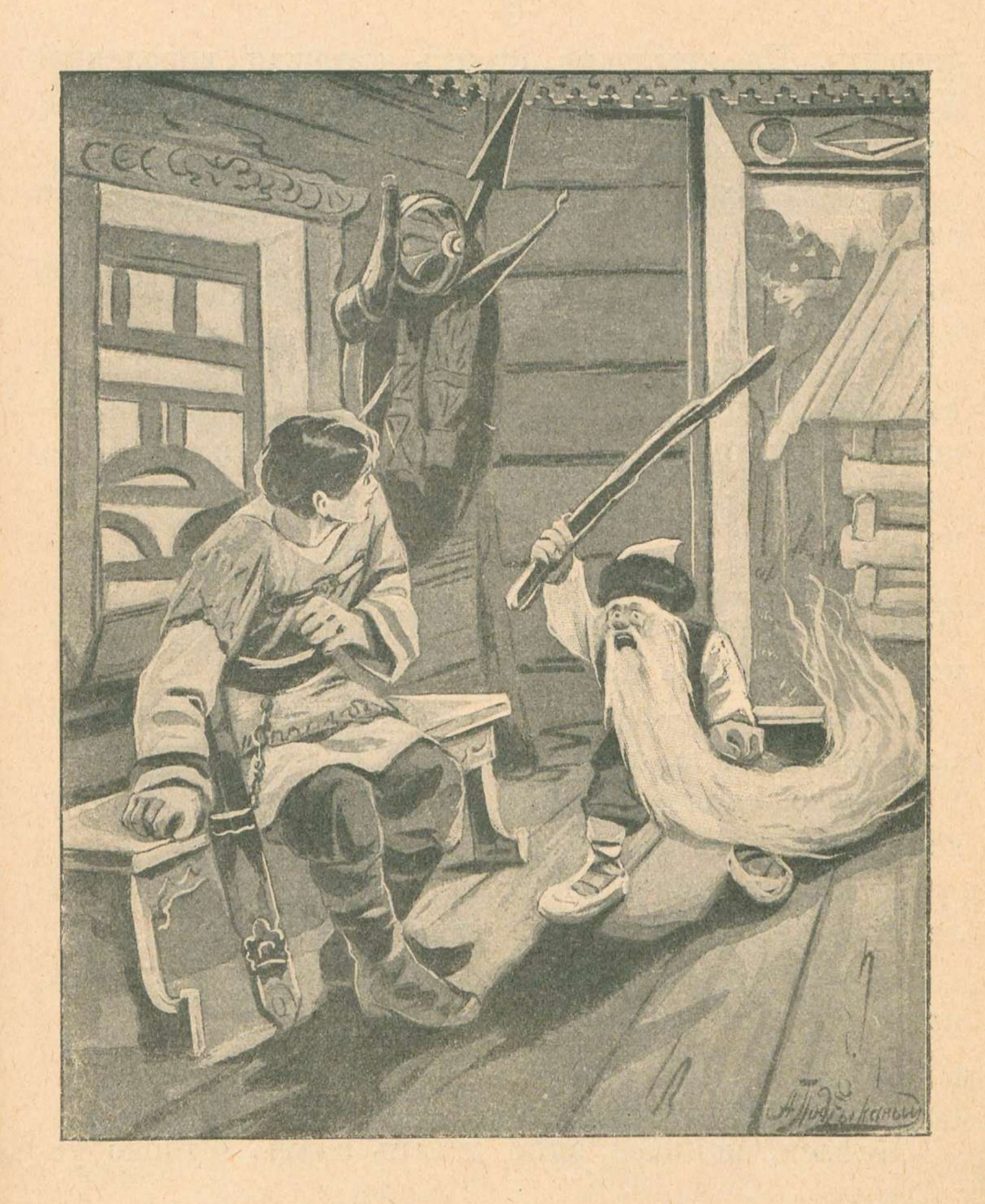
Отвязали братья старичка отъ столба, и повелъ онъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ королевны спрятаны.

Долго шли они дремучимъ лѣсомъ и дошли до глубокаго провала.

— Черезъ этотъ провалъ,—говоритъ старичокъ,— идетъ дорога въ подземное царство. Тамъ живутъ три змѣя, три родныхъ брата. Они-то и украли королевенъ.

Кинули братья жеребей, кому спускаться въ подземное царство. Выпало Вечеру итти. Набрали братья лыкъ, свили веревку и спустили по ней младшаго брата въ подземное царство.

Очутился Вечеръ въ подземномъ царствѣ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ. Видитъ — мѣдный

дворецъ. На крылечкѣ стоитъ старшая королевна. Увидала она добраго молодца, поклонилась ему и таково ласково спрашиваетъ:

— Какъ зашелъ ты сюда добрый молодецъ, волею аль неволею?

— Я пришелъ сюда вольной-волею: королевенъ я отыскиваю.

Обрадовалась королевна. Повела добраго молодца въ свою горницу, посадила за столъ, накормила, напоила, а потомъ дала испить сильной воды.

— Выпей-ка этой водицы,—у тебя силы прибавится.

Выпилъ Вечеръ воду. Прибыла въ немъ сила. Поднялся тутъ буйный вѣтеръ. Испугалась королевна, поблѣднѣла, лица на ней нѣтъ.

— Сейчасъ,—говоритъ,—мой змѣй прилетитъ. Спрячься скорѣе, а то худо тебѣ будетъ.

Только спрятался Вечеръ въ другую горницу, какъ прилетѣлъ трехглавый змѣй.

— Кто у тебя въ гостяхъ?—закричалъ онъ королевнѣ.—Слышу, русскимъ духомъ пахнетъ.

— Кому у меня быть? Это ты по Руси леталъ, вотъ русскаго духа и нанюхался.

Повѣрилъ змѣй, угомонился и говоритъ:

— Собирай, королевна, обѣдать: ѣсть хочу.

Наѣлся, напился змѣй и легъ спать. Крѣпко ус-

нулъ змѣй. Вызвала королевна Вечера. Вышелъ онъ, размахнулся мечомъ и отрубилъ змѣю всѣ три головы.

— Прощай пока, королевна! пойду выручать сестеръ твоихъ. Найду ихъ—за тобой ворочусь.

Пошелъ Вечеръ въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только дошелъ до серебрянаго дворца, а въ томъ дворцѣ жила средняя королевна. Узнала она, что Вечеръ пришелъ выручать ее,—обрадовалась. Напоила, накормила она добра молодца и дала испить ему сильной воды. Выпилъ Вечеръ сильной воды, сталъ еще сильнѣе.

— Много силы у меня прибавилось! Хорошо бы теперь съ кѣмъ-нибудь силою помѣриться.

— А вотъ сейчасъ прилетитъ змѣй мой. Будетъ тебѣ съ нимъ работы не мало,—говоритъ королевна.

Только она сказала это, поднялся вдругъ сильный шумъ: прилетѣлъ шестиглавый змѣй, кричитъ:

— Отчего у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?

— Полно, какой тутъ русскій духъ! Это ты по Руси леталъ, вотъ русскаго духа и нанюхался.

Накормила, напоила королевна змѣя и уложила спать. Заснулъ змѣй.

Вышелъ тутъ Вечеръ, взялъ мечъ, замахнулся, что было силы, и отрубилъ всѣ шесть головъ змѣиныхъ.

Попрощался съ королевною и пошелъ отыскивать ея младшую сестру.

Подошелъ Вечеръ къ золотому дворцу.

У окошка сидитъ королевна—краше цвѣта алаго, бѣлѣй снѣгу бѣлаго, и ласково улыбается.

Догадалась она, что Вечеръ освободилъ ея сестеръ, а теперь пришелъ и ее выручать, обрадовалась. Не знаетъ отъ радости, куда посадить, чѣмъ угостить славнаго богатыря.

Напоила и она его сильною водою. Почуялъ тутъ Вечеръ-богатырь въ себѣ силу-мощь великую.

— Теперь,—говоритъ,—хотъ кого осилю!

Только онъ молвилъ это, поднялся шумъ пуще прежняго. Испугалась королевна и говоритъ Вечеру-богатырю:

— Прячься скорѣе! Это мой змѣй летитъ.

— Не боюсь я змѣя. Мнѣ теперь никто не страшенъ.

Убилъ Вечеръ-богатырь двѣнадцатиглаваго змѣя и освободилъ послѣднюю королевну.

Стала она домой собираться. Вышла во дворъ, махнула шелковымъ платочкомъ—скатался ея золотой дворецъ въ яичко. Взяла королевна золотое яичко, положила въ карманъ и пошла съ Вечеромъ-богатыремъ за своими сестрами.

Тѣ то же самое сдѣлали: скатали свои дворцы въ яички и забрали съ собою.

Шли они, шли и пришли къ провалу.

Вечеръ-богатырь привязалъ королевенъ къ веревкѣ, а братья его ихъ вытащили. Потомъ спустили веревку и вытащили меньшого брата.

Пріѣхали они всѣ къ королю. Обрадовался король да такъ, что и сказать нельзя.

Выдалъ онъ за братьевъ-богатырей замужъ дочерей своихъ любимыхъ, а по смерти назначилъ Вечера-богатыря своимъ наслѣдникомъ.

Пошли королевны въ чистое поле, бросили свои яички,—и тотчасъ явились три дворца: мѣдный, серебряный и золотой.

И зажили съ той поры королевны со своими мужьями, славными богатырями, счастливо и весело.

Царевна лягушка.

Жили на свѣтѣ царь съ царицею. Было у нихъ три сына. Всѣ удальцы такіе, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Младшаго изъ нихъ звали Иваномъ-царевичемъ.

Задумалъ царь сыновей своихъ женить, позвалъ ихъ и говоритъ

— Дѣти мои милыя! пора вамъ жениться. Возьмите-ка вы по стрѣлѣ, натяните тугіе луки и пустите стрѣлы въ разныя стороны. На чей дворъ стрѣла упадетъ, тамъ и сватайтесь.

У старшаго брата стрѣла упала на княжескій дворъ. Средній братъ пустилъ стрѣлу и попалъ на боярскій дворъ. Наступилъ чередъ Ивана-царевича. Пустилъ онъ стрѣлу, и попала она въ грязное болото, гдѣ жила лягушка-квакушка.

Запечалился Иванъ-царевичъ и думаетъ:

«Какъ я стану жить съ лягушкой?»

— Знать, судьба твоя такая!—отвѣчаетъ ему царь.—Нечего дѣлать, бери себѣ въ жены лягушку.

Поженились царевичи: старшій на княжеской дочери, средній на боярской, а Иванъ-царевичъ на лягушкѣ-квакушкѣ.

Много ли, мало ли прошло времени, только захотѣлъ царь узнать, которая изъ невѣстокъ лучшая хозяйка. Позвалъ онъ къ себѣ сыновей и приказываетъ

— Пусть ваши жены испекутъ мнѣ къ завтрашнему дню по бѣлому хлѣбу.

Идетъ Иванъ-царевичъ домой невеселъ, ниже плечъ буйную голову повѣсилъ.

— Ква-ква, Иванъ-царевичъ, что такъ печаленъ?— спрашиваетъ его лягушка.—Иль горе какое приключилось?

— Какъ же мнѣ веселымъ быть: государь мой батюшка приказалъ тебѣ къ завтраму бѣлый хлѣбъ испечь.

— Ну, это бѣда небольшая. Ложись-ка спать, царевичъ, утро вечера мудренѣе!

Легъ царевичъ спать, а лягушечка ударилась объ землю, сбросила свою лягушечью кожу и обернулась красной дѣвицей, Василисою Прекрасною. Вышла она на крыльцо и закричала:

— Слуги мои вѣрные! приготовьте мнѣ къ завтраму мягкій бѣлый хлѣбъ, какой ѣла я у моего батюшки.

Проснулся на утро Иванъ-царевичъ, видитъ—хлѣбъ давно готовъ, на столѣ лежитъ.

Взялъ Иванъ-царевичъ хлѣбъ и понесъ къ отцу. Старшіе братья тоже принесли хлѣбы,—стоятъ, отца дожидаются. Вышелъ царь, принялъ хлѣбъ отъ старшаго сына и приказалъ слугамъ на кухню отнесть. Отъ средняго сына принялъ, туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича. Подалъ онъ свой хлѣбъ. Принялъ царь, посмотрѣлъ и говоритъ:

— Вотъ это хлѣбъ, всѣмъ хлѣбамъ—хлѣбъ! Я его самъ буду ѣсть.

Поблагодарилъ царь Ивана-царевича за хлѣбъ и отдалъ сыновьямъ новый приказъ:

— Пусть ваши жены соткутъ мнѣ въ одну ночь по ковру! Хочу я знать, которая изъ нихъ лучшая мастерица.

Идетъ Иванъ-царевичъ домой невеселъ, ниже плечъ буйную голову повѣсилъ.

— Ква-ква, Иванъ-царевичъ, что такъ невеселъ? Иль услышалъ отъ царя слово неласковое?

— Какъ мнѣ не печалиться: государь мой батюшка приказалъ, чтобы ты соткала ему въ одну ночь коверъ шелковый.

— Не тужи, царевичъ, ложись лучше спать: утро вечера мудренѣе!

Уложила лягушка его спать, а сама сбросила лягушечью кожу, обернулась красной дѣвицей, Василисою Прекрасной, вышла на крылечко, закричала громкимъ голосомъ:

— Эй, вы, слуги мои вѣрные, мамки-няньки! собирайтесь скорѣе шелковый коверъ ткать, чтобы былъ такой, какъ у батюшки моего родимаго!

Всталъ утромъ Иванъ-царевичъ, а у лягушки давно коверъ готовъ, да такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Пришелъ Иванъ-царевичъ къ царю, а братья ужъ давно стоятъ, дожидаются. Вышелъ царь, принялъ

коверъ отъ старшаго сына, поглядѣлъ и говоритъ слугамъ:

— Отнесите коверъ на заднее крыльцо, пусть слуги объ него ноги вытираютъ.

Подалъ царю коверъ средній сынъ. Поглядѣлъ царь на коверъ и отослалъ его туда же.

Дошла очередь до Ивана-царевича. Развернулъ онъ коверъ передъ царемъ. Смотритъ царь на коверъ, наглядѣться не можетъ, не налюбуется.

Поблагодарилъ онъ Ивана-царевича за коверъ и говоритъ сыновьямъ:

— Хочу теперь поглядѣть на вашихъ женъ. Призовите ихъ завтра ко мнѣ на пиръ.

Пошли братья домой. Идетъ Иванъ-царевичъ и думаетъ: «Какъ покажу я въ люди жену мою квакушку? Засмѣютъ меня братья съ своими женами!»

Пришелъ домой,—сидитъ, плачетъ.

— Что съ тобою, Иванъ-царевичъ?—спрашиваетъ лягушечка.

— Охъ, горе мнѣ! Не знаю, что и дѣлать. Государь мой батюшка велѣлъ, чтобы я съ тобою на пиръ къ нему приходилъ.

— Есть о чемъ горевать, царевичъ! иди одинъ къ царю въ гости, а я потомъ пріѣду. Какъ услышишь стукъ да громъ, такъ и скажи: вотъ моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ.

Стали на другой день къ царю гости собираться. Старшіе братья пріѣхали съ женами. Разодѣты онѣ, разубраны, а Иванъ-царевичъ одинъ пришелъ. Смѣются надъ нимъ братья, говорятъ:

— Гдѣ же жена твоя? Иль въ карманѣ у тебя сидитъ? Гдѣ ты такую красавицу нашелъ? Чай, всѣ болота исходилъ?

Вдругъ поднялся такой стукъ-громъ, что весь дворецъ задрожалъ

Гости перепугались.

— Не бойтесь!—говоритъ Иванъ-царевичъ.—Это моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ.

Подъѣхала къ царскому дворцу золоченая карета, въ шесть лошадей запряжена. Лакей дверцы открылъ — и вышла изъ кареты Василиса Прекрасная.

Взялъ ее Иванъ-царевичъ за руку и повелъ къ самому царю. Гости всѣ на нее любуются и дивятся. Сѣли за столъ,—пьютъ, ѣдятъ и веселятся.

Василиса Прекрасная выпьетъ изъ стакана, а остатки себѣ въ лѣвый рукавъ льетъ, поѣстъ — косточки въ правый рукавъ кладетъ. Увидали это жены старшихъ братьевъ, давай и сами то же дѣлать.

Послѣ ужина пошла Василиса Прекрасная съ Иваномъ-царевичемъ плясать. Махнула лѣвой рукой — озеро сдѣлалось, правой махнула—поплыли по озеру

лебеди. Дивятся гости и царь, на хитрости ея глядючи.

Послѣ пошли плясать и старшія невѣстки. Махнули онѣ лѣвыми руками—гостей забрызгали, махнули правыми—кости въ разныя стороны разлетѣлись. Разсердился царь и прогналъ ихъ съ пира.

А Иванъ-царевичъ тѣмъ временемъ улучилъ минутку, побѣжалъ скорѣй домой, отыскалъ тамъ лягушечью кожу и сжегъ ее.

Вернулась Василиса Прекрасная домой,—нѣтъ лягушечьей кожи. Заплакала она горькими слезами и говоритъ царевичу:

— Что ты надѣлалъ, Иванъ-царевичъ? Если бы немножко подождалъ, была бы я вѣчно твоею, а теперь прощай!

Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Долго горевалъ Иванъ-царевичъ, да слезами горю не поможешь,—пришлось ему итти отыскивать жену свою Василису Прекрасную.

Вотъ идетъ Иванъ-царевичъ, а навстрѣчу ему старичокъ старенькій, сѣденькій, съ палочкой плетется.

— Здорово, дѣдушка!

— Здравствуй, добрый молодецъ! Куда путь держишь?

Разсказалъ ему царевичъ про свое горе.

— Плохо ты сдѣлалъ, Иванъ-царевичъ! Зачѣмъ сжегъ лягушечью кожу? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Василиса Прекрасная хитрѣе своего отца уродилась, за это самое разсердился онъ на нее и велѣлъ ей быть три года лягушкой.

— Какъ же быть мнѣ теперь? Научи, добрый человѣкъ,—скажи, куда итти мнѣ?

— Вотъ тебѣ, царевичъ, клубочекъ; куда онъ покатится, туда ты и иди.

Поблагодарилъ царевичъ старичка и пошелъ за клубочкомъ.

Катится клубочекъ, а Иванъ-царевичъ за нимъ идетъ. Долго ли, коротко ли шелъ онъ,—попадается ему медвѣдь: «Дай,—думаетъ царевичъ,—убью звѣря». А медвѣдь какъ заговоритъ человѣчьимъ голосомъ:

— Не убивай меня, царевичъ: я тебѣ пригожусь!

Пожалѣлъ Иванъ-царевичъ медвѣдя и не сталъ убивать его. Пошелъ дальше, идетъ,—глядь, а надъ нимъ соколъ летитъ. Прицѣлился царевичъ изъ ружья. только хотѣлъ выстрѣлить въ птицу, а она какъ взмолится ему человѣчьимъ голосомъ:

— Не убивай меня, Иванъ-царевичъ: я тебѣ пригожусь!

Пожалѣлъ царевичъ и птицу и пошелъ дальше. Идетъ, а навстрѣчу ему бѣжитъ косой заяцъ. Только что царевичъ прицѣлился изъ ружья, а заяцъ ему:

— Не убивай меня, Иванъ-царевичъ: я тебѣ еще пригожусь'

Пожалѣлъ Иванъ царевичъ и зайца.

Подходитъ, наконецъ, Иванъ-царевичъ къ синему морю. Видитъ: лежитъ на берегу щука˙ и издыхаетъ.

Говоритъ она Ивану-царевичу:

— Сжалься надо мною, царевичъ, пусти меня въ море.

Бросилъ царевичъ щуку въ море, а самъ пошелъ берегомъ за клубочкомъ.

Подкатился тутъ клубочекъ къ избушкѣ на курьихъ лапкахъ.

Подошелъ Иванъ-царевичъ къ избушкѣ и закричалъ громкимъ голосомъ

— Избушка, избушка! Стань по-старому, какъ мать поставила: ко мнѣ передомъ, къ морю задомъ.

Повернулась избушка. Вошелъ Иванъ-царевичъ въ нее и видитъ: лежитъ на печи баба-яга, костяная нога

— Зачѣмъ, добрый молодецъ, ко мнѣ пожаловалъ?

— Ты, бабушка, прежде меня, добраго молодца, накормила бы, напоила да въ банѣ выпарила, а тогда бы и спрашивала, зачѣмъ пришелъ.

Такъ и сдѣлала баба-яга: накормила Ивана-царевича, напоила его, въ банѣ выпарила. И разсказалъ

онъ ей про свое горе, что ищетъ свою жену, Василису Прекрасную.

— Знаю, знаю!—говоритъ баба-яга.—Жена твоя у Кощея Безсмертнаго. Не легко съ Кощеемъ сладитъ: смерть его на концѣ иглы, та игла въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ зайцѣ, тотъ заяцъ въ сундукѣ, а сундукъ стоитъ на высокомъ дубу, тотъ дубъ Кощей пуще глаза своего бережетъ.

Разсказала баба-яга Ивану царевичу, какъ дорогу къ тому дубу найти, и велѣла ему итти скорѣе.

Пошелъ Иванъ-царевичъ. Отыскалъ дубъ и не знаетъ, какъ ему сундукъ достать.

Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣжитъ медвѣдь. Схватилъ дубъ и выворотилъ его съ корнемъ. Сундукъ упалъ съ дерева и разбился. Выскочилъ изъ сундука заяцъ и во всю прыть бѣжать пустился, а за нимъ ужъ другой заяцъ гонится; догналъ его, схватилъ и въ клочья разорвалъ. Изъ зайца вылетѣла утка и поднялась высоко-высоко надъ моремъ. Налетѣлъ на нее соколъ, ударилъ въ голову и убилъ наповалъ. Выронила тогда утка яйцо, и упало оно въ море.

Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами. Думаетъ, гадаетъ, какъ яйцо ему со дна морского достать.

Вдругъ подплываетъ къ берегу щука, — въ зубахъ у нея яйцо. Обрадовался царевичъ, взялъ яйцо, разбилъ, досталъ иглу и отломилъ кончикъ.

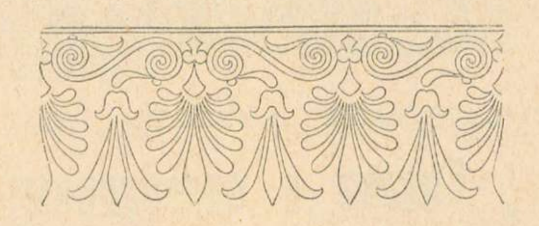
Пришла смерть Кощею.

Идетъ Иванъ-царевичъ въ домъ къ нему, а подъ окномъ сидитъ

Василиса Прекрасная, улыбается, зоветъ его въ горницу.

Отдохнулъ Иванъ-царевичъ послѣ длиннаго пути и вмѣстѣ съ женою возвратился домой.

Стали послѣ того они жить себѣ на радость, людямъ на славу.

Сказка о серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ.

Было у мужика три дочери. Всѣ три красавицы, только младшая дочь чудная была какая-то.

Старшія дочки любили наряжаться, хороводы водить, съ подружками въ лѣсъ ходить, а младшая все только работаетъ, за всѣхъ одна справляется: что ей ни прикажутъ, все дѣлаетъ: никому слова напротивъ не скажетъ. За это и прозвали ее дуроч-

кой. Кромѣ какъ «дура», другого ей и имени не было.

Собрался разъ мужикъ въ городъ на ярмарку и спрашиваетъ у дочерей:

— Какого гостинца привезти вамъ, дочки мои милыя?

Старшая проситъ:

— Привези мнѣ, батюшка, бусы на шею.

— А мнѣ, батюшка,—говоритъ средняя,—купи ситцу на сарафанъ.

Младшая дочь, дурочка, молчитъ, ничего не проситъ.

Жалко стало мужику дурочку и говоритъ онъ ей:

— Что же ты, дочка, ничего не просишь?

Улыбнулась она и отвѣчаетъ отцу:

— Купи мнѣ, батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко.

— На что тебѣ?

— Буду я яблочко то по блюдечку катать.

— Ладно,—проговорилъ отецъ,—куплю, если попадется.

Уѣхалъ мужикъ.

Стали сестры смѣяться надъ дурочкой, что она себѣ такой подарокъ выпросила.

Прошла недѣля, другая, воротился мужикъ домой съ ярмарки, привезъ дочерямъ гостинцевъ: одной

бусы на шею, другой ситцу на сарафанъ, а дурочкѣ серебряное блюдечко съ наливнымъ яблочкомъ, Старшія сестры радуются, обновки свои подружкамъ показываютъ, а на младшую сестру смѣются да поджидаютъ, что она дѣлать станетъ съ серебрянымъ блюдечкомъ и наливнымъ яблочкомъ.

А дурочка сѣла въ уголочекъ, взяла яблочко, положила его на блюдечко и стала катать да приговаривать:

— Катись, катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мнѣ города и поля, и лѣса, и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту!

Катится яблочко по блюдечку, а на блюдечкѣ всѣ города, моря и горы видны.

По морямъ корабли плывутъ, бѣлые паруса на нихъ отъ вѣтру раздуваются. На поляхъ полки солдатъ маршируютъ. Такъ-то все хорошо видно на блюдечкѣ, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать.

Видятъ все это сестры, а самихъ зависть беретъ. Вотъ и стали онѣ просить дурочку промѣнять имъ на что-нибудь серебряное блюдечко и наливное яблочко, но дурочка ни на что мѣняться не хочетъ.

Задумали тогда сестры отнять у нея блюдечко силой. И говорятъ ей:

— Пойдемъ, сестрица, съ нами въ лѣсъ по ягоды.

Собралась дурочка съ сестрами въ лѣсъ, а блюдечко съ яблочкомъ потихоньку отъ нихъ отцу отдала.

Пришли сестры въ лѣсъ. Стали ягоды собирать. Вдругъ дурочка видитъ, что сестры изъ-подъ кустика заступъ вытащили, и говоритъ имъ:

— Что это вы, сестрицы, дѣлать хотите?

А тѣ:

— Отдай скорѣе намъ блюдечко съ яблочкомъ,— не то мы тебя убьемъ.

— Не губите меня, сестрицы милыя: нѣтъ со мной блюдечка!

— Разсказывай!—закричали сестры.—Кинулись на нее, убили и закопали подъ березкой.

Насталъ вечеръ. Пришли сестры домой и говорятъ отцу съ матерью:

— Пропала наша сестрица! Ужъ мы ее искали-искали, весь лѣсъ обошли. Видно, ее волки съѣли!

Жалко было отцу съ матерью: хоть и дурочка, а все дочь. Прошло немного времени, стали сестры просить отца отдать имъ блюдечко и наливное яблочко, нс отецъ заупрямился.

— Никому не отдамъ я блюдечка съ яблочкомъ. Пусть они будутъ мнѣ на память о бѣдной моей дурочкѣ.

Шли дни за днями. Стали старики понемногу забывать свою меньшую дочку. Да случилось, что заблудилась разъ у пастуха овечка въ лѣсу. Пошелъ онъ ее искать. Ходилъ-ходилъ по лѣсу, видитъ—березка кудрявая стоитъ, красивая такая, а подъ ней бугорокъ. Посрединѣ бугорка тростникъ растетъ, а вокругъ цвѣты алые да лазоревые цвѣтутъ. Смотритъ пастухъ на березку да на цвѣты, любуется имп, удивляется. Срѣзалъ онъ тростинку, сдѣлалъ дудочку и сталъ играть, а дудочка сама поетъ, выговариваетъ:

«Играй, играй, дудочка! потѣшай свѣтъ-батюшку и родимую мою матушку. Меня, бѣдную, загубили, въ темномъ лѣсу убили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко».

Пришелъ пастухъ въ деревню, а дудочка все поетъ свою пѣсенку. Услыхалъ народъ. Обступили пастуха со всѣхъ сторонъ, спрашиваютъ:

— Кого загубили?

— Ничего я не знаю, люди добрые,—отвѣчаетъ пастухъ,—пошелъ я въ лѣсъ овечку искать и увидалъ бугорокъ; на бугоркѣ тростничокъ росъ, а кругомъ цвѣли цвѣты разноцвѣтные. Срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ дудочку. Сама вотъ она играетъ и выговариваетъ.

Шелъ мимо дурочкинъ отецъ и услыхалъ пастуховы слова. Выхватилъ онъ у пастуха изъ рукъ дудочку, а дудочка опять сама запѣла: «Играй, играй, дудочка! потѣшай свѣтъ-батюшку и родимую матушку! Меня, бѣдную, загубили, въ темномъ лѣсу убили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко».

Говоритъ отецъ, а за нимъ и весь народъ пастуху:

— Веди насъ, пастухъ, туда, гдѣ срѣзалъ тростинку.

Пошли всѣ за пастухомъ. Привелъ онъ ихъ въ лѣсъ, и увидали они бугорокъ, покрытый цвѣтами лазоревыми.

Стали бугорокъ разрывать, и нашли тамъ убитую дѣвушку.

Узналъ мужикъ дочь свою дурочку. Застоналъ заплакалъ, а дудочка сама играетъ, выговариваетъ:

«Меня сестры въ лѣсъ по ягоды зазвали. Въ темномъ лѣсу меня, бѣдную, убили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Пробуди меня, батюшка, отъ сна тяжкаго, достань воды изъ колодца царскаго!»

Испугались сестры и во всемъ повинились.

Зашумѣлъ народъ, схватилъ онъ злыхъ сестеръ, связалъ ихъ и посадилъ въ тюрьму.

А отецъ пошелъ къ самому царю—просить воды изъ царскаго колодца.

Пришелъ онъ въ престольный городъ, къ царскому дворцу.

Вышелъ царь на крыльцо, мужикъ упалъ ему въ ноги и проситъ:

— Царь-батюшка, дозволь взять изъ твоего колодца воды.

— На что тебѣ?—спрашиваетъ царь.

Разсказалъ тутъ мужикъ все, какъ было.

Выслушалъ царь и говоритъ:

— Возьми, старикъ, живой воды изъ моего царскаго колодца. Когда дочь оживетъ, приведи ее ко мнѣ съ блюдечкомъ, съ яблочкомъ и съ сестрами-завистницами.

Поклонился старикъ царю до земли, взялъ воду и пошелъ домой.

Пришелъ онъ въ лѣсъ на цвѣтной бугорокъ, разрылъ землю и спрыснулъ дочку живою водой. Ожила дурочка: вскочила съ земли, какъ отъ сна пробудилась, кинулась на шею отцу, обнимаетъ его, и оба они отъ радости плачутъ.

Вспомнилъ старикъ царскій приказъ, взялъ своихъ дочерей и повезъ ихъ въ престольный градъ на царскій судъ.

Привезъ старикъ дочерей, и сталъ съ ними передъ царскимъ крыльцомъ, ждетъ царскаго выхода.

Вышелъ царь на золотое крыльцо, окинулъ всѣхъ взглядомъ орлинымъ и увидалъ старика съ тремя дочерьми: двѣ по рукамъ связаны, а третья, прекрасная, какъ весенній день, впереди стоитъ.

Глядитъ царь на красавицу, глазъ съ нея свести не можетъ, а на старшихъ сестеръ и взглянуть не хочетъ.

Приказалъ онъ злыхъ сестеръ казнить, а у младшей спрашиваетъ:

— Гдѣ же, красавица, твое серебряное блюдечко и наливное яблочко?

Взяла дурочка изъ рукъ отца ларчикъ, вынула оттуда блюдечко, а яблочко подала царю и сказала:

— Покати ты, царь-государь, яблочко по блюдечку, и увидишь все, что захочешь: города свои крѣпкіе, полки свои храбрые, корабли на морѣ или ясныя звѣзды на небѣ.

Яблочко по блюдечку катится. Города на блюдечкѣ красуются, полки въ походъ собираются, корабли по морю плывутъ, паруса отъ вѣтру раздуваются.

Царь чудесами любуется, удивляется, а красавица со слезами въ ноги ему падаетъ:

— Возьми себѣ, царь-батюшка, мое наливное яблочко и серебряное блюдечко, только прости сестеръ моихъ, не вели ихъ казнить, не губи за меня ты ихъ!

Понравилась царю доброта дѣвушки.

Взялъ онъ ее за руки и говоритъ ей привѣтливо:

— Побѣдила ты меня добротою своей. Ради тебя прощаю я сестеръ твоихъ.

Вскрикнула дурочка отъ радости, обнимать сестеръ кинулась.

Сталъ старикъ домой собираться.

Сестры царю въ ноги кланяются, благодарятъ

Поднялъ царь съ земли младшую сестру и спрашиваетъ:

— Хочешь ли ты быть мнѣ супругой, царству доброй царицей?

— Царь-государь,—отвѣчаетъ красавица,—какъ отецъ велитъ, какъ матушка благословитъ, такъ и я скажу.

Старикъ земно царю кланяется, благодаритъ его за честь великую. Послали за матерью. Мать дала свое благословеніе.

Приказалъ царь готовиться къ свадьбѣ.

Надарилъ онъ своей невѣстѣ много дорогихъ подарковъ и спрашиваетъ:

— Скажи мнѣ, красавица, всѣмъ ли ты довольна?

— Всѣмъ я довольна,—отвѣчала царю дѣвушка,— только есть у меня къ тебѣ просьба: не разлучай меня съ родными, пусть со мной будутъ и отецъ, и мать, и сестры мои.

Царь далъ и на это свое согласіе.

Побѣжала дурочка къ сестрамъ своимъ и говоритъ:

— Забудемъ все, сестры милыя, не чужія вѣдь мы. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Сестры въ раскаяніи плачутъ, прощенья у нея просятъ.

Отпраздновалъ царь свадьбу. Много собралось народу на царскій пиръ. Всѣ пили, ѣли, веселились и желали царю съ царицей счастія на многія лѣта.

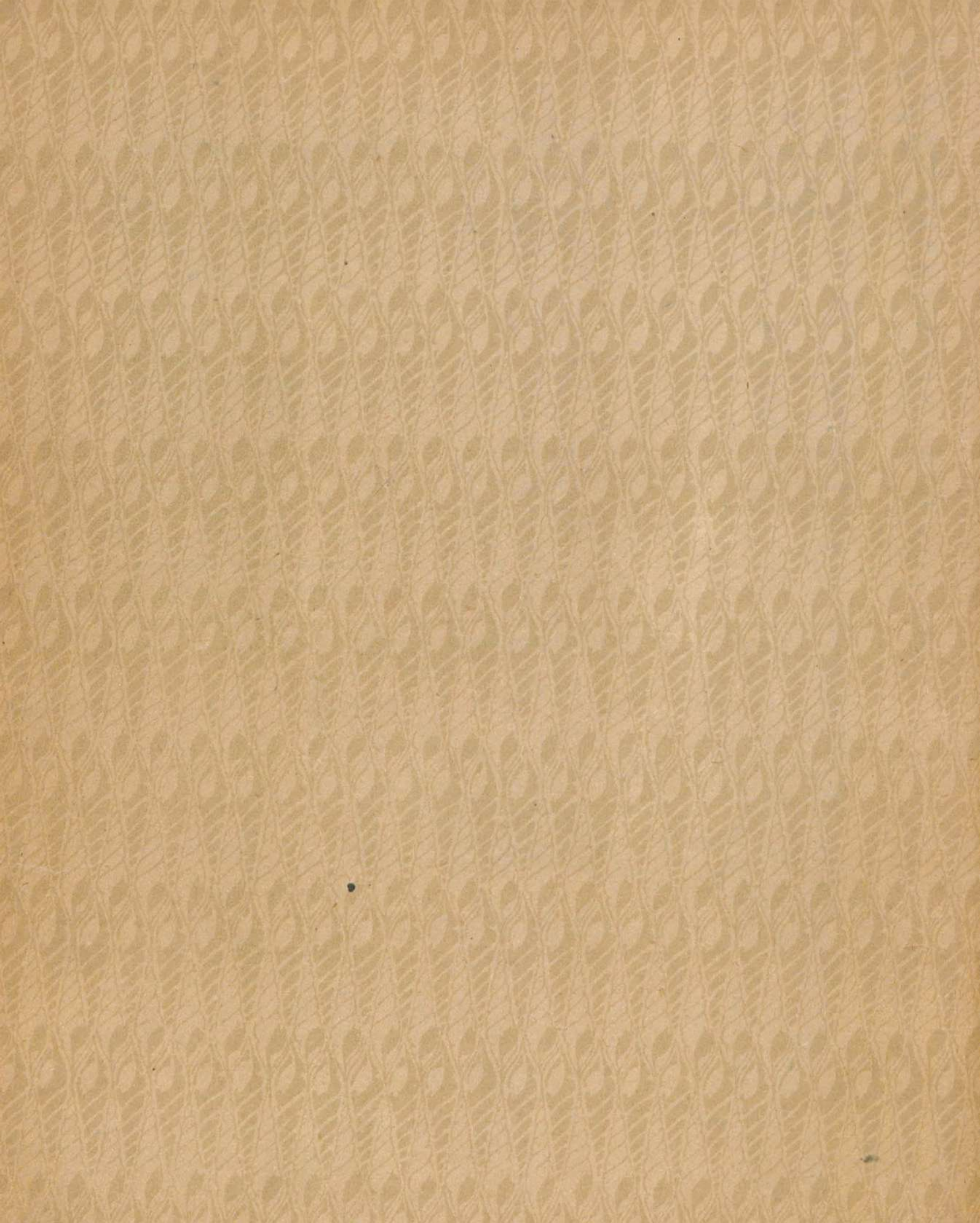

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Ворона и ракъ	1
Рѣпка	3
Переправа	5
Хитрая лиса	7
Лиса и тетеревъ	9
Мужикъ и медвѣдь	11
Лиса и козелъ	13
Волкъ и козлятки	15
Лошадиная голова	18
Лиса и журавль	21
Журавль и цапля	23
Пѣтухъ и собака	26
Медвѣдь и Барбосъ	29
Пѣтухъ и котъ	32
Лиса и заяцъ	36
Колобокъ	40
Лиса, волкъ и медвѣдь	44
Волкъ-дурень	49
Зимовье звѣрей	54
Котъ, козелъ и баранъ	60
У страха глаза велики	65
Солнце, морозъ и вѣтеръ	72
Медвѣдь	74
Баба-яга и Иванушка	77
Липунюшка	81

Стр.
Старая хлѣбъ-соль забывается 85
Гуси-лебеди 89
Мѣна 94
Медвѣдь и дѣвочка 99
Дочь пастуха 104
Два мороза 110
Морозко 115
Падчерица 121
Семилѣтка 126
Крошечка Хаврошечка 132
Старикъ и его три зятя 138
Снѣгурка 143
Змѣй и цыганъ 149
Сивка-Бурка 155
Злая вѣдьма 164
Правда и кривда 173
Королевичъ и его дядька 181
Утро, Полдень и Вечеръ 194
Царевна лягушка 208
Сказка о серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ 220

2007089987

Цѣна 1 р. 75 к.